Христофор Колумб. Дневник первого путешествия

Христофор Колумб

SHOUT
SHARE
IT

-
- ДНЕВНИК ПЕРВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ[1]

ХРИСТОФОР КОЛУМБ

ДНЕВНИК ПЕРВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ [1]

ПРОЛОГ

Это первое путешествие — и путь и дорога, что прошел Христофор Колумб, когда открыл Индии,— изложено в сжатой форме, если не считать пролога, написанного для королей, который здесь приводится слово в слово и начинается так: «In nomine domini nostri Ihesu Christi» (во имя господа нашего Иисуса Христа).

После того как ваши высочества, христианнейшие, высочайшие, светлейшие и всемогущие государи — король и королева Испании и островов моря, наши повелители в нынешнем 1492 году положили конец войне с маврами, которые царство вали в Европе, и завершили войну в великом городе Гранаде, где в этом же году, во второй день января, я видел сам, как силой оружия водружены были королевские стяги ваших высочеств на башнях Альхамбры[2], цитадели Гранады, и как ко роль мавров вышел из городских ворот, дабы поцеловать царственные длани ваших высочеств и государя, моего повели теля[3], в этом же месяце, я осведомил ваши высочества о землях Индий и об одном государе, который зовется «великий хан», что означает на нашем языке «царь царей»[4]. Этот государь и предки его много раз отправляли послов в Рим с просьбой направить к ним людей, сведущих в делах веры (doctores en nuestra sancta fe), дабы они наставляли в ней; святой же отец [папа] никогда не удовлетворял [эти просьбы] и много народов [поэтому] впало в ничтожество и приобщилось к гибельным вероучениям и обратилось к идолопоклонству. И поэтому ваши высочества, как католики-христиане и государи, почитающие святую христианскую веру и споспешествующие **[77]** ее распространению и как враги секты Магомета и всяческого идолопоклонства и ересей, решили отправить меня, Христофора Колумба, в указанные земли Индий, с тем, чтобы повидал я этих государей и эти народы и дознался бы о состоянии этих земель и также о том, каким образом окажется возможным обратить их в нашу веру. И повелели [ваши высочества], чтобы я направился

туда не сушей, следуя на восток, как обычно ходят в ту сторону, но западным путем, каковым, на сколько мы это достоверно знаем, не проходил еще никто.

И таким образом, после того как были изгнаны все евреи из ваших королевств и сеньорий, в том же месяце январе[5], ваши высочества повелели мне отправиться с достаточной флотилией в упомянутые части Индий. Ради того даровали они мне великие милости, возвысив мой род (y me enoblecieron) и позволив отныне и впредь именоваться «доном» и быть главным адмиралом моря-океана, а также бессменным вице-королем и правителем всех островов и материковых земель, которые я открою и обрету и которые отныне и впредь будут открыты и обретены в море-океане, и положили, что преемником моим будет мой старший сын, и так из поколения в поколение во веки веков (О титулах Колумба см. комментарий к Договору от 17 апреля 1492 г.— *Прим. перев.*).

И я отправился из города Гранады в субботу 12 мая того же 1492 года и прибыл в город Палос (См. комментарий «Корабли первой флотилии Колумба».— *Прим. перев.*), морской порт, где я снарядил три весьма подходящих для подобного предприятия корабля. Я вышел из этой гавани хорошо снабженный всякого рода припасами и с большим количеством моряков в пятницу, в третий день августа того же года, за полчаса до восхода солнца и взял путь на принадлежащие вашим высочествам Канарские острова[6], что лежат в том же море-океане, чтобы оттуда идти моим направлением и плыть до тех пор, пока не прибуду я в Индии. А прибыв на место, отправить от имени ваших высочеств послов к тем государям и выполнить все, что мне было велено.

Того ради вознамерился я описать это путешествие самым подробным образом, изо дня в день, отмечая все, что бы я ни совершил и что бы со мной ни происходило, как то видно будет из дальнейшего.

Равным образом, я решил, государи-повелители, каждую ночь описывать то, что случилось за день, а днем отмечать случившееся при плавании ночью, имея в виду составить новую морскую карту, на которой, на надлежащих местах, были бы показаны под их ветром все моря и земли моря-океана, и еще завести книгу и в ней помещать все подобным же образом в рисунках с пометками экваториальной широты и запад ной долготы. И настолько обременил я себя всем этим, что позабыл о сне; и многое испытал я в плаванье, выполняя предначертанное, и совершение всего потребовало великих трудов». **[78]**

Пятница, 3 августа. «Мы отправились в пятницу, 3 августа, от отмели Сальтес (См. комментарий «Экипаж Санта Марии, Ниньи и Пинты». — *Прим. перев.*) в 8 часов утра и до захода солнца прошли 60 миль, или 15 лиг, в южном направлении при сильном бризе (virazon). Затем взяли курс на юго-восток и на юг, четверть к юго-западу, т.е. по направлению к Канарским островам[7].

Суббота, 4 августа. Шли на юго-восток, четверть к югу.

Воскресенье, 5 августа. За день и ночь прошли, продолжая путь, свыше 40 лиг.

Понедельник, 6 августа. Сломался или сорвался с крепления руль на каравелле «Пинта», которой командует Мартин Алонсо Пинсон, и полагают и подозревают, что все это случилось из-за козней Гомеса Раскона и Кристоваля Кинтеро (См. комментарий «Корабли первой флотилии Колумба». — *Прим. перев.*), которым принадлежала каравелла, потому что они не желали выйти в это плаванье. И адмирал говорит, что перед выходом в море было замечено, что эти люди строят козни и ковы.

Видя это, адмирал был крайне встревожен, по той причине, что он не мог оказать этой каравелле помощь, не подвергая себя опасности. Но он говорит, что успокоился совсем, сознавая, что Мартин Алонсо Пинсон был человек сильный духом и разумом. За день и ночь прошли 29 лиг.

Вторник, 7 августа. Снова сломался руль на «Пинте». Исправив повреждение, двинулись по направлению к острову Лансароте, одному из Канарских островов, и за день и ночь прошли 25 лиг.

Среда, 8 августа. Пилоты всех трех каравелл высказывали различные мнения относительно местонахождения флотилии. Но суждение адмирала оказалось наиболее верным. Он намерен был идти к острову Гран-Канария, дабы там оставить каравеллу «Пинта»; она плохо слушалась руля и давала течь. Адмирал имел в виду взять на острове Гран-Канария другой корабль, если только таковой там найдется. В этот день не удалось это сделать.

Четверг, 9 августа (Запись, датированная этим днем, охватывает период времени с 9 августа по 6 сентября. На Гомеру Колумб прибыл в ночь на 12 августа. — *Прим. перев.*). Адмиралу удалось прибыть на Гомеру только лишь в ночь на воскресенье, Мартин Алонсо [Пинсон], по его распоряжению, остался на берегу Гран-Канарии, потому что не мог продолжать плавание.

Затем адмирал вернулся на Канарию. Там трудами и усердием адмирала, Мартина Алонсо и всех прочих починили «Пинту» и в конце концов пришли на Гомеру. На острове Тенериф, над цепью гор, видели дым и огонь. Горы же эти были чрезвычайно высоки (Высота пика Тенериф 3716 м. — *Прим. перев.*). Сменили парусное вооружение на «Нинье» — вместо латинских парусов поставили прямые (См. комментарий «Корабли первой флотилии Колумба». — *Прим. перев.*). На Гомеру прибыли в воскресенье 2 сентября с уже исправленной «Пинтой».

Адмирал говорит, что многие почтенные испанцы, жители острова Иерро, находившиеся на Гомере с доньей Инесой Пераса, матерью Гильёма Пераса, который был затем первым графом Гомеры, клятвенно утверждали, что из года в год они видели к западу от Канарских островов землю и лежала, следовательно, эта земля в направлении солнечного заката. Другие жители Гомеры также подтверждали это клятвенно.

Адмирал припоминает, что в 1484 г. в то время, когда он находился в Португалии, к королю явился некто с острова Мадейры и просил короля дать ему каравеллу, чтобы отправиться к этой земле. Он клятвенно заверял, что эту землю замечают из года в год и вид ее остается всякий раз одним и тем же[8].

Адмирал также вспоминает, что тоже самое говорят на Азорских островах, причем все одинаковым образом отмечают направление, в котором лежит земля, ее местоположение и размеры.

В четверг, на шестой день сентября, запасшись водой, дровами, мясом и всем остальным, что заготовили люди, оставленные для этой цели адмиралом на Гомере на то время, пока он был на острове Канарии, и отремонтировав «Пинту», пустились все три каравеллы в путь, покинув Гомеру.

Четверг, 6 сентября. В этот день, утром, вышли из гавани Гомеры в путь, чтобы следовать своим направлением. Адмирал узнал от людей с одной каравеллы, которая прибыла с острова Иерро, что к Канарским островам вышли три португальские каравеллы, желая его [адмирала] захватить. Это, должно быть, объясняется завистью, которую испытывает король Португалии при мысли, что адмирал ушел [от него] в Кастилию[9].

Шли весь день и ночь при тихой погоде и утром находились между Гомерой и Тенерифом.

Пятница, 7 сентября. В пятницу и до трех часов ночи субботнего дня удерживалось безветрие. **[80]**

[ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН]

Суббота, 8 сентября. В субботу, в три часа ночи, подул ветер с северо-востока. Адмирал пошел своим путем на запад. На море было волнение от носа, что препятствовало ходу, и поэтому за день и за ночь прошли только 9 лиг.

Воскресенье, 9 сентября. Прошли за день 15 лиг. Адмирал принял решение отсчитывать доли пути меньшие, чем проходили в действительности, в том случае, если плаванье оказалось бы длительным, чтобы людьми не овладели бы страх и растерянность.

Ночью прошли 120 миль, или 30 лиг, делая по 10 миль в час. Матросы плохо управляли рулем и отклонились более чем на четверть к северо-востоку. Отошли от курса почти на полветра. За это адмирал многократно выговаривал им.

Понедельник, 10 сентября. За день и ночь пройдено было 60 лиг — по 10 миль, или 2,5 лиги в час, но чтобы в случае долгого пути не наводить на людей страх, если путь окажется долгим, исчислили пройденное расстояние в 48 лиг.

Вторник, 11 сентября. Плыли весь день своим путем, т. е. на запад и прошли более 20 лиг. Видели обломок мачты с 120-бочечного корабля, но не смогли выловить его (Бочка — tonelada — мера объема для жидкостей и сыпучих тел, равная примерно 5/6 метрической тонны. В бочках измерялось в Кастилии водоизмещение кораблей. 120-бочечный корабль имел, таким образом, около 100 т. водоизмещения. С «тонеладой» не следует смешивать бискайскую меру емкости — «тонель», равный 5/6 тонелады или 2/3 метр. тонны.— *Прим. перев.*).

Ночью прошли около 20 лиг, но по указанной уже причине отмечено было только 16.

Среда, 12 сентября. Продолжая идти тем же путем, прошли за день и ночь 33 лиги, засчитав по той же причине меньшее число лиг.

Четверг, 13 сентября. За день и ночь прошли тем же путем на запад 33 лиги, исчислили тремя или четырьмя лигами меньше. Течения были противные. В этот день игла компаса отклонилась к северо-западу[10], к то же повторилось на следующее утро.

Пятница, 14 сентября. Плыли день и ночь своим путем на запад и прошли 20 лиг, исчислив несколько меньше. Люди с каравеллы «Нинья» говорили, что видели чайку (garxao) и рабо де хунко (Трудно определим вид птицы, которая обозначается под этим именем в «Дневнике».— *Прим. перев.*). Птицы же эти никогда не удаляются от земли более чем на 25 лиг.

Суббота, 15 сентября. За ночь и день прошли 27 лиг и даже более тем же путем на запад. Ночью, в ее начале, видно было, как

с неба упала в море в 4-5 лигах от корабля дивная огненная ветвь. **[81]**

Воскресенье, 16 сентября. Днем и ночью плыли тем же путем на запад. Прошли 39 лиг, отметили только 36. Днем было облачно, моросило.

Адмирал здесь отмечает, что в этот день на всем пути удерживалась такая удивительно мягкая погода, что прелесть утренних часов доставляла огромное наслаждение, и казалось, что не хватает лишь соловьиного пения. Он говорит: «погода была, как в Андалусии в апреле».

Здесь начали замечать множество пучков зеленой травы[11], и, как можно было судить по ее виду, трава эта лишь недавно была оторвана от земли. Поэтому все полагали, что корабли находятся вблизи какого-то острова, и, по мнению адмирала, это был именно остров, а не материк. Он говорит: «самый материк лежит еще дальше».

Понедельник, 17 сентября. Адмирал плыл своим путем на запад и прошел за день и ночь более 50 лиг. Отмечено, однако, было всего лишь 47. Помогало течение. Видели часто траву, и ее было очень много. Это была та трава, что растет на скалах, и приносилась она с запада. Моряки рассудили, что находятся вблизи земли. Пилоты взяли север («Взять север» — «tomar el norte» — морской испанский термин, которым обозначался особый способ проверки северного положения магнитной стрелки по Полярной звезде: пилот помещал поставленную ребром ладонь между глазами, на линии носа и переносицы, наводил ладонь на Полярную звезду, а затем, не меняя положения руки, опускал ее на картушку компаса.— *Прим. перев.*) и обнаружили, что иглы [компасов] отклоняются к северо-востоку на большую четверть. Моряков охватили страх и печаль, и нельзя было узнать тому причину.

Когда адмирал узнал обо всем этом, он велел поутру снова взять север; выяснилось, что стрелки показывали верно. Причина же заключалась в том, что казалось, будто движется сама звезда, а не иглы [компаса].

После того как рассвело, в тот же понедельник, увидели еще больше травы, и оказалась она речной. Среди трав нашли живого рака, которого адмирал сохранил. Адмирал отмечает, что все это были верные признаки земли и что корабли находятся от нее не далее чем в 80 лигах. Обнаружено было, что со времени отплытия от Канарских островов не было еще столь малосоленой воды в море и столь тихой погоды. Все повеселели, и каждый корабль ускорял ход насколько воз можно, чтобы первым увидеть землю. Видели много дельфинов, а люди с «Ниньи» одного убили.

Адмирал отмечает при этом, что все это — признаки запад ной стороны.— «Уповаю на всевышнего, от коего зависит все, и надеюсь, что очень скоро даст он нам узреть землю».

Утром, как он отмечает, видели белую птицу, которая называется «рабо де хунко». Птица эта не спит над морем. **[82]**

Вторник, 18 сентября. Шли день и ночь, пройдя более 55 лиг, но показали только 48. Море все эти дни было очень спокойное, совсем как река в Севилье. Мартин Алонсо (Пинсон) на «Пинте», корабле весьма быстроходном, пошел вперед, не дожидаясь остальных каравелл. Он сообщил со своей каравеллы адмиралу, что видел множество птиц, летящих к западу, почему и надеялся этой же ночью увидеть землю; по этой причине он шел так быстро.

На севере показалась большая туча — верный признак близости земли[12].

Среда, 19 сентября. Плыли своим путем, и так как погода была тихая, за день и ночь прошли 25 лиг, записали же 22. В этот день, в 10 часов, на корабль залетел глупыш, вечером видели еще одного. Птицы же эти обычно не удаляются более чем на 20 лиг от земли. Порой шел дождь, но ветра не было — верный признак земли.

Адмирал не хотел задерживаться, плавая против ветра (barloventeando), чтобы удостовериться, есть ли близко земля, хотя он считал, что и к северу и к югу обязательно должны быть какие-то острова, как в действительности и было, и он шел между ними, потому что его желанием было следовать дальше до самых Индий; «...И погода благоприятная, поэтому, уповая на господа, на обратном пути все это смогу я осмотреть...» — таковы его слова.

Здесь пилоты показали свои морские карты. По исчислениям пилота «Ниньи», флотилия оказалась в 440 лигах от Канарских островов, пилота «Пинты» — в 420 и пилота адмиральского корабля — точно в 400 лигах от этих островов[13].

Четверг, 20 сентября. Плыли в этот день на запад, четверть к северо-западу, так как ветры неоднократно сменялись затишьем. Прошли 7 или 8 лиг. На корабль прилетело два глупыша, а затем еще один — верный признак близости земли. Видели много травы, хотя минувшим днем ее не было заметно. Поймали руками птицу, похожую на чайку. То была речная, а не морская птица, и лапки у нее такие, как у чайки.

Незадолго до восхода солнца с пением залетели на корабль две или три птицы из тех, что водятся на земле, но они исчезли, как только солнце взошло. Затем прилетел с западо-северо-запада глупыш, а летел он к юго-востоку — признак того, что он оставил

за собой землю к западо-северо-западу, потому что спят эти птицы на суше, а по утрам вылетают в море в поисках пищи и от земли они не удаляются более чем на 20 лиг.

Пятница, 21 сентября. Большую часть дня было затишье, затем подул несильный ветер. За день и ночь, продвигаясь вперед то в своем направлении, то другим курсом, прошли около 13 лиг. На рассвете увидели столько травы, что, казалось, все море кишело ею, и шла она с запада. Видели глупыша; **[83]** море было гладко, как река, погода же, какой лучше и быть не может. Видели кита — признак близости земли, — потому что киты плавают неподалеку от берега.

Суббота, 22 сентября. Плыли к западо-северо-западу, порой несколько отклонялись то в ту, то в иную сторону, и прошли 30 лиг. Трава почти не попадалась. Видели несколько «pardelas» (Маленькая морская птица, вид чайки. Водится у берегов Пиренейского полуострова.— *Прим. перев.*) и других птиц.

Адмирал при этом пишет: «Мне пришелся кстати этот противный ветер, потому что мои люди очень тревожатся, решив, что в этих морях не дуют ветры [благоприятные] для возвращения в Испанию».

Некоторое время трава не попадалась, а затем появилась — и очень густая.

Воскресенье, 23 сентября. Плыли к северо-западу, порой отклоняясь на четверть к северу, а иногда и своим путем, т. е. на запад. Прошли 22 лиги. Видели голубя, глупыша, еще одну речную птицу и белых птиц. Травы попадалось много, и в ней найдены были раки. Так как море было тихое и гладкое, люди стали роптать, говоря, что море тут странное и никогда не подуют ветры, которые помогли бы им возвратиться в Испанию[14].

Но вскоре началось сильное волнение при безветрии, что всех немало удивило. Адмирал же по этому поводу отмечал: «Большую пользу принесло мне это бурное море и подобного, пожалуй, не случалось со времен иудейских, когда евреи роптали на Моисея за то, что он освободил их из плена».

Понедельник, 24 сентября. Плыли своим путем на запад, днем и ночью и прошли 14,5 лиг. На корабль залетел один глупыш. Видели много «pardelas».

Вторник, 25 сентября. Большую часть дня стояло затишье, затем подул ветер, и до ночи шли своим путем на запад.

Адмирал имел беседу с Мартином Алонсо Пинсоном, капитаном каравеллы «Пинта», относительно одной карты, которую три дня назад [адмирал] отослал на каравеллу и на которую, как оказалось потом, адмирал нанес некоторые острова

в этом море, а Мартин Алонсо сказал, что находятся они не в этих местах. Адмирал ответил, что и ему тоже так кажется, а если им не встретились острова, то это объясняется действием течений, которые постоянно относили корабли к северо-востоку. Поэтому пройденное на самом деле расстояние должно быть меньше указанного пилотами. Держась этого убеждения, адмирал заявил, чтобы ему переслали упомянутую карту, и, когда ее передали, адмирал начал прокладывать на карте курс совместно со своим пилотом и моряками.

На заходе солнца Мартин Алонсо Пинсон показался на корме своего корабля и с радостным видом вызвал адмирала, поздравляя его, ибо увидел он землю. **[84]**

Услыхав столь твердое заявление Пинсона, он, по его словам, бросился на колени и возблагодарил господа нашего, а Мартин Алонсо и люди его возгласили: «Слава в вышних богу» (Gloria in excelsis Deo); также поступил и экипаж его, а те, что находились на «Нинье», взобрались на мачты и на снасти и все в один голос утверждали, что [видна] земля. Так казалось и адмиралу, который считал, что он находится в 25 лигах от нее. До ночи все были убеждены, что земля лежит где-то поблизости. Адмирал приказал всем кораблям отклониться от обычного пути на запад и идти всем кораблям к юго-западу, в том направлении, где показалась земля.

Днем проплыли на запад 4,5 лиги, ночью на юго-запад 17 лиг, людям же сказано было, что пройдено 13 лиг, потому что постоянно притворно им заявляли, будто прошли меньший путь, чтобы [истинный] путь не показался им длинным. Таким образом, велись два счета расстояния, пройденного в этом плавании: меньший счет был ложный, больший же — истинный. Шли по тихому морю, и поэтому многие бросались в воду и купались [у кораблей]. Видели много «дорадос» (Трудно установить вид этой рыбы. — *Прим. перев.*) и других рыб.

Среда, 26 сентября. Адмирал плыл своим путем на запад до полудня, затем направился на юго-запад до тех пор, пока не убедился, что то, что вчера все принимали за землю, было небом. За день и ночь прошли 31 лигу, людям же сказали, что проплыли только 24 лиги. Море было словно река, погода приятная и мягкая.

Четверг, 27 сентября. Плыли своим путем на запад. За день и ночь прошли 24 лиги, людям же насчитали только 20 лиг. Видели много «дорадос», одну убили. Заметили рабо де хунко.

Пятница, 28 сентября. Плыли своим путем на запад. При затишье за день и ночь прошли 14 лиг, объявили же людям, что проплыли 13 лиг.

Встретили немного травы, поймали двух «дорадос». На других кораблях выловили больше.

Суббота, 29 сентября. Плыли своим путем на запад. Прошли 24 лиги, людям же насчитали 21 лигу. Было затишье, по этому за день и ночь прошли немного. Видели птицу вилохвостку (rabiforcado)[15]. Эти птицы вынуждают глупышей извергать проглоченную рыбу, а затем съедают ее и только этим и кормятся. Вилохвостка — птица морская. Но она не живет над морем и не удаляется от земли больше чем на 20 лиг. Их очень много на островах Зеленого мыса. Затем видели двух глупышей. Погода была мягкая и приятная, именно такая, о которой говорят, что не хватает только соловьиного пения, море же было гладкое, как река. Трижды появлялись глупыши и один раз вилохвостка. Видели много травы. **[85]**

Воскресенье, 30 сентября. Плыли своим путем на запад, прошли за день и ночь, при затишье, 14 лиг, показали же только 11. На корабль залетали четыре рабо де хунко — важный признак близости земли, потому что, когда появляются вместе несколько птиц одной породы, можно с уверенностью сказать, что то не отбившиеся от стаи и не потерявшие свой путь птицы. Дважды видели четырех глупышей и много травы.

Отмечено было, что звезды, которые зовут «Стражницами» (Guardas), вечером были у правой руки, с западной стороны, а на рассвете — на одну линию ниже левой руки, к северо-востоку. Таким образом, за ночь они прошли не более трех линий, что соответствует девяти часам[16]. И так, говорит адмирал, бывает каждую ночь. Также было замечено, что, когда стемнело, иглы [компаса] отклонились на четверть к северо-западу, а на рассвете они показали точно в направлении Звезды [Полярной]. Поэтому возможно, что Звезда, как и прочие звезды, движется, тогда как иглы [компаса] всегда показывают верно.

Понедельник, 1 октября. Плыли своим путем на запад. Прошли 25 лиг. Людям объявили 20. Был великий ливень.

Пилот адмирала сегодня на рассвете отметил, что от острова Иерро до этого места пройдено 578 лиг на запад. Согласно же меньшему счету расстояний, который адмирал показывал людям, — отмечено только 584 лиги (Описка в тексте дневника. Разумеется расстояние, исчисленное по «большому счету», превышало 578 лиг. — *Прим. перев.*). Но по правде, так как о том судит и полагает адмирал, пройдено уже 707 лиг.

Вторник, 2 октября. Плыли своим путем на запад, за день и ночь прошли 39 лиг — людям сообщено было, что сделано 30 лиг. Море неизменно спокойное и доброе. Господу должно вознести много благодарений, говорит здесь адмирал. Трава вопреки

обыкновению шла с востока на запад. Появилось много рыб. Поймали одну. Видели белую птицу, возможно то была чайка.

Среда, 3 октября. Плыли обычным путем. Прошли 47 лиг. Людям насчитали 40 лиг. Появились «pardelas» и много трав, некоторые увядшие, иные же свежие и с чем-то похожим на плоды. Не видели никаких птиц, и адмирал полагает, что острова, которые отмечены на его карте, остались позади.

Адмирал говорит, что он не желал на прошлой неделе и на этих днях идти против ветра, видя столько признаков земли и имея сведения об определенных островах в этой стране, чтобы не задерживаться, так как цель его — пройти к Индиям, и что поэтому, как говорит он, неразумно было бы, если бы такая задержка была допущена. **[86]**

Четверг, 4 октября. Плыли своим путем на запад, прошли за день и ночь 63 лиги, людям насчитали 46 лиг. Видели у корабля стаю более чем в 50 «pardelas» и двух глупышей, и в одного из них угодил камнем корабельный мальчик (moco de la carabela). На корабль залетела белая птица, похожая на чайку.

Пятница, 5 октября. Плыли своим путем. Шли 11 миль в час, за день и ночь проделали 57 лиг, потому что ночью ветер немного ослаб. Насчитали людям 45 лиг. Море спокойное и тихое. Адмирал говорит: «Господу надо воздать великую хвалу». Травы нет никакой, много птиц, особенно «pardelas» и рыб-жаворонков (golondrinas). Летающие рыбы во множестве проносились над кораблем.

Суббота, 6 октября. Плыли своим путем, на запад. Прошли 40 лиг за день и ночь. Людям насчитали 33 лиги. Этой ночью Мартин Алонсо сказал, что лучше было бы плыть на запад, четверть к юго-западу. Адмиралу показалось, что Мартин Алонсо, говоря это, имеет в виду не остров Сипанго[17]. И адмирал рассудил, что, если этот остров пропустили, то не смогут достаточно скоро достичь земли и что поэтому лучше сперва идти к материковой земле, а затем к островам.

Воскресенье, 7 октября. Плыли своим путем к западу. Сперва проходили по 12 миль, а затем по 8 миль в час. Прошли до захода солнца 23 лиги, людям насчитали 18 лиг.

Днем, на восходе солнца, каравелла «Ниньа», которая шла впереди, так как она ходкая (и кроме того все стараются идти возможно быстрее, чтобы первыми увидеть землю и воспользоваться наградой, которую обещали тому, кто первый увидит землю), подняла на вершине мачты знамя и разрядила лом барду (Ломбарда — старинная пушка, стреляющая каменными ядрами. — *Прим. перев.*), что было условным сигналом [который должен даваться] при виде земли, согласно

распоряжению адмирала. Было приказано также, чтобы на восходе и на заходе солнца все корабли присоединялись к адмиральскому, так как в эти часы воздух особенно чист, и можно обозревать все на значительном расстоянии.

Вечером не нашли земли, которую будто бы видели люди на «Нинье». Пролетело великое множество птиц с северной стороны к юго-западу: судя по этому, можно было полагать, что они летят, чтобы ночевать на суше, или же, быть может, бегут от зимы, которая в тех землях, откуда они вылетели, должна была уже наступить (адмирал знал, что большинство островов, которыми владеют португальцы, были открыты благодаря птицам). Поэтому адмирал решил оставить путь к западу и направился на западо-юго-запад с тем, чтобы в течение двух дней идти этим путем. Это случилось за час до захода солнца. **[87]**

За ночь прошли 5 лиг и за день 23 лиги. Всего же прошли лиг за ночь и день.

Понедельник, 8 октября. Плыли к западо-юго-западу и про шли за день и ночь 11,5 или 12 лиг, и порой казалось, что ночью делали по 15 миль в час, если только запись эта не ошибочна. Море же было, как река в Севилье.

«Благодарение господу, — говорит адмирал, — воздух очень мягкий, как в апреле в Севилье, и одно наслаждение дышать им. Такой он душистый». Появилась очень свежая трава, и показалось много полевых птиц (одну из них поймали). Летели же они на юго-запад. То были чайки и утки. Видели одного глупыша.

Вторник, 9 октября. Плыли к юго-западу. Прошли 5 лиг. Ветер переменился, и [корабли] приняли направление на запад, четверть к северо-западу и так прошли еще четыре лиги. Всего же за день сделали 11 лиг, а за ночь 20,5. Людям насчитали 17. Всю ночь слышали, как пели птицы.

Среда, 10 октября. Плыли к западо-юго-западу, шли по 10, а порой по 12 и по 7 миль в час, и за день и ночь прошли 59 лиг. Насчитали людям не более 44 лиг. Люди теперь уже не могли больше терпеть, жалуясь на долгое плаванье. Но адмирал ободрял их как нельзя лучше, вселив в них добрые надежды на большие выгоды в будущем. Он добавил, что тщетно было бы жаловаться, так как он уже прибыл к Индиям и следует продолжать путь до тех пор, пока Индии не будут, с помощью господа нашего, найдены.

[ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ НОВЫХ ОСТРОВОВ]

Четверг, 11 октября. Плыли на запад-юго-запад. За все время плаванья еще не было такого волненья на море. Видели «pardelas» и зеленый камыш у самого корабля. Люди с каравеллы «Пинта» заметили тростинку и сук и выловили обтесанную, возможно железом, палочку и обломок тростинки и прочие травы, что родятся на земле, и одну дощечку. Люди на каравелле «Нинья» видели другие приметы земли и веточку, усеянную ягодами шиповника. Все воодушевились и обрадовались, видя эти приметы.

До захода солнца прошли в этот день 27 лиг. После захода солнца плыли своим путем на запад со скоростью 12 миль в час и к двум часам пополуночи прошли 90 миль, или 22,5 лиги. И так как каравелла «Пинта» была более быстроходной и шла впереди адмирала, то нашла она землю и дала сигналы, предписанные адмиралом. Эту землю увидел первым матрос, которого звали Родриго де Триана.

Также и адмирал, находясь на кормовой площадке (castillo de popa), видел в 10 часов вечера свет, но свет был так неясен, что, не желая утверждать, что [впереди] земля, **[88]** адмирал вызвал Перо Гутьереса, королевского постельничего (repostrero d'estrados del rey), и сказал ему, что он видел свет и попросил его всмотреться [вдаль]. Тот, исполнив просьбу, также увидел свет. Сообщил об этом адмирал Родриго Санчес де Сеговия, которого король и королева отправили с флотилией в качестве контролера (veedor). Родриго Санчес до этого не видел света, потому что находился в таком месте, откуда нельзя было ничего приметить, но после того как адмирал сказал ему о свете, они стали всматриваться вдвоем и разглядели нечто подобное огоньку восковой свечи, который то поднимался, то опускался.

Немногие сочли это признаком земли, адмирал же считал несомненной ее близость. И поэтому, когда призвали к «Salve» (Т. е. когда наступил час вечерней молитвы.— *Прим. перев.*) (а молитву эту все моряки приучились повторять и петь на свой манер), и все собрались, адмирал попросил и предуведомил, чтобы хорошо отправляли вахту на носу (castillo del proa) и пристально следили за землей, и обещал тому, кто первый объявит, что видит землю, тотчас же дать шелковый камзол, не говоря уже о других милостях, обещанных королями, — т. е. 10000 мараведи годовой ренты первому, увидевшему землю (Лас Касас в «Истории Индий» так пишет о наградах, обещанных за открытие земли: «[Адмирал] обратился ко всем морякам и ко всему люду с речью, исполненной великой радостью, и призвал их воздать должное господу, который ниспослал и ему и всем

милости в плавании, и дал им такое тихое море, такие добрые и приятные ветры, такую спокойную погоду — без бурь и волнений — и избавил от всего, что обычно выпадает на долю тех, кто плавает по морям.

И так как он надеялся на благость господню, которая даст им до срока землю, то убедительно просил он своих людей, чтобы этой ночью отправляли зорко вахту на баке и чтобы были они настороже и высматривали землю тщательней, чем ранее это делалось. Сказано было в первом разделе инструкции, которая была получена каждым капитаном каждого корабля при выходе от Канарских островов, что в том случае, если будет пройдено 700 лиг и земля открыта не будет, должны будут [в дальнейшем] продвигаться морем лишь до полуночи, а это правило до сих пор не соблюдалось, но адмирал скрывал свое неудовольствие, чтобы не печалить людей, жаждавших увидеть землю. Поэтому он, вполне полагаясь на господа, был уверен, что этой ночью они находятся очень близко от земли и, быть может, даже увидят ее. И каждый был должен приложить все старания в бдении, чтобы увидеть землю первым, ибо этому человеку, помимо королевской награды в 10000 мараведи, обещал он дать шелковый камзол»).

В два часа пополуночи показалась земля, в двух лигах [от кораблей]. Убавили паруса и оставили парус «трео» (Трео (treo) — прямой парус, который на кораблях с латинским парусным вооружением ставился на корме под ветер, дующий в лоб), т. е. большой парус без боннет (Боннеты, или лисселя, — добавочные паруса, которые пришнуровываются к основным парусам. — *Прим. перев.*), и легли в дрейф до следующего дня. **[89]**

Пятница, 12 октября. В пятницу достигли одного островка из [группы] Лукайских, который на языке индейцев назывался Гуанахани. Тут же увидели нагих людей, и адмирал и Мартин Алонсо Пинсон и Висенте Яньес [Пинсон], его брат, капитан «Ниньи», с оружием съехали на берег на лодке. Адмирал захватил с собой королевский стяг, капитаны — два знамени с зелеными крестами. (А знамена эти адмирал держал как вымпел на всех кораблях, и на них были буквы «F» и «Y» (Буквы «F» и «I» — инициалы короля (Fernando) и королевы (Isabela). В XV веке имя Isabela часто писалось через «Y».— *Прим. перев.*), и под каждой буквой помещены были короны, одна слева, другая справа от креста.)

Высадившись на землю, они увидели очень зеленые деревья и много воды и различные плоды. Адмирал призвал обоих капитанов и всех прочих, кто сошел на землю, в том числе Родриго д`Эсковедо, эскривано[18] всей флотилии, и Родриго Санчеса де Сеговия и сказал им, чтобы они под присягой

засвидетельствовали, что он [адмирал] первый вступил, как оно воистину и было, во владение этим островом от имени короля и королевы, его государей, свершив при этом все формальности, какие требовались; более подробно это отмечено в актах, которые здесь же были составлены в письменном виде. Вскоре на берег пришло множество жителей острова.

То, что следует далее — подлинные слова адмирала в его книге о первом плавании и открытии:

«Поскольку они держали себя дружественно по отношению к нам и поскольку я сознавал, что лучше обратить их в нашу святую веру любовью, а не силой, я дал им красные колпаки и стеклянные четки, что вешают на шею, и много других мало ценных предметов, которые доставили им большое удовольствие. И они так хорошо отнеслись к нам, что это казалось чудом. Они вплавь переправлялись к лодкам, где мы находились, и приносили нам попугаев и хлопковую пряжу в мотках и дротики и много других вещей и обменивали все это на другие предметы, которые мы им давали, как, например, на маленькие стеклянные четки и погремушки. С большой охотой отдавали они все, чем владели.

Но мне показалось, что эти люди бедны [и нуждаются] во всем. Все они ходят нагие, в чем мать родила, и женщины тоже, хотя я видел только одну из них, да и та была еще девочкой. И все люди, которых я видел, были еще молоды, ни кто из них не имел более 30 лет, и сложены они были хорошо, и тела и лица у них были очень красивые, а волосы грубые, совсем как конские, и короткие. Волосы зачесывают они вниз, на брови, и только небольшая часть волос и притом длинных, никогда не подстригаемых, забрасывается назад. Некоторые разрисовывают себя черной краской (а кожа у них такого цвета, как у жителей Канарских островов, которые не черны и не белы[19]), другие красной краской; иные тем, что попа дается под руку, и одни из них разрисовывают лицо, другие же все тело, а есть и такие, у которых разрисованы только глаза или нос. **[90]**

Они не носят и не знают [железного] оружия: когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведенью обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики — это палицы без железа. Некоторые дротики имеют на конце рыбьи зубы, у других же наконечники из иного материала.

Они все, без исключения, рослые и хорошо сложенные люди. Черты лица у них правильные, выражение приветливое. У многих я видел рубцы на теле, объясняясь знаками, я спросил их, отчего у них эти рубцы, и они таким же образом растолковали мне, что сюда приходили люди с других, лежащих рядом островов, и

хотели эти люди захватить их всех, они же оборонялись. И я думаю, и иные думают, что сюда те люди пришли с материковой земли, чтобы захватить всех живущих здесь в плен.

Они должны быть хорошими и толковыми и сметливыми слугами (servidores) — я заметил, что они очень быстро научились повторять то, что им говорилось; и я полагаю, что они легко станут христианами, так как мне показалось, что нет у них никаких верований (que ningun secta tenian). И, с божьей помощью, я привезу отсюда для ваших высочеств шесть чело век, которых возьму при отправлении [в обратный путь], чтобы научились они говорить [по-испански]. Тварей никаких, кроме попугаев, я на острове не видел».

Все это — слова адмирала.

Суббота, 13 октября. Как только рассвело, на берег вышло много этих людей — мужчин, и все они, как я уже о том говорил, были рослые и очень красивые. Волосы же у них были не курчавые, но волнистые и грубые, словно конские. И у всех лбы и лица широкие в большей степени, чем у индейцев, которых я встречал раньше. Глаза же у них были красивые и отнюдь не маленькие. Цветом эти люди были не черные, а та кие, как жители Канарских островов, и можно ли ожидать иного? Ведь остров этот находится к западу от Иерро, в Канарии, и на одной линии с ним. Ноги у них очень прямые, и все эти люди как будто сотворены одной рукой, не тучны, живот же у них хорошо скроен.

К кораблю они приплыли на челноках, изготовленных из древесных стволов и подобных длинной лодке, и каждый чел нок сооружен из цельного куска дерева, и отделаны они были на диво по вкусам той земли, и среди них были большие — в одном из таких каноэ прибыло 40—45 человек — были и маленькие, даже такие, в которых помещался лишь один человек. **[91]**

Они продвигались на лодках с помощью весла, похожего на лопату (которую употребляют пекари, когда сажают в печь хлеб), и шли с большой скоростью; когда же лодка опрокидывалась, все бросались в воду и переворачивали ее, а воду вычерпывали полыми тыквами, которые возили с собой.

Они приносили клубки хлопковой пряжи, попугаев, дротики и другие вещички, которые было бы утомительно описывать, и все давали за любой предмет, какой бы им ни предлагался. Я же был внимателен к ним и упорно дознавался, имеют ли эти люди золото. Я видел, что у некоторых кусочки золота воткнуты в отверстия, которые они для этой цели проделывают в носу. И, объясняясь знаками, я дознался, что, плывя на юг или возвращаясь на этот остров с юга, я встречу в тех местах одного короля, у которого есть большие золотые сосуды, и король этот

имеет очень много золота. Я попытался узнать, как пройти туда, но вскоре понял, что они не знают пути в те края.

Я решил остаться здесь до завтрашнего вечера, а затем отправиться на юго-запад, так как из объяснений многих из этих людей выходило, что и на юге и юго-западе и северо-западе есть земля и что люди с северо-запада много раз нападали на местных жителей. Поэтому и решил я идти к юго-западу, в поисках золота и драгоценных камней.

Этот остров (Гуанахани) (О Гуанахани см. комментарии к письму Колумба Сантанхелю и Санчесу.— *Прим. перев.*) очень большой и очень ровный, и здесь много зеленых деревьев и воды, а посередине расположено очень большое озеро. Гор же никаких нет. Весь остров так зелен, что приятно глядеть на него, люди же покорного нрава, и охота к приобретению наших вещей у них большая. Имея в виду, что им ничего не дадут без того, чтобы и сами они чего-нибудь не предложили, они, в случае, когда в обмен дать им нечего, хватают все, что плохо лежит и мгновенно бросаются в воду. Но все то, что у них есть они отдают за любую вещь, которую им предлагают, даже за осколки битой посуды и стекла. Я видел, как за три португальских мелких монеты, равных по цене одной кастильской бланке (blanca) (Монета, равная 1/2 мараведи. — *Прим. перев.*), они дали 16 мотков хлопковой пряжи. Подобную мену я запретил и не разрешил что бы то ни было отбирать у них, за исключением предметов, которые предназначались их высочествам, и то, если под лежащее отправке имелось в достаточном количестве. Остров плодороден, но за недостатком времени я не мог обо всем узнать. Есть здесь золото, которое носят жители подвешенным к носу.

Однако, чтобы не терять времени, я желал двинуться дальше в поисках острова Сипанго. С наступлением ночи все индейцы отправились на берег со своими челноками. **[92]**

Воскресенье, 14 октября. На рассвете я велел приготовить лодки на своем корабле и на каравеллах и отправился, вдоль острова, в северо-северо-восточном направлении, чтобы осмотреть другую его часть, восточную, а также обследовать селения.

Я видел два или три селения, а также людей, которые выходили на берег, взывая к нам и вознося хвалу богу. Одни приносили нам воду, другие пищу, иные же, заметив, что я не собираюсь выйти на берег, бросались в море и добирались до нас вплавь; и мы поняли, что они спрашивают, не явились ли мы с неба.

И один старик вошел в нашу лодку, все же другие — муж чины и женщины — громко возглашали «идите, смотрите — вот

люди, явившиеся с неба, несите им пищу и питье». Пришли многие, и среди них было немало женщин, и все что-нибудь приносили, благодаря бога; бросаясь на землю, они поднимали руки к небу, а затем громкими криками призывали нас на берег.

Но я не решился высадиться: весь остров окружен подводными камнями, и хотя за ними есть глубокие места и гавань, способная вместить корабли всех христианских стран, но вход в нее очень узкий. Правда, за этим поясом [камней] есть отмели, но вода там так же спокойна, как в глубине колодца. Чтобы все это осмотреть, я отправился утром на берег, желая дать обо всем отчет вашим высочествам и выбрать место для сооружения крепости. Я приметил клочок земли, похожий на остров, хотя то и не был остров; и на нем шесть хижин; за два дня можно отгородить его от [большого] острова, хотя я в том и не вижу нужды: люди здешние очень уж простоваты и не искушены в ратном деле, как в том убедятся их высочества по тем семи индейцам, которых я при казал взять и отправить обучаться нашему языку, с тем, чтобы потом они сюда вернулись. Впрочем, вашим высочествам, быть может, угодно будет повелеть отправить всех индейцев в Кастилию или оставить их на этом острове пленниками, ибо до статочно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать все, что угодно.

Затем, на этом острове есть сады с деревьями, самыми пре красными из тех, какие я только видел на своем веку, и листья у них столь же зелены, как в апреле и мае в Кастилии. И на острове есть также много воды.

Я осмотрел всю гавань, а затем вернулся на корабль, поднял паруса и отправился в путь и видел столько островов, что я не мог даже решить, к какому из них пристать раньше. Люди, захваченные мной, знаками объясняли мне, что этих островов такое множество, что их и счесть невозможно; при этом они называли более сотни островов, и каждый был под своим именем. Поэтому я решил пойти к самому большему из них. Так я и поступил. Остров этот лежит на расстоянии 5 лиг от острова Сан-Сальвадор, другие же расположены либо ближе, либо дальше. Все они очень ровные, без гор и очень плодородные и населенные, и все воюют друг с другом, хотя жители их очень простодушны и обладают красивым телосложением. **[93]**

Понедельник, 15 октября. Этой ночью лежали в дрейфе (avia temporejeado), остерегаясь приблизиться к берегу раньше наступления утра, так как неизвестно было, свободно ли от мелей море у берега, и лишь на рассвете пошли под парусами. И так как остров оказался более чем в 5 лигах [от Сан-Сальвадора], ибо лежит на расстоянии 7 лиг, и волнение меня задерживало, то

только к полудню я прибыл к нему и обнаружил, что течение идет со стороны острова Сан-Сальвадор с севера на юг, на протяжении 5 лиг. Другое течение, которому я следовал, имеет направление с востока на запад и простирается на 10 лиг.

Так как с этого острова я увидел к западу еще больший, я пошел к нему на всех парусах и плыл весь день до ночи, но до западной оконечности этого острова я дойти не смог. Острову этому я дал имя Санта Мария де Консепсьон; а почти на закате я высадился близ западного мыса, чтобы узнать, есть ли здесь золото, потому что люди, взятые на острове Сан-Сальвадор, говорили мне, что жители этого острова на руках и на ногах носят очень большие золотые браслеты. Я убежден, что все, что они говорили мне, было ложью — и так поступали они по тому, что хотели убежать.

При всем этом моим желанием было не пропустить ни одного острова, не вступив во владение им, так как то, что полагается* для этого сделать на одном из них, следует совершать на всех. И сбросив якорь, я оставался здесь вплоть до сего дня, вторника, а утром на рассвете высадился на берег, на лодках. Когда я сошел на берег, жители, а их было много и таких же нагих и такого же вида, как на острове Сан-Сальвадор, пропустили нас вглубь острова и давали нам все, что мы у них просили.

Но так как ветер был благоприятен для плавания, я не пожелал здесь задерживаться и вернулся на корабль. К борту каравеллы «Ниньи» пристал большой челнок, и один из людей с острова Сан-Сальвадор, что были на «Нинье», кинулся в море и взобрался на этот челнок. Накануне же ночью едва не сбежал другой пленник. Челнок пустился к берегу и с такой скоростью, что на лодке его догнать было невозможно, несмотря на то, что мы имели пред ним преимущество. Беглец и люди, бывшие с ним, вышли на берег, челнок же остался в море. Некоторые матросы, сопровождавшие меня, высадились и пустились вдогонку за беглецом, но настичь его не смогли.

Челнок, что оставили беглецы, мы доставили на борт «Ниньи», а к каравелле, на этот раз с другой стороны, подошел маленький челнок; в нем находился только один человек, который подплыл, желая на что-нибудь променять моток хлопковой пряжи. **[94]**

Несколько матросов бросились в море, так как [гость] не хотел подняться на каравеллу, и поймали его. Я был в это время на корме корабля, и все видел, и приказал при слать мне пленника, и дал ему красный колпак и несколько маленьких зеленых четок, которые он надел на руку, и две по гремушки, которые он нацепил на уши, и велел вернуть ему его челнок, и

отослал его на берег.

Затем я приказал поставить паруса, чтобы идти к другому большому острову, который я видел на западе. Я велел отвязать челнок, что влекла за своей кормой «Ниньа», и видел, как пристал к берегу челнок другого индейца, того самого, которому я дал все уже упомянутые вещи и у кого я не захотел взять моток пряжи, хоть он и желал мне его дать. К нему сбежались другие люди и считали большим чудом, что он вернулся; ему казалось, что мы были добрые люди и что тот, кто сбежал от нас, причинил, верно, нам какое-нибудь зло и что поэтому мы забрали его с собой. И именно по этой причине я и велел отпустить челнок и дал [индейцу] указанные вещи. Пусть поддерживается в них уважение к нам, чтобы, когда ваши высочества другой раз сюда отправят [своих людей], не были они дурно встречены.

Те вещи, что я дал им, не стоят и четырех мараведи, Итак, я отплыл в 10 часов при юго-восточном ветре и взял на юг, чтобы пройти к другому огромному острову, где, судя по указаниям людей, увезенных мной с Сан-Сальвадора, есть много золота. Золото же жители употребляют на браслеты, которые они носят на ногах и руках, и в носу, и в ушах, и на шее. От острова Санта Мария до этого нового острова 9 лит на востоко-юго-восток, а берег его в этой части тянется с северо-востока на юго-запад, и, как кажется, будет добрых 20 лиг на этой стороне острова. Точно так же, как Сан-Сальвадор и Санта Мария, он очень ровный, без единой горы. У его берегов нет скал, имеются лишь отдельные подводные камни, близ берега, под водой, и надо смотреть в оба, когда бросаешь якорь, и не становиться на якорь очень близко от земли, хотя вода здесь всегда прозрачна и видно дно. А отойдя от берега на расстояние двух выстрелов из ломбарды, можно найти такое глубокое место, где нельзя достать дна.

Эти острова очень зеленые и плодородные, воздух здесь приятен. Можно тут приобрести много Вещей, но что на острове этом имеется, я не знаю, ибо у берегов его не задерживался. Желаю продолжать путь и обойти эти земли и проникнуть на многие острова, чтобы найти золото. И так как [пленники] знаками объяснили, что тут носят золотые браслеты на руках и ногах (именно золотые, потому что перед этим раз говором я показал им несколько кусочков золота), то я уверен, что с помощью господа нашего найду золото там, где оно родится. **[95]**

Находясь посередине между этими двумя островами, т. е. между Санта Марией и новым большим островом, которому я дал имя Фернандина[20], я увидел челнок и в нем человека, который шел от острова Санта Мария к Фернандине и вез не много хлеба;

хлеб же этот был величиной с кулак; и была у него полая тыква с водой и немного красной земли, растертой в порошок и подобной мастике, и сухие листья, которые особенно ценились жителями[21], потому что мне предложили их в подарок на Сан-Сальвадоре. У него была маленькая корзинка, и в ней он хранил обрывок стеклянных четок и две монетки (blancas); из этого я заключил, что он прибыл с острова Сан-Сальвадор, посетил по дороге остров Санта Марию и, направляясь сейчас на Фернандину, подошел к кораблю. Я заставил его подняться на борт, о чем, впрочем, он и сам просил, поднял на корабль его челнок, сохранил все то, что в челноке имелось, и велел дать ему хлеба и меда, напоил **[96]** его, а затем отпустил его на Фернандину, и вернул все его достояние. Так поступил я, желая, чтобы он распространил о нас добрые вести. Тогда, если с божьей помощью ваши высочества отправят сюда снова своих людей, вновь прибывшие будут встречены с почетом, и отдадут им [индейцы] все, что имеют.

Вторник, 16 октября. Я отправился от острова Санта Мария де Консепсьон, отстоящего на полдня пути от острова Фернандины, который, как кажется, простирается к западу на огромнейшее расстояние, и плыл весь день при безветренной погоде. Мне выдалось время, чтобы осмотреть дно и выбрать место для удобной якорной стоянки. При подобном осмотре необходимо проявлять особое усердие, иначе можно потерять якоря. Поэтому пришлось пролежать в дрейфе всю ночь до наступления дня.

Днем я подошел к одному селению и бросил близ него якорь. Из этого селения явился к нам тот самый человек, которого я встретил вчера на полпути [между Санта Марией и Фернандиной]. Он сообщил столько хорошего о нас, что всю ночь не отходили от корабля челноки, привозившие нам воду и все, что имели эти люди.

Я приказал каждому из них кое-что дать, а именно четки — десять или двенадцать стекляшек, нанизанных на ниточку, и бронзовые погремушки из тех, что ценятся в Кастилии по мараведи за штуку, и агухеты (Пояса с медными или бронзовыми пряжками и металлическими украшениями), и все это они принимали с величайшим восторгом. Также я велел давать им патоку, когда они поднимались на борт. Затем, в час заутрени я отправил на берег лодку за водой. И жители с величайшей охотой показы вали моим людям места, где есть вода, и сами они приносили в лодку полные бочки и всячески старались сделать нам приятное.

Остров этот очень велик, и я принял решение обойти его

вокруг, потому что, насколько я могу понять [местных жителей], на нем или близ него имеется золотой рудник. Этот остров рас положен к западу от острова Санта Мария, на расстоянии 8 лиг от последнего. И мыс, к которому я подошел, и весь этот берег простираются с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Я хорошо мог обозреть берег лиг на двадцать и конца ему не видел. В момент, когда я это пишу, я приказал поднять паруса, при южном ветре, чтобы попытаться обойти кругом остров и плыть до тех пор, пока не отыщу я Самоат (Самоат, или Изабелла, — Крукед-Айленд (Кривой остров) в группе Багамских островов) — остров или город, где есть золото; потому что об этом говорят все индейцы, посетившие ныне корабль, и то же говорили нам и жители Сан-Сальвадора и Санта Марии. **[97]**

Люди же здесь похожи на жителей соседних островов и говорят на одном с ними языке, да и обычаи у них одинаковые. Разве что обитатели Фернандины показались мне более домовитыми, обходительными и рассудительными, потому что наблюдал я, что, когда они приносят хлопковую пряжу и другие вещички; то расценивают все это более умело, чем жители других островов. Я видел у них даже одежды, сотканные из хлопковой пряжи наподобие плаща, и они любят наряжаться, а женщины носят спереди клочок ткани, который скупо прикрывает их стыд.

Остров этот очень зеленый, ровный и изобильный, и я не сомневаюсь, что жители круглый год сеют и собирают просо (paniza) и многие другие культуры. Видел я много деревьев, которые весьма отличаются от наших, и среди них есть множество, имеющих ветви различного вида, которые отходят от одного ствола, причем каждая веточка бывает особой формы, и так все это необычно, что кажется величайшим на свете дивом.

И каково же разнообразие этих форм и видов! Например: на одной ветке листья подобны камышинкам, на другой же листья такого вида, как у мастичного дерева (lantisco). И бывает, что на одном и том же дереве растут листья пяти или шести совсем между собой несхожих видов. И это отнюдь не результат прививки. Можно сказать, что прививку эту делают сами леса, люди же о деревьях совершенно не заботятся. Не усмотрел я у местных жителей никаких признаков сект, а по тому полагаю, что очень скоро они станут христианами, тем более, что люди они весьма понятливые.

Рыбы здесь настолько отличаются от наших рыб, что кажется это чудом. Иные похожи на петухов и имеют тончайшую расцветку — тут и синие, и желтые, и красные, и все иные тона; другие же расцвечены на много ладов. И так тонки эти краски, что не найдется на свете человека, который не подивился бы им и

не обрел бы величайший покой (descanso), глядя на этих рыб.

Есть также киты. Тварей я не видел здесь никаких, если не считать попугаев и ящериц. Корабельный мальчик говорил мне, будто он видел большую змею. Ни овец, ни коз, ни других животных я не видел, хотя, впрочем, и находился я здесь очень недолго, всего полдня. Вряд ли, однако, я мог их просмотреть, если они здесь действительно имеются. Все окружающее этот остров я опишу после того, как его обойду.

Среда, 17 октября. В полдень я вышел из селения, где был брошен якорь и взята вода, чтобы обойти остров Фернандину. Ветер был юго-западный и южный. Между тем я желал следовать вдоль берега к юго-востоку и югу по следующим причинам: сам берег уходит на юго-восток и, кроме того, мне над лежало взять этот курс и идти на юг еще и потому, что, как **[98]** объясняли индейцы, которых я с собой вез, и местные жители, именно в южной стороне должен был находиться остров Самоат, где есть золото.

Однако Мартин Алонсо Пинсбн, капитан каравеллы «Пинта», которому я отослал трех индейцев, явился ко мне и сообщил, что один из этих индейцев весьма убедительно дал ему понять, что, следуя на северо-северо-запад, можно очень скоро обойти остров. Поэтому, видя, что ветер не помогает мне на пути, которым я намерен был следовать, я счел за благо выбрать другой путь и направился на северо-северо-запад.

И когда я был в двух лигах от оконечности острова, я от крыл чудеснейшую бухту с одним входом. Точнее говоря, в нее вели даже два прохода, потому что в горле бухты, как раз по середине, находился маленький островок. Оба эти прохода были очень узки, но внутри бухта казалась такой широкой, что там могли бы поместиться сто кораблей, если бы только глубина ее оказалась для этого достаточной, дно лишено подводных камней, и проходы глубоки.

Я счел за благо хорошо осмотреть эту бухту и измерить ее глубину. Для этого я бросил якорь вне бухты и вошел в нее со всеми лодками, что были на кораблях. Мы убедились, что бухта не глубока.

Так как, завидев бухту, я предположил, что она может быть устьем какой-нибудь реки, то я велел захватить с собой бочки, чтобы набрать воды. На берегу я нашел 8—10 человек, которые сразу же пошли к нам и указали на селение, находящееся неподалеку, куда я направил людей за водой, причем одни несли бочки, другие же шли с оружием. Воду брали в довольно отдаленном месте, и поэтому я должен был задержаться на берегу в течение двух часов.

За это время я обошел лес, где росли уже упомянутые деревья. Ничего прекраснее мне не доводилось доныне видеть, и так много было кругом зелени, и такая густая она была, как будто все это происходило в Андалусии в мае месяце. И как день от ночи отличались эти деревья от растущих в нашей стороне; иными были плоды, травы, камни и все прочее.

Правда, некоторые деревья были здесь той же породы, что и кастильские, но и они отличались от наших; других, не похожих на кастильские, было столько, что не найдется на свете человека, который мог бы дать им всем имена и сравнить с деревьями Кастилии (Колумб, описывая леса Фернандины, допускает преувеличения. Во всем Багамском архипелаге нет острова, растительность которого была бы беднее, чем на Фернандине. На том выжженном солнцем, узком, как лезвие шпаги, острове в настоящее время ничего, кроме тощих кустарников, не растет. — *Прим. перев.*).

Люди же были подобны тем, которых мы встречали прежде, и так же они были наги, и такого же роста; и все, чем владели, они отдавали нам за любую вещь, какая бы им ни предлагалась. Здесь я увидел, как корабельные мальчики выменивали у них дротики на осколки стекла и битой посуды. Люди, ходившие за водой, рассказали мне, что заходили в дома индейцев и обратили внимание, что внутри эти дома старательно подметены и чисты, а ложе и подстилки, на которых индейцы спят, похожи на сети и сплетены из хлопковой пряжи[22]. **[99]**

Они строят дома на манер боевого шатра (alfaneque), и в каждом доме есть высокие и хорошие очаги; но я не видел среди всех селений, что мне пришлось осмотреть, ни одного, в котором было бы больше 12 или 15 домов. Здесь я наблюдал, что замужние женщины носят шаровары из хлопчатой ткани. Девочки же ходили без шаровар, исключая тех, которым было уже более 18 лет.

Были здесь собаки — дворняжки и легавые. Мои люди встретили индейца, у которого в носу был продет кусок золота величиной с половину кастельяно, и на поверхности этого обломка они заметили буквы.

Я разбранил их за то, что они не приобрели это золото у индейца за ту цену, которую он просил, чтобы затем посмотреть, какова и чья была эта монета. Но они на это мне ответили, что индеец никогда не решился бы ее обменять.

После того как взята была вода, я вернулся на корабль и, подняв паруса, пошел к северо-западу и открыл всю часть острова, вдоль берега, что идет с востока на запад (В данном случае идет речь о плавании вдоль восточного берега крайней

северной оконечности Долгого острова (Фернандины). Колумб, дойдя до этого места, где берег круто поворачивает к юго-западу, не обогнув острова, повернул назад. — *Прим. перев.*). Но затем все индейцы, [которые были на корабле], стали повторять, что остров этот вовсе не Самоат, что он много меньше последнего и что лучше вернуться назад, чтобы скорее прибыть на Самоат.

Ветер стих, а затем подул с западо-северо-запада и стал противным для нас, учитывая направление, в котором мы шли. И я повернул обратно и плыл всю минувшую ночь к востоко-юго-востоку, иногда принимая на восток, иногда на юг, чтобы как можно дальше держаться от берега, так как надвинулись густые тучи и наступило ненастье. Из-за дурной погоды я не мог пристать к берегу и бросить якорь. Ночью лил сильный дождь, и продолжался он от полуночи до наступления дня; и после того как дождь прекратился, небо было облачным, предвещая дождливую погоду.

Мы дошли до оконечности юго-восточной части острова, где я решил стать на якорь и выждать, пока не прояснится на столько, чтобы я мог увидеть остров, к которому должен был идти. Все дни, с того времени, как я нахожусь в Индиях, шли дожди малые и большие. Да поверят ваши высочества, что земля эта самая лучшая и изобильная, ровная и благодатная из всех земель, что есть на свете. **[100]**

Четверг, 18 октября. После того как прояснилось, я шел с попутным ветром и, наилучшим образом обогнув остров, бросил якорь, когда погода стала неблагоприятной для плаванья, но я не высаживался на берег и с рассветом поднял паруса.

Пятница, 19 октября. На рассвете я приказал поднять якоря и, послав каравеллу «Пинту» на восток-юго-восток, а «Нинью» к юго-юго-востоку, на своем корабле пошел к юго-востоку.

Я отдал приказ, чтобы обе каравеллы шли в указанных направлениях до полудня, а затем, переменив маршрут, соединились бы со мной.

Не прошло и трех часов, как мы увидели на востоке остров, к которому и направились, и еще до полудня все три корабля дошли до его северной оконечности, у которой лежал островок, к северу от которого тянулась цепь подводных камней; другая гряда отделяла его от большого острова. Люди с острова Сан-Сальвадор, которых я везу с собой, называли большой остров Самоат, я же дал ему имя Изабелла. Ветер дул с севера, и упомянутый островок оставался на линии моего пути от острова Фернандины; я пошел в направлении восток — запад и так следовал вдоль берега [острова Изабеллы] 12 лиг до мыса, который я назвал Прекрасным (Hermoso). Мыс этот — западная

оконечность острова [Изабеллы]. Он очень красив, очертания его плавные, море у его берегов глубоко, без отмелей, вдоль внешнего края берега камни, дальше же вглубь идут пески и почти весь берег мыса песчаный. И здесь, этой ночью в пятницу, я приказал бросить якорь и простоял до утра.

Берег острова и вся та часть острова, что я осмотрел, почти везде кажется песчаным пляжем, остров же прекраснее всего, что я видел. И если красивы другие острова, то этот особенно красив. Здесь много зеленых деревьев. Остров этот выше всех, ранее открытых. На нем есть один холм,— трудно назвать это возвышение горой,— украшающий всю местность. И кажется, есть много источников в глубине острова.

С этой, северо-восточной, стороны берег образует большой выступ, и там есть много очень больших и густых лесов. Я хо тел отплыть в том направлении, а затем бросить якорь, высадиться на берег и своими глазами подивиться на его красоты. Но море там мелкое, и поэтому нельзя в той стороне стать на якорь, разве что зайдя вдоль берега очень далеко. Ветер же позволил мне дойти к тому месту, у которого я ныне стал на якорь. Мыс этот я назвал «Прекрасным», и он действительно таков...

И таким образом я не стал на якорь близ упомянутого выступа берега, хоть и обратил внимание на то, что местность у этого выступа была красива и зелена. Впрочем, так все прекрасно вокруг, что я не знаю, куда мне следует направиться в первую очередь, и мои глаза устают созерцать столь роскошную растительность, которая при этом необыкновенно разнообразна и во всем отлична от нашей, кастильской. **[101]** Я полагаю, что здесь имеется немало трав и деревьев, высоко ценимых в Испании, ибо из них изготовляются краски и лекарства. Но на горе свое, я не могу распознать эти травы и деревья. А когда я прибыл сюда, к этому мысу, до меня донесся такой нежный и тонкий аромат цветов и деревьев, что, казалось мне, будто на свете ничего не может быть приятней.

Утром, накануне отплытия, я высадился на берег, желая осмотреть земли у Прекрасного мыса. На самом берегу селений нет — они расположены дальше в глубине страны, и там, судя по словам моих индейцев, находится король здешней земли, у которого есть много золота. Я хотел этим утром отправиться на поиски поселения, желая вступить в переговоры с королем. Король же, судя по объяснениям индейцев, которых я везу с собой, управляет всеми ближними островами и ходит одетый и носит на себе много золота. Но я не очень доверяю их россказням, и потому, что я не очень хорошо их понимаю, а также потому, что, как мне кажется, они уж очень бедны золотом, если то

ничтожное количество его, которое этот король, как говорят, носит на себе, кажется им чем-то значительным.

Я полагаю, что этот выступ, который я назвал Прекрасным мысом,— остров, отделенный от острова Самоат (Прекрасный мыс (ныне называется островом Фортуны), действительно, остров, и отделяется он от более значительного острова (Самоат, или Изабелла,— у Колумба; современное название — Кривой остров) узким проливом.— *Прим. перев.*). Быть может, между этими двумя островами имеются более мелкие островки. Этого я не знаю и не могу узнать во всех подробностях — ведь для того, чтобы все здесь осмотреть, понадобилось бы добрых пятьдесят лет, я же желаю открыть и увидеть велико возможно больше [земель], чтобы, с божией помощью, возвратиться к вашим высочествам в апреле. Правда, если я найду [места], где окажется достаточно золота и пряностей, я задержусь там до тех пор, пока не наберу [и того и другого] столько, сколько смогу. И потому-то я делаю все возможное, чтобы попасть туда, где мне удастся найти золото и пряности.

Суббота, 20 октября. Сегодня, когда взошло солнце, я поднял якоря в том месте, где вчера остановился (т.е. у острова Самоат, близ его юго-восточной оконечности, которой я дал имя «Мыс Лагуны», Cabo de la Laguna, остров же назвал Изабеллой), чтобы плыть к северо-востоку и к востоку от юго-востока и юга, так как от людей, которых я везу, узнал я, что в той стороне есть поселение и король. Но море оказалось настолько мелким, что ни вступить в эти воды, ни плыть ими, я не мог, и видя, что, следуя от юго-запада, придется совершить большой обход, я решил вновь направиться тем путем, которым я уже шел, т. е. от северо-северо-востока, и идти на запад, чтобы обойти остров [Изабеллу]. **[102]**

Ветер был так слаб, что я никак не мог следовать вдоль берега на близком расстоянии от него, разве что только ночью. И так как было опасно остановиться на якорь у этих островов не в дневное время, когда глазу видно, куда бросаешь якорь, а шел я узкими проходами, иногда лишенными мелей, а иногда мелко водными, то я пролежал в дрейфе всю ночь на воскресенье. Каравеллы бросили якоря, потому что нашли удобные для стоянок места, и давали мне обычные сигналы, чтобы я шел к ним, но я не пожелал.

Воскресенье, 21 октября, В десять часов я подошел к «Мысу островка» (Cabo del Isleo) и бросил якорь. Так же поступили и капитаны каравелл. После обеда я высадился на берег, где не было никаких поселений, если не считать одинокого дома, в котором я никого не застал. Думаю, что [обитатели этого дома] сбежали, ибо вся утварь осталась на своих местах. Я не разрешил

ни к чему прикасаться и с капитанами и группой людей отправился осматривать остров. И если все другие острова, которые я уже видел раньше, были красивы, зелены и изобильны, то этот во всех отношениях их превосходил, и особенно хороши были его огромные, зеленые леса. Тут много озер, и вокруг них чудесные рощи. И как все другие острова, этот остров весь зеленый, и травы здесь, как в Андалусии в апреле, и поют в лесах птицы, и человеку, который сюда попал, не захочется уж покинуть эти места. Затмевая солнце, летали здесь стаи попугаев, и было, кроме того, на диво много других птиц, самых разнообразных и во всем отличных от наших. Росли на острове деревья бесчисленных пород, и у каждого плоды были на свой лад, и все они на диво благоухали. И я себя чувствовал самым обездоленным человеком на свете, потому что не мог определить пород этих деревьев и плодов, а я уверен, что все они весьма ценны. Я везу с собой образцы плодов и трав, отобранных здесь.

Проходя берегом одного озера, я увидел змею, которую убили мои спутники. Кожу ее я везу вашим высочествам. Змея эта, когда заметила нас, бросилась в воду, и мы последовали за ней в озеро, благо оно было мелким, и гнались за ней до тех пор, пока пиками не убили ее. В длину она имеет 7 пядей. Думаю, что подобные змеи водятся в здешних озерах во множестве.

Здесь я нашел алоэ и решил завтра погрузить на корабль десять кинталов (Кинтал — 46 кг.) этого дерева, потому что мне сказали, будто оно весьма высоко ценится. **[103]**

Блуждая в поисках хорошей воды по острову, мы наткнулись на одно селение, лежащее всего лишь в полулиге от нашей якорной стоянки. Жители этого селения, как только проведали про нас, сразу же пустились в бегство и бросили свои дома и спрятали одежду и все свое достояние в лесу, Я приказал ничего не брать в домах, даже если вещь была бы ценой в булавку.

Вскоре к нам присоединились некоторые из [бежавших] жителей, и один из них отнесся к нам с особенным доверием. Я дал ему погремушки и стеклянные четки, чему он был несказанно обрадован.

Желая теснее скрепить нашу дружбу и потребовать что-нибудь [у индейцев], я попросил его принести воды, и индейцы, прежде чем я отправился на корабль, явились на берег с полными флягами-тыквинами и искренне радовались, предлагая нам воду. Я велел дать им одну связку стеклянных четок; они заверили нас, что завтра снова придут на берег.

Я намеревался наполнить водой всю порожнюю по суду, которая имелась на кораблях, а затем, если только погода будет благоприятна для этой цели, отправиться вглубь острова и до тех

пор продолжать поход, пока не удастся вступить в переговоры с его королем. Я желал знать, смогу ли я получить от него золото, которое, как я слышал, он носит на себе.

Затем я имел намеренье двинуться в путь к другому большому острову; и как я полагаю, остров этот должен быть Сипанго, судя по разъяснениям индейцев, которых я с собой везу. Они называют его «Кольба» и говорят, что на нем есть корабли, очень быстроходные и очень большие; за этим островом лежит другой, который именуется у них «Бофио», при чем индейцы говорят, что этот остров весьма велик. Другие же, промежуточные, острова я осмотрю мимоходом, а в дальнейшем буду поступать сообразно с тем, найду или не найду достаточно золота или пряностей на этом пути. Но, как бы то ни было, я твердо решил идти к материковой земле и к городу Кисаю (Искаженное название одного из китайских городов, упоминаемых Марко Поло.— *Прим, перев.*), чтобы передать письма ваших высочеств великому хану, испросить у него ответ и с ответным письмом прибыть [в Кастилию].

Понедельник, 22 октября. Всю ночь и весь день пробыл я здесь, ожидая, не принесут ли король этих мест либо другие особы золото или что-нибудь иное и ценное. Явилось много людей, и были они похожи на индейцев — жителей других островов, и все они были также наги, и у некоторых тело было разрисовано белой краской, у других красной или черной, у прочих иными цветами. **[104]**

Они приносили на обмен дротики и мотки хлопковой пряжи и меняли их на осколки стекла от разбитых чашек и на обломки плошек из обожженной глины. У некоторых к носу были подвешены кусочки золота, и они с величайшей охотой отдавали это золото за погремушки и стеклянные четки. Но золота было так мало, что казалось, будто то, что принесено, — ничто; хотя, по правде говоря, и им было дано не много в обмен.

Они также считали наше появление величайшим чудом и верили, что мы пришли с неба. Мы взяли для кораблей воду в одном озере близ мыса, который был назван «Мысом островка». Мартин Алонсо Пинсон, капитан «Пинты», убил в этом озере еще одну змею, и так же, как и первая, она была семи пядей длины. Я приказал взять здесь столько алоэ, сколько его найдется.

Вторник, 23 октября. Я хотел уже сегодня отплыть на остров Кубу, который, как я полагал, должен быть [ничем иным] как Сипанго, если судить по тому, что говорят индейцы о его величине и богатстве, и [поэтому] я не намерен был задерживаться больше здесь,..... (Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*) ...этот остров вокруг, чтобы пройти в селение для

переговоров с здешним королем или сеньором, как я то решил прежде. И все это потому, что я не желаю задерживаться — ведь я вижу, что здесь нет золота, да и для того, чтобы обойти эти острова, нужны ветры разных направлений, а ветер никогда не дует в ту сторону, куда желают люди. Поэтому необходимо идти в сторону, которая сулит большую выгоду.

Повторяю, нет смысла задерживаться здесь — надо отправляться в путь и обойти много земель и плыть до тех пор, пока мы не натолкнемся на доходную землю, хотя, на мой взгляд, и эти острова очень богаты пряностями. Но на мое величайшее горе, я не разбираюсь в породах трав и деревьев, а между тем я видел тысячи разнообразнейших деревьев, и у каждого из них плоды были на свой лад, и земля была по крыта зеленью, как то бывает в Испании в мае или июне, и я видел множество разных трав и цветов. Все эти растения, кроме алоэ, мне неизвестны. А алоэ я велел погрузить на корабль и отправить в большом количестве вашим высочествам.

Не мог и не могу сейчас поднять паруса, чтобы выйти к острову Кубе, так как нет ветра; затишье мертвое и льет сильный дождь, и дождь был и вчера, но холода он не принес. Днем удерживается жара, ночи же прохладные, как в Испании, в Андалусии в мае месяце.

Среда, 24 октября. В полночь я поднял якоря и от Мыса островка, расположенного в северной части острова Изабеллы, где я находился, отправился к острову Кубе; от индейцев же я слышал, что он очень велик, ведет большую торговлю и на нем есть золото, пряности, большие корабли и купцы. **[105]**

Индейцы указали мне путь к Кубе. Туда нужно идти к западо-юго-западу, и я считаю, что так это и есть в действительности. Мне знаками объясняли все индейцы на этих островах и люди, которых я взял на Сан-Сальвадоре (языка я их не понимаю), что Куба — это остров Сипанго, о котором рассказывают чудеса. И на глобусе и на карте мира (тара mundo), которые я видел, остров Сипанго показан в этой стороне (См. комментарий 17).

До наступления дня я плыл к западо-юго-западу. На рассвете ветер стих, и пошел дождь. Так случалось, впрочем, каждую ночь. Безветрие продолжалось до полудня, а затем поднялся слабый ветер, и я поставил все паруса на корабле: грот с двумя бинетами, марсель, фок, бизань и блинд (Здесь перечислены все паруса «Санта Марии». Парусное вооружение каравелл Колумба описано в комментарии «Корабли первой флотилии Колумба».— *Прим, перев.*).

Так шел я до тех пор, пока не стемнело, и в это время Зеленый мыс острова Фернандины — крайний южный пункт

западной части острова — оставался в 7 лигах к северо-западу от корабля. Так как ветер усилился, я же не знал, каким путем следует идти к упомянутому острову Кубе, а море у этих островов у берега все усеяно подводными камнями и мелями (хотя далее оно становится глубоким, и на расстоянии двух выстрелов из ломбарды уже нельзя достичь дна, и чтобы бросить якорь наверняка, нужно видеть место, ночью же плавать не следует), то я решил убрать все паруса, кроме фока (trinquete), и идти на нем.

Вскоре ветер снова усилился и гнал корабль вперед, что было небезопасно, тучи же сгустились, и пошел дождь. По этому я приказал убрать и фок, и за ночь мы прошли всего две лиги.

Четверг, 25 октября. После восхода солнца адмирал плыл к западо-юго-западу до 9 часов. Прошли 5 лиг и, переменив направление, взяли курс на запад. До часа дня шли со скоростью 8 миль в час и к трем часам покрыли 44 мили. В три часа увидели землю — шесть или восемь островов, вытянутых по одной линии с севера на юг. От них корабли находились на расстоянии 5 лиг.

Пятница, 26 октября. Находились у этих островов, в южной части. Везде, на протяжении пяти-шести лиг, было очень мел ко. Там бросили якорь. Индейцы, которых вез с собой адмирал, говорили, что от этих островов до Кубы полтора дня пути на челноках, — корабликах без парусов (navetos), изготовляемых из одного ствола. Называются они *каноэ*.

Адмирал от этих островов отправился к Кубе. По указаниям, которые индейцы давали о величине Кубы и о том, что на ней есть и золото и жемчуг, адмирал заключил, что Куба должна быть островом Сипанго. **[106]**

Суббота, 27 октября. С восходом солнца подняты были якоря на стоянке близ упомянутых островов, которые адмирал назвал Песчаными (Islas de Arena); и так как с южной стороны море было очень мелкое, на протяжении шести лиг шли по 8 миль в час. До часа дня плыли к юго-юго-западу и прошли 40 миль, и к ночи, следуя этим направлением, сделали 28 миль.

Перед наступлением ночи увидели землю. Ночью простояли на месте. Всю ночь ливмя лил дождь. За субботний день прошли до захода солнца 17 лиг к юго-юго-западу.

[ОТКРЫТИЕ КУБЫ]

Воскресенье, 28 день октября. Отсюда адмирал пошел, следуя на юго-юго-запад, к острову Куба, — к наиболее близкой земле и вступил в устье одной очень красивой реки, не встретив здесь ни мелей, ни других препятствий. Везде у берега были значительные глубины, и даже у самой земли дно было чисто. Ширина горловин у входа в устье реки 12 локтей — достаточная для прохода кораблей при противном ветре. Якоря, по словам адмирала, были брошены на расстоянии выстрела из ломбарды от места впадения реки в море.

Адмирал говорит, что он никогда еще не видел такой красивой земли. Вся местность, прилегающая к реке, заросла прекрасными зелеными деревьями, отличными от наших [кастильских], и у каждого плоды и цветы были на свой лад. Повсюду сладкозвучно пели птицы. Во множестве росли паль мы, непохожие ни на гвинейские, ни на кастильские, средней высоты, со стволом без чешуи и с очень большими листьями. Этими листьями здесь кроют крыши домов. Берег же был низ кий и ровный.

Адмирал спустился в лодку и направился на берег. На берегу он посетил два дома, которые, как он полагал, принадлежали рыбакам, бежавшим от страха. В одном из домов он нашел собаку, но эта собака совсем не умела лаять. Он обнаружил также сети и веревки из пальмовых волокон, роговой рыболовный крючок, гарпун из кости и другие принадлежности для рыбной ловли, а внутри домов увидел он много очагов. Адмирал предположил, что в каждом из этих домов живет большое количество людей. Он приказал, чтобы никто не смел притрагиваться ни к одной из оставленных вещей, и так было сделано.

Трава здесь была очень высокая — такая, как в Андалусии в апреле и мае. Адмирал нашел среди трав портулак и латук. Он вернулся к лодке и прошел значительное расстояние вверх по реке. **[107]** По его словам, было таким наслаждением любоваться зеленью лесов и птицами, что трудно было покинуть эти места.

Адмирал говорит, что ничего прекраснее этого острова его глаза еще никогда не видели: много здесь хороших бухт и глубоких рек, и так спокойно море, что кажется будто никогда оно не волнуется у этих берегов: и действительно, трава на побережье росла почти до самой воды, чего не случается, если

море бурное. Впрочем, до сих пор ничто еще не могло доказать, что у этих берегов море может быть бурным. Он говорит, что остров пересечен очень красивыми горными цепями: они не очень длинны, но высоки, а все прочие земли так же высоки, как Сицилия.

На острове, как это можно было понять из бесед с индейцами, которых адмирал взял на острове Гуанахани, много источников и рек. Индейцы объяснили ему знаками, что здесь протекает десять больших рек и что обойти остров на каноэ нельзя и за двадцать дней.

Когда адмирал приближался на кораблях к земле, в открытое море вышли два челнока, или каноэ. Но эти каноэ пустились наутек, когда сидевшие в них индейцы заметили, что корабли входят в устье реки, чтобы обследовать дно и выбрать место якорной стоянки.

Индейцы, [взятые на Гуанахани], говорили, что на острове [Кубе] есть золотые копи и жемчуг, и когда адмирал увидел место, подходящее для ловли жемчуга, и раковины, которые считаются приметой жемчуга, он [предположил], что сюда приходили корабли великого хана и при, этом большие, и что от этого острова до материка должно быть 10 дней пути. Адмирал дал и бухте и реке имя Сан-Сальвадор.

Понедельник, 29 октября. Адмирал приказал поднять якоря и, выйдя из бухты, направился на запад, к тому городу, где, судя по словам индейцев, должен находиться король. Сперва он следовал вдоль берега одного мыса на северо-запад и, пройдя шесть лиг, увидел еще один мыс, вдоль побережья которого он направился к востоку, и в этом направлении про шел десять лиг. Продвинувшись вперед еще на одну лигу, адмирал увидел реку, не очень широкую в устье, и дал ей имя «Лунная река» (Rio de Luna). Он плыл до сумерек и дошел до другой, гораздо большей реки, чем все прочие. Индейцы подтвердили знаками, что эта река действительно очень большая. Адмирал назвал ее «Морской рекой» (Rio de Mares).

Он направил две лодки к селению, [что находилось на берегу], желая взять языка. В одной из лодок находился один из тех индейцев, которых адмирал вез с собой. Индейцы же эти уже немного понимали моряков и казались довольными общением с христианами, от которых в этом селении все мужчины, женщины и дети сбежали, оставляя без защиты свои дома со всем, что в них находилось. **[108]** И адмирал приказал, чтобы не смели трогать ничего [в домах]. Он говорит, что эти дома были гораздо красивее тех, что ему доводилось видеть; и он полагал, что постройки будут становиться все лучше и лучше, по мере

приближения к материку.

Дома сооружены были на манер больших боевых шатров (alfaneque) и походили на палатки в военном лагере, располагаясь, однако, в беспорядке, не вдоль улиц, а как придется: один дом здесь, другой — там. Внутри же они были чисто подметены, и утварь в них была ладная: вся из очень красивых пальмовых веток. Найдены были здесь статуи — женские фигурки и головки наподобие масок, очень хорошо выделанные. Адмирал говорит, что он не знает, держат ли индейцы фигурки красоты ради или поклоняются им. Были тут собаки, не умеющие лаять, дикие птички, в домах имелись также удивительные приспособления для рыбной ловли — сети и крючки. Все это осталось нетронутым.

Адмирал полагает, что должно быть все жители побережья рыболовы и что рыбу они сбывают вглубь страны; этот остров очень велик и так красив, что невозможно вдосталь нахвалиться им. Адмирал говорит, что он встретил здесь деревья и плоды, чудеснейшие на вкус, и что на острове должны быть коровы и скот, потому что он видел черепа, которые показались ему коровьими. Адмирал видел птиц и мелких пташек и со всеми своими спутниками наслаждался пением сверчков (grilles) в ночную пору и ночным воздухом, нежным и сладостным, не жарким, но и не холодным. Он говорит, что на пути к этим островам выпадали жаркие дни, но что здесь всегда приятная прохлада, подобно тому, как это бывает в мае [в Испании].

На других островах, как полагает адмирал, жара вызвана тем, что они очень низки, а также и ветром. Ветер, на котором шли сюда корабли, восточный, а поэтому и знойный.

Вода в устьях рек соленая. Неизвестно, где берут воду индейцы, — в домах у них вода пресная.

Корабли могут свободно входить в эту реку и выходить из нее. Берега имеют отличительные приметы. Глубина реки в устье 7 или 8 локтей и выше по течению 5 локтей. Адмирал говорит, что, как ему кажется, море здесь всегда должно быть таким же спокойным, как река в Севилье, и вода в нем такова, что способствует росту жемчуга. Он нашел больших устриц, очень похожих на испанские, но безвкусных.

Адмирал отметил расположение реки и бухты и дал им имя Сан-Сальвадор, и он говорит, что горы у этой бухты так же красивы и высоки, как «Скала влюбленных» (Pena de los enamorados - утес в *Кордове. - Прим. перев.*). И на одной из гор, на вершине, имеется холмик, похожий на красивую мечеть. С южной стороны бухты высятся две округлые горы, а с западо-северо-запада вдается в море красивый и низкий мыс. **[109]**

Вторник, 30 октября. Адмирал отправился от Морской реки на северо-запад и, заметив мыс, на котором росло много пальм, назвал его «мысом Пальм» (Cabo de las Palmas). После того как было пройдено 15 лиг, индейцы, что плыли на каравелле «Пинта», сообщили, что за мысом Пальм есть река и от этой реки до Кубы четыре дня пути.

Капитан «Пинты» сказал, что он узнал, будто Куба город, и что эта земля — материк и очень большой и что он на значительное расстояние тянется к северу и что король этой земли ведет войну против «великого хана», которого индейцы называют «ками», землю же или город великого хана они именуют Саба и перечисляют при этом много иных имен.

Адмирал решил войти в ту реку, послать подарок королю здешней земли и направить ему письмо королей [Испании]; а для этого дела вполне пригодны были один моряк, который ходил в Гвинею, и некоторые индейцы с острова Гуанахани, которые желали его сопровождать с тем, чтобы затем вернуться в свою землю.

По мнению адмирала, [находился он] на расстоянии 42 градусов от экватора в северную сторону, если только не иска жена запись, изложение которой дается. Адмирал говорит, что приложит все старания, чтобы дойти до великого хана, который должен находиться в тех местах в городе Катае, принадлежащем великому хану; а город этот, как он указывает, очень велик, судя по тому, что ему говорили о Катае в Испании, еще до выхода в плаванье. Он говорит, что вся здешняя земля низкая и красивая, а море у ее берегов глубокое.

Среда, 31 октября. Всю ночь, во вторник, шли против ветра. Замечена была река, но войти в нее нельзя было, так как устье ее оказалось мелким; индейцы же думали, что корабли могут подняться по течению этой реки подобно их каноэ.

Следуя дальше, адмирал дошел до мыса, который значительно вдавался в море и был окружен мелями. На берегу мыса видна была бухта или гавань, где могли бы найти пристанище небольшие корабли, но вступить в нее было невозможно, потому что ветер внезапно подул с севера, берег же шел на северо-северо-запад и юго-восток и, кроме того, за упомянутым мысом виднелся следующий, еще дальше вдающийся в море. Поэтому, а также и потому, что небо предвещало бурю, корабли вынуждены были возвратиться в Морскую реку.

Четверг, 1 ноября. На восходе адмирал отправил лодки на берег, к домам, которые там находились; и было обнаружено, что все местные жители сбежали. Только спустя много времени **[110]** показался один человек, но адмирал приказал оставить его в

покое. Лодки вернулись к кораблям, и после обеда адмирал направил на берег одного из тех индейцев, которых он с собой вез. Еще издали этот индеец стал подавать голос, обращаясь к местным жителям. Он убеждал их не бояться пришельцев и говорил, что люди на кораблях добрые и что они вовсе не подданные великого хана; напротив, везде, где им пришлось побывать, они наделяли всех разными дарами. Затем, бросившись в воду, индеец доплыл до берега, где к нему подошли двое из местных жителей и, взяв его за руки, увели в один из домов, где от него и разузнали обо всем.

И когда местные жители убедились окончательно, что им не причинят зла, они успокоились, и вскоре к кораблям подошло более чем шестнадцать челноков, или каноэ, с хлопковой пряжей и прочими местными вещичками. Адмирал приказал ничего у них не брать, чтобы индейцы таким образом узнали, что он ищет только золото, которое здесь называют *«нукай»*. И весь день приходили они с земли к кораблям, а христиане, вполне уверенные в своей безопасности, высадились на берег.

Ни у одного из индейцев адмирал не видел золота, но он говорит, что заметил человека, у которого к носу был подвешен кусок обработанного серебра, и расценил это, как указание на то, что здесь имеется этот металл. Индейцы объяснили знаками, что не пройдет и трех дней, как явится из глубины страны много купцов, и они приобретут то, что привезли с собой христиане, и сообщат новости о короле той земли (которая, если судить по их объяснениям, а объяснялись они знаками, находилась в 4 днях пути отсюда); а купцы, по словам индейцев, должны были прийти непременно, потому что местные жители разослали во все стороны людей, извещая всех о прибытии адмирала,

«Эти люди, — говорит адмирал, — таких же статей и обычаев, как прочие, что встречались ранее, и они не исповедуют ни одну религию из тех, которые я знаю, потому что индейцы, которых я везу с собой, раньше не видели, как читается молитва, хотя сейчас они повторяют слова Salve и Ave Maria, подняв к небу руки, как им это было показано, и совершают крестное знамение.

У них у всех один язык и все они дружны между собой. Я полагаю, что все эти земли — острова и что жители этих стран ведут войну против великого хана, которого они называют «кавила», и с провинцией «Басан». Ходят же они нагие, как и прочие».

Адмирал говорит, что река очень глубока, и в устье ее могут входить корабли, приближаясь к самому берегу. Пресная вода только на одну лигу не доходит до устья реки. В устье вода соленая, но выше по течению она отличного качества. **[111]**

«Несомненно, — говорит адмирал, — что если эта земля материк, то я нахожусь перед Саито и Кисаем (Zayto y Quisay) в ста лигах, быть может немного ближе, быть может немного дальше, от того и другого города, и это подтверждается состоянием моря, которое стало иным, чем было оно до сих пор; и вчера, когда я пошел на северо-запад, я обнаружил, что становится холоднее».

Пятница, 2 ноября. Адмирал решил отправить [вглубь страны] двух испанцев. Один из них прозывался Родриго де Херес и проживал [ранее] в Айамонте, другой же, Луис де Торрес, служил прежде у наместника Мурсии и был евреем и, как говорят, знал еврейский и халдейский языки и даже немного арабский. С ними он послал двух индейцев: один был из числа взятых на Гуанахани, другой жил в селении из нескольких домов, расположенном у протекающей здесь реки. Адмирал дал им связки четок, чтобы они могли купить себе еду, если ее им не хватит, и положил им шесть дней срока до возвращения. Он дал посланцам образцы пряностей, чтобы они сумели узнать эти ценные растения, если на них набредут, и снабдил их инструкцией; в ней отмечалось, каким образом должны они будут расспрашивать короля той земли и что надлежит им говорить от имени королей Кастилии; а сказать им надо было, что адмирал послан дабы от лица королей вручить [королю] этой земли письма и подарок, установить с ним дружбу, ознакомиться с его страной и оказать поддержку, буде явится в ней необходимость, и разузнать о некоторых провинциях, гаванях и реках, о которых адмирал имеет сведения, расспросив, как далеки они отсюда.

Ночью адмирал с помощью квадранта определил высоту [положение Полярной звезды] и обнаружил, что он находится в 42 градусах от экваториальной линии (Примечание Лас Касаса на полях рукописи дневника: «Это невозможно потому, что Куба находится всего лишь в.... градусах [от экватора] и либо произошла ошибка из-за неисправности квадранта, либо же запись была искажена по недосмотру переписчика, как обычно и много кратно случается в делах большой важности».— *Прим. перев.*). Он говорит, что, по его расчетам, пройдено от острова Иеро 1 142 лиги. Адмирал также утверждает, что земля, на которой он находится, материк.

Суббота, 3 ноября. Утром адмирал взял лодку и направился к берегу; и так как река при впадении в море образует большое озеро — превосходную гавань, очень глубокую и лишенную подводных камней, а берега здесь настолько хороши, что можно подойти к ним и завести на сушу корабли для осмотра подводных частей, и на них много [строевого] леса, то адмирал прошел

вверх по течению две лиги до места, где вода в реке стала пресной. Затем он поднялся на пригорок, чтобы лучше обозреть окружающее, но из-за густых лесов он не смог ничего увидеть. Воздух над лесом был свежий и благоуханный, и адмирал говорит, что здесь, несомненно, должны произрастать ароматические травы. **[112]**

Все, что он видел, было так прекрасно, что он готов был без устали любоваться подобным великолепием и внимать пению птиц.

Днем к кораблям во множестве приходили челноки, или каноэ, и индейцы привозили для мены изделия из хлопчатой пряжи и сети, в которых они спят, т. е. гамаки.

Воскресенье, 4 ноября. Как только рассвело, адмирал отправился на берег на охоту за птицами, которых он накануне видел. После того как он вернулся, явился к нему Мартин Алонсо Пинсон с двумя кусочками корицы. Пинсон рассказал, что один португалец с его корабля видел индейца, который нес две большие связки корицы; однако этот португалец не решился приобрести корицу, памятуя, что адмирал под страхом наказания запретил кому бы то ни было вступать в торг с индейцами. Он сказал также, что у этого индейца были с собой какие-то предметы рыжего цвета, подобные орехам.

Корабельный мастер (contramaestre) «Пинты» также говорил, что он нашел деревья, дающие корицу.

Адмирал отправился на берег, но там подобных деревьев не оказалось. Он показал индейцам корицу и перец (вероятно, образцы этих растений, привезенные из Кастилии). Они узнали и то, и другое и знаками дали понять, что неподалеку от этих мест, по дороге на юго-восток, имеется много подобных растений. Показал им также адмирал золото и жемчуг, и старики ответили ему, что в местности, которая называется Бохио (Bohio), золота, не счесть; там золотые украшения носят в ушах, на ногах, на руках, на шее, и в той стороне есть и жемчуг. Он узнал также, что там имеются большие корабли и богатые товары, а земля эта лежит на юго-восток, а еще дальше живут одноглазые люди и люди с собачьими мордами, которые едят человеческое мясо; захватывая кого-нибудь в плен, они отрубают ему голову и детородные органы и высасывают из жил его кровь.

Адмирал решил вернуться на корабль и ждать возвращения двух послов, отправленных вглубь страны, а по прибытии их выйти на поиски тех земель, если только послы не принесут добрые и желанные вести.

Адмирал говорит далее: «Эти люди покорны и боязливы. Как я уже говорил, они нагие, без оружия и без закона. Земли эти

весьма изобильны. Здесь во множестве растут «mames» («Это ахе или бататы».— *Прим. Лас Касаса*) — плоды, подобные моркови, имеющие вкус каштанов, есть фа соль и бобы, но значительно отличающиеся от наших кастильских, встречается много хлопка. Хлопок, однако, тут не сеют. Он растет в диком виде на пустырях и имеет высокие стебли. **[113]** Я думаю, что собирать хлопок можно здесь в течение всего года, потому что на одном и том же стебле я видел цветы, а также закрытые и уже раскрывшиеся коробочки. Тут имеется такое множество разных плодов, что нет возможности описать их. И из всего этого можно извлечь пользу».

Понедельник, 5 ноября. На рассвете адмирал приказал за вести на сушу свой корабль и другие каравеллы, но не все сразу, а так, чтобы два корабля оставались все время на воде для охраны. Впрочем, адмирал отмечает, что здешние жители настолько мирные, что можно было бы совершенно безбоязненно завести на берег одновременно все три корабля.

В это время к адмиралу пришел корабельный мастер «Ниньи» и потребовал награду за открытие благовонной смолы. Но образец ее он с собой не принес, утверждая, что обронил его по дороге. Адмирал обещал ему награду и послал на берег Родриго Санчеса и маэстре Диего за этим деревом[23]. Они принесли его немного, и адмирал сохранил образец, чтобы доставить его королям. Он подтвердил, что вещество, которое ему принесли, действительно благовонная смола, но заметил при этом, что собирать ее надо в определенное время года и что ее здесь столько, что ежегодно из этой округи можно будет получать тысячу кинталов. Он нашел также древесину, похожую, по его словам, на алоэ. **[114]**

Адмирал далее говорит, что бухта Морской реки наилучшая из всех бухт на земле и что воздух ее благодатнейший в мире, а люди самые мирные на свете. И так как в бухте этой один из мысов венчается высокой скалой, то можно заложить здесь крепость; тогда, если земля эта станет богатой и приобретет большое значение, купцы будут здесь в безопасности от нападений любого врага, и он добавляет: «господь наш, в чьих руках все победы, да сотворит все, что будет ему на пользу». Адмирал говорит, что один индеец знаками дал ему понять, будто благовонная смола помогает при болях в животе.

Вторник, 6 ноября. Вчера ночью, говорит адмирал, явились люди, посланные осмотреть земли в глубине страны; и они рас сказывали, что, пройдя 12 лиг, встретили селение в 50 домов, в котором, по их словам, должно быть не менее тысячи жите лей, потому что в каждом доме жило помногу индейцев. Дома эти сооружены на манер огромнейших шатров. [Послы] сообщили,

что их встретили в селении весьма торжественно, как то принято по местным обычаям. Все, и мужчины и женщины, приходили посмотреть на них и поместили [гостей] в лучших домах.

Индейцы с удивлением ощупывали их, целовали им руки и ноги, думая, что [гости] пришли с неба, и давая им это таким способом понять. Они накормили послов всем, что у них было.

Когда послы вошли в селение, самые почтенные люди взяли их за руки, провели в главный дом и дали им два кресла, на которые [гости] уселись. Индейцы же уселись вокруг них на полу.

Индеец, который был отправлен с послами, рассказал всем, как живут христиане и какие они хорошие люди. Затем все мужчины вышли и вошли женщины. Они уселись таким же образом вокруг послов, ощупывая их, целуя им руки и ноги, желая убедиться, что у гостей такая же плоть и такие же кости, как у них.

Индейцы просили послов остаться в селении хоть на пять дней. Местным жителям послы показали данные адмиралом образцы перца и других пряностей, и индейцы объяснили знаками, что много таких растений имеется неподалеку, к юго-востоку от селения, но что они не знают, есть ли что-нибудь подобное здесь, в этих местах.

Не получив никаких сведений о [искомом] городе, послы отправились обратно. Если бы только пожелали они удовлетворить просьбы всех, кто хотел их сопровождать, к ним присоединилось бы не менее пятисот мужчин и женщин, потому что индейцы думали, будто [их гости] возвращаются на небо.

С ними пришли к кораблям один из старейшин (principal) селения и его сын и один из его людей.

Адмирал принял их с почетом, переговорил с ними, узнал о многих землях и островах этой стороны и думал препроводить их к королям; и он говорит, что неведомо почему, быть **[115]** может испытывая страх, но вдруг среди темной ночи индейцы пожелали отправиться на берег. И так как корабль был заведен на берег, адмирал, не желая раздражать [старейшину], разрешил ему уйти. Индеец обещал на рассвете вернуться, но слова своего не сдержал.

Послы встретили на пути множество индейцев, возвращающихся в свои селения — мужчин и женщин. Они шли с головнями в руках и с травой, употребляемой для курений (Еще одно указание на обычай курения табака. — *Прим. перев.*).

Послы не обнаружили селений, в которых было бы более пяти домов. Везде их принимали с таким же почетом. Они видели много различных деревьев, трав, и благоуханных цветов, и разнообразных птиц, не похожих на испанские, куропаток,

поющих соловьев и диких гусей; последних в большом количестве. Четвероногих тварей они не встретили, если не считать собак, не умеющих лаять.

Земля была плодородна и хорошо возделана под уже упомянутые «mames» (бататы), фасоль и бобы, отличные по виду от тех, что произрастают в Кастилии, и под просо (paniza). Собиралось тут много хлопка. Хлопок-сырец и хлопок обработанный, а также хлопчатые ткани встречались везде в большом количестве, а близ одного дома они заметили кучу, в которой было более чем 500 арроб хлопка, так что со всей этой земли можно, вероятно, собрать его за год до 4 000 кинталов.

По мнению адмирала, хлопок здесь не сеют, и он приносит плоды круглый год. Хлопок этот очень чистый, тонкий, с большими коробочками.

Все, что ни имели эти люди, они отдавали за совершенно ничтожную цену. За один наконечник от агухеты или за любую другую вещь они предлагали целую охапку хлопка.

«Они, — говорит адмирал, — люди бесхитростные и не воинственные, все нагие, и мужчины и женщины, как мать родила. Правда, женщины носят лоскут хлопчатой ткани, достаточный, чтобы прикрыть свой стыд, но не больший, и они очень обходительны и не слишком черны, даже менее черны, чем жители Канарских островов.

Я уже говорил, светлейшие повелители, что как только достойные духовные особы овладеют их языком, тотчас же все индейцы станут христианами. И молю бога, чтобы ваши высочества приложили старания, чтобы ввести в лоно церкви столь великие народы и обратить их в нашу веру, а также уничтожить всех, кто не пожелает поклоняться отцу, сыну и святому духу. И по окончании дней своих, ибо все мы смертны, оставят [ваши высочества] свои королевства в мире, очищенные от ереси и зла, и будут хорошо приняты у престола вечного творца, которого умоляю я дать вам долгую жизнь и великое приращение королевств и владений, и волю, и решимость для укрепления святой христианской религии, подобно тому, как это до сих пор совершалось. Аминь. **[116]**

Сегодня я свел корабль с суши и подготовился к тому, чтобы с богом отплыть в четверг и идти к юго-востоку на поиски золота и пряностей и для открытия [новых] земель».

Таковы слова адмирала, который думал отправиться в путь в четверг. Но противные ветры задержали его отправление до 12 ноября.

Понедельник, 12 ноября. Адмирал вышел из бухты и устья Морской реки на рассвете, в исходе четвертого часа, и направился

к одному острову, о котором много говорили индейцы, бывшие с ним. Этот остров они называли «Банеке» (В тексте «Дневника» название это приводится в разночтениях: Бабеке, Бавеке, Банеке. — *Прим. перев.*). Насколько можно было понять по их жестам, люди там собирают золото прямо по побережью, в ночное время при свечах, а затем молотами выковывают из него жезлы (vergas). Чтобы пройти к этому острову, необходимо было следовать на восток, четверть к юго-востоку.

Проплыв вдоль берега 8 лиг, адмирал открыл реку и, пройдя еще 4 лиги, подошел к устью второй реки, которая казалась очень полноводной и наибольшей из всех, которые до сих пор встречались.

По двум причинам он не желал ни задерживаться в этих местах, ни заходить в какую бы то ни было реку. Первая и главная причина состояла в том, что погода и ветер были благоприятны для плаванья по пути к острову Банеке. Вторая же причина была такова: если бы близ моря располагался населенный или известный город, он был бы заметен с кораблей. Для того же, чтобы подниматься по рекам вглубь страны, необходимо было иметь малые суда, каковыми не были корабли флотилии. Таким образом, потеряно было бы много времени, да и все подобные реки все равно будут открыты сами собой.

Берег был населен главным образом близ реки, которую адмирал назвал рекой Солнца (Rio del Sol).

Адмирал говорит, что накануне, в воскресенье 11 ноября, ему пришло на ум, что было бы хорошо схватить несколько индейцев из числа проживающих на берегу этой реки, чтобы доставить их королям, обучить нашему языку — тогда они узнают, что имеется в [нашей] земле и усвоят [наши] обычаи и веру. Вернувшись, они станут устами христиан.

«Потому что я вижу и знаю, — говорит адмирал, — что нет никаких верований у этих людей и что они не идолопоклонники, а очень смирные люди, не ведающие, что такое зло, убийство и кража, безоружные и такие боязливые, что любой из наших людей может обратить в бегство сотню индейцев, даже если он потешается над ними. **[117]**

Они способны верить и знают, что в небе есть бог, и твердо убеждены, что мы пришли с неба. Они легко усваивают любую молитву, повторяя ее за нами, и делают крестное знамение».

«Таким образом ваши высочества должны принять решение и сделать их христианами. Стоит только начать, и я убежден, что в короткое время можно будет завершить обращение в нашу святую веру многих народов, и тогда Испания приобретет великие владения и богатства, так как несомненно есть в этих землях

огромнейшее количество золота. Не без причины же говорят индейцы, которых я везу, что на этих островах имеются места, где добывают золото и где носят золотые изделия на шее, на ногах, на руках и в ушах, а изделия эти — очень массивные браслеты. И также есть на островах [драгоценные] камни и жемчуг и множество пряностей, а на Морской реке, откуда я вышел минувшей ночью, несомненно имеется огромное количество благовонной смолы, и можно получить еще больше, стоит только пожелать это — потому что мастичные деревья при посадках принимаются легко. А деревьев этих тут много, и они очень большие, и листья у них наподобие камышинок. Плоды их, и ствол, и листья такие же, как о том говорит Плиний[24] и какие я видел на острове Хиосе, в Архипелаге[25]; разница лишь та, что у здешних деревьев плоды больше.

Я велел надрезать кору на многих деревьях, чтобы посмотреть, будет ли вытекать смола. Но в то время, когда я был на упомянутой реке, шли непрерывные дожди, и я не мог собрать много смолы и взял лишь малость ее, и везу эту смолу вашим высочествам. Очень может быть, что я выбрал неподходящее время, чтобы надрезать кору. Думаю, что надо это делать, когда для деревьев кончается зимняя пора и они готовы зацвести, ныне же у них почти созрели плоды.

Здесь также большое количество хлопка, и я полагаю, что можно будет с выгодой продавать его, не перевозя в Испанию, а сбывая его в больших городах во владениях великого хана, каковые, несомненно, будут открыты, так же, как и многие другие земли иных владетелей, которые почтут за счастье служить вашим высочествам. Им можно будет продавать товары — как испанские, так и земель востока, потому что земли, о которых идет речь, находятся по отношению к нам на западе.

И здесь есть множество алоэ, хотя оно и не может быть источником большой прибыли. Но благовонная смола заслуживает внимания, потому что нет ее нигде, кроме острова Хиоса. И думаю, что за нее можно будет выручать, если я только не ошибаюсь, добрых 50 000 дукатов.

В устье этой реки расположена наилучшая гавань из всех, которые я когда-нибудь видел, широкая, глубокая, свободная **[118]** от мелей, прекрасное место для постройки укрепленного города, причем любые корабли смогут подходить к самым его стенам. Земля же вокруг здоровая, высокая, вода очень хорошая.

Вчера к кораблю подошел челнок с шестью молодыми индейцами. Пятеро из них поднялись на борт, и я велел их задержать и сейчас везу с собой.

Затем я отправил моих людей к одному дому, что стоит на

западном берегу реки, и оттуда мне привели семь женщин — юных и взрослых, и троих ребят. Я поступил так, зная, что индейцы будут лучше себя чувствовать в Испании, имея при себе женщин из своей земли, чем если бы они были их лишены. Потому что уже неоднократно случалось, что негры из Гвинеи, после того как они возвращались из Португалии, куда увозили их, чтобы обучить языку, не оправдывали надежды португальцев, желавших использовать их в Гвинее, и это несмотря на то, что неграм давалось все, что им было необходимо, и с ними хорошо обращались. Впрочем, так поступали не все негры.

Имея же при себе женщин, индейцы скорее почувствуют охоту выполнять то, что от них потребуют; и, кроме того, эти женщины быстро научат испанцев своему языку, единому на всех островах Индии[26]. Все они друг друга понимают, и все странствуют на своих челноках. Этого нет в Гвинее, где великое множество разных языков и где один другого понять, не может.

Минувшей ночью к кораблю подошел на челноке муж одной из захваченных женщин и отец трех взятых вчера детей (одного мальчика и двух девочек) и просил меня, чтобы я раз решил ему отправиться с женой и детьми, и так умолял меня об этом, что все были растроганы, потому что каждый из нас — отец. Ему от роду уже лет 45».

Все это доподлинные слова адмирала. Выше он говорит также, что стало холоднее и поэтому было бы, по его мнению, неблагоразумно плыть для совершения открытий к северу.

За понедельник, до захода солнца, пройдено было 18 лиг в направлении на восток, четверть к юго-востоку, до мыса, которому адмирал дал имя «Бочки» (Cabo de Cuba).

Вторник, 13 ноября. Минувшей ночью все время, как говорят моряки, «стояли на привязи» (estaban ala corda), а значит это — следовать против ветра и оставаться все время на месте (Т.е. лежать в дрейфе. — *Прим. перед.*). Так решено было поступить потому, что на заходе солнца между горами показался просвет, и, возможно, то был проход между землей Кубой и Бохио. И это жестами подтверждали индейцы, которых адмирал вез с собой. **[119]**

С наступлением дня направились к берегу и, пройдя мимо мыса, который, как показалось ночью адмиралу, был на расстоянии 2 лиг от корабля, вступили в большой залив, расположенный в 5 лигах к юго-западу от мыса. Оттуда не было и 5 лиг до другого мыса, где между двух уже упомянутых гор виднелся проход, и адмирал не мог установить, является этот проход бухтой или чем-нибудь иным.

Так как адмирал желал идти к острову Банеке, на котором,

судя по словам индейцев, было много золота, а остров этот лежал на востоке, и так как он не видел ни одного убежища, где можно было бы укрыться от ярости ветра, который нара стал с небывалой еще силой, то он решил отойти дальше от берега и следовать к востоку при ветре, дувшем с севера. Корабль шел со скоростью 8 миль в час, и с десяти часов утра до захода солнца пройдено было 56 миль, или 14 лиг, к востоку от мыса Бочки.

По мнению адмирала, расстояние между уже упомянутым заливом и землей Бохио, лежащей под ветром, было 80 миль, или 20 лиг.

Берег, вдоль которого шел адмирал, тянулся в направлении с востока на запад и на западо-северо-запад.

Среда, 14 ноября. Минувшей ночью корабли лавировали (andan al reparo y barloventeando), так как, по словам адмирала, не было смысла плыть среди всех этих островов ночью, предварительно не осмотрев их. Индейцы, которых он вез с собой, говорили ему вчера, во вторник, что от Морской реки до острова Банеке три дня-пути на челноках, которые пере двигаются со скоростью 7 лиг [в день]. Ветер стих, и поскольку не было возможности идти непосредственно на во сток, адмирал принял четверть к юго-востоку; но, по уже указанным причинам, он должен был задержаться [в том месте] до утра.

На восходе солнца адмирал решил идти на поиски удобной бухты-убежища, так как к этому времени северный ветер сменился северо-восточным, и в случае, если не удалось бы найти подходящую бухту, пришлось бы возвратиться назад в уже знакомые гавани острова Кубы.

Пройдя за ночь 24 мили по направлению на восток, чет верть к юго-востоку, адмирал увидел землю и направился к ней, взяв к югу; проплыв...(Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*) миль до берега, он обнаружил на этом берегу много островков, бухт и проходов. Но так как дул сильный ветер и море было неспокойно, он не решился вступить в эти проходы и направился вдоль берега на северо-запад, четверть к юго-востоку, все время высматривая [удобную] бухту. Бухт же было много, но все они не внушали доверия. **[120]**

Пройдя таким образом 64 мили, он открыл очень глубокий проход, шириной в четверть мили, в удобную бухту и реку.

Войдя в этот проход, он сперва взял на юго-юго-запад, за тем на юг и юго-восток, и везде глубина и ширина прохода были значительны.

У берегов адмирал видел столько островов, что не мог и счесть их, и все эти острова были довольно велики и высоки и на них росли самые разнообразные деревья и множество пальм.

Диву он дался при виде столь многочисленных и гористых островов, и он заверяет королей, что ни на этих берегах, ни на здешних островах никогда не видел он еще таких гор, и ему кажется, что во всем мире нет гор более высоких, красивых и ясных, без туманов и снегов. Море у их подножья величай шей глубины.

Адмирал говорит, что, как он полагает, именно эти бесчисленные острова показаны на картах мира в том месте, где показан предел востока, и думает он, что на них имеются величайшие богатства и драгоценные камни и пряности и что тянутся они далеко к югу полосой, расширяющейся во все стороны. Он дал [этим водам] имя — «Море нашей владычицы» (Mar de Nuestra Senora), а бухту близ прохода, ведущего к этим островам, назвал бухтой Наследного принца (Puerto Principe). Он не вошел в эту бухту и лишь осмотрел ее со стороны моря; ознакомился он с ней подробно при следующем посещении, в субботу 24 ноября, как о том и будет сказано в надлежащем месте.

Столько всяческих похвал расточает адмирал изобилию, красоте и горным высотам островов, у берегов которых он от крыл эту бухту, что завершает их описание, призывая королей не удивляться подобным восхвалениям, потому что он убежден, что не сказал о них и сотой доли. Ему кажется, что одни острова вершинами гор, подобными граням алмаза, достигают неба, другие венчаются огромными горами с верши нами плоскими, как стол, и так глубоко море у этих берегов, что к ним свободно может подойти огромнейшая каррака (Крупный венецианский и генуэзский корабль (до 300 т водоизмещением), по типу сходный с португальскими navios redondos. См. комментарий «Корабли первой флотилии Колумба».— *Прим. перев.*). Берега же богаты строевым лесом, а подводных камней близ них нет.

Четверг, 15 ноября. Адмирал решил обойти эти острова на лодках. Он рассказывает об этих островах чудеса и говорит, что нашел благовонную смолу и великое множество алоэ. На некоторых островах земля была возделана под коренья, из которых индейцы изготовляют хлеб[27]. Кое-где адмирал видел горящие очаги. **[121]**

Пресной воды он не нашел. Люди, которые попадались ему на пути, сразу же обращались в бегство. Море вдоль берега везде было не глубже 14—16 локтей, повсюду дно мелкое, песчаное, лишенное камней, желанное дно для моряка: ведь подводные камни перетирают якорные канаты.

Пятница, 16 ноября. Поскольку везде, в любой стороне, на всех островах и землях, куда вступал адмирал, он водружал

кресты, то с этой же целью он направился на лодке ко входу в одну из бухт. На берегу он увидел два огромных бревна разной длины, и лежали они одно на другом, образуя крест, причем корабельный плотник заметил, что трудно было бы расположить эти бревна более удачно.

Поклонившись этому кресту, адмирал приказал изготовить из тех же бревен очень большой и очень высокий крест. На побережье нашел он сорванный тростник, неизвестно как сюда попавший. Адмирал предположил, что тростник этот был вынесен на берег водами какой-нибудь реки, и подобное мнение вполне справедливо.

Затем он направился к узкому и длинному заливу, расположенному в горле бухты, на ее юго-восточной стороне. Здесь возвышалась высокая скала, вдающаяся в море наподобие мыса, и у подножья ее море было настолько глубоко, что к скале могла вплотную пристать самая большая в мире кар рака; и был здесь уголок или местечко, где шесть кораблей, не бросая якоря, могли разместиться, как в каком-нибудь зале. Адмирал заключил, что здесь можно было бы при весьма не больших затратах соорудить крепость, в предвидении того времени, когда в этом усеянном островами море будет идти великая торговля.

Вернувшись на корабль, адмирал увидел, как индейцы, которых он вез с собой, вылавливают в море огромных улиток. Он заставил их нырять в воду и отыскивать жемчужные раковины — створки устриц, в которых вырастает жемчуг. Они нашли много разных раковин, но жемчужных среди них не было. Адмирал предполагает, что, вероятно, в это время года жемчужных раковин не бывает и вылавливать их следует в мае или июне.

Моряки нашли зверька, похожего на барсука. Они забросили в море сети и выловили много рыбы. Они поймали одну рыбу, которая была, как настоящая свинья, и совсем не походила на тунца, — жесткая, с твердой чешуей. Только глаза и хвост ее не были покрыты чешуей. В теле этой рыбы было отверстие, через которое она выбрасывала свои испражнения. Адмирал велел ее просолить, чтобы, по возвращении, показать королям.

Суббота, 17 ноября. Утром адмирал на лодке отправился осматривать в юго-западной стороне острова, которых он еще **[122]** не видел. Он встретил множество плодородных и прелестных островов, проливы же между ними были везде большой глубины.

На некоторых островах текли ручейки пресной воды, берущие, как предположил адмирал, начало из ключей, расположенных у подножья гор. Следуя дальше, он встретил ручей с превосходной и очень холодной водой и видел чудесный

луг и много высочайших пальм; таких высоких пальм ему раньше не приходилось встречать. Нашел он также, как о том он говорит, индийские орехи и приметил больших крыс из тех, что водятся в Индии, и огромнейших раков. Видел он много птиц и вдыхал одуряющий аромат мускуса. Он полагает, что мускус здесь должен быть.

В этот день из шести юношей, взятых на Морской реке и помещенных на каравелле «Ниньа», сбежало двое, самых старших.

Воскресенье, 18 ноября. Адмирал еще раз высадился на том же берегу с большим количеством своих людей и отправился водружать крест, который он велел изготовить из двух найденных на берегу бревен. Крест был воздвигнут у входа в пролив, ведущий в бухту Наследного принца, на видном месте, лишенном деревьев. Морские приливы и отливы были в этой бухте значительнее, чем в любых иных местах на берегах этих земель, что не удивительно, если принять во внимание, сколько здесь было островов. Приливы же и отливы обратны нашим, так как при отливах луна над этой бухтой бывает на юго-запад, четверть к югу.

Адмирал не отправился дальше, потому что день был воскресный.

Понедельник, 19 ноября. Адмирал вышел в море еще до восхода солнца. До полудня было затишье, затем с востока подул ветер, и он направился к северо-северо-востоку. На заходе солнца бухта Наследного принца оставалась в 7 лигах к юго-юго-западу. Показался, прямо на востоке, остров Банеке, и до него оставалось 60 миль. Всю ночь шли на северо-восток и едва сделали 60 миль, а к 10 часам утра 20 ноября прошли еще 12 миль. Всего было пройдено 18 лиг на северо-восток, четверть к северу.

Вторник, 20 ноября. Оставили Банеке, или остров Банеке, на востоко-юго-востоке, откуда дул противный ветер.

Поскольку ветер оставался неизменным, а море бурным, адмирал решил возвратиться к бухте Наследного принца, от куда корабли вышли. До бухты 25 лиг.

Он не желал идти к острову, названному им Изабеллой, от которого был в 12 лигах, и бросить там якорь по двум при чинам. Во-первых, на юге виднелись два острова, и адмирал намерен был их осмотреть, и, во-вторых, потому, что он опасался, как бы не сбежали индейцы, взятые им на Гуанахани **[123]** или Сан-Сальвадоре, так как от этого острова до Изабеллы было всего лишь 8 лиг; в индейцах же он нуждался и должен был их привезти в Кастилию. Адмирал говорит, что индейцы воображали, будто их отпустят, если они найдут золото. Прибыв к тем местам, где находилась бухта Наследного принца, адмирал,

однако, не вошел в нее, потому что уже наступила ночь, а течения увлекали его к северо-западу. Повернув, адмирал направился к северо-востоку при сильном ветре.

В третьей четверти ночи ветер стих, и адмирал принял на восток, четверть к северо-востоку. Ветер — ночью юго-юго-восточный — к рассвету отклонился к югу и к юго-востоку. На восходе адмирал отметил, что бухта Наследного принца была от него на юго-западе, почти четверть к западу на расстоянии 48 миль, или 12 лиг.

Среда, 21 ноября. С восходом солнца адмирал пошел к востоку при южном ветре с небольшой скоростью из-за противного течения. В сумерках было пройдено 24 мили. Затем ветер сменился и подул с востока, и адмирал пошел к югу, чет верть к юго-востоку. К закату прошли 12 миль [этим направлением]. Здесь адмирал определил, что он находится в 42 градусах от экваториальной линии[28], к северу от нее, как это он уже отметил в бухте Моря. Однако в этом месте он говорит, что не будет до тех пор пользоваться квадрантом, пока на берегу его не исправит, так как ему кажется, что он не может находиться на таком расстоянии [от экватора]. И это справедливо — подобное невозможно, потому что острова эти лежат всего лишь в... (Пропуск в тексте. — *Прим. перев.*) от экватора. Адмиралу казалось, что квадрант верен, потому что и здесь и в Кастилии прибор показы вал север на одинаковой высоте. Но если это было бы действительно так, адмирал был бы на широте и поблизости Флориды... Где же тогда находились острова, которые в этот момент он видел перед собой? Он добавляет, что зной, который все испытывали в этих местах, подкреплял его сомнения в определении широты.

И совершенно ясно, что если бы он действительно находился у берегов Флориды, то в это время года было бы не жарко, а холодно. Очевидно также, что нигде, ни в какой части земли на сорок втором градусе не бывает в ноябре зноя, а если и бывает, то по причинам случайным, хотя до сих пор я [Лас Касас] о подобных случаях ничего не знал. Упоминая о жаре, которую он чувствовал, адмирал указывает, что это верная примета золота и что в этих Индиях и в краях, где он побывал, должно быть очень много золота.

В этот день отделился [от флотилии] Мартин Алонсо Пинсон с каравеллой «Пинтой», без разрешения и вопреки воле **[124]** адмирала, и, как говорит адмирал, из алчности, так как Пинсон полагал, что один индеец, из числа помещенных на «Пинту», обещал ему дать много золота. И все это случилось неожиданно и не по причине дурной погоды, а лишь потому, что ему (Пинсону)

так хотелось. И адмирал говорит здесь: «Он (Пинсон) доставил мне и много иных забот и хлопот».

Четверг, 22 ноября. В среду ночью адмирал шел на юг, четверть к юго-востоку при восточном очень слабом ветре. В третьей четверти ночи подул северо-северо-восточный ветер. Адмирал все еще следовал на юг, чтобы по пути осматривать земли, мимо которых он проходил, но от берега находился на заходе солнца так же далеко, как и вчера, вследствие противных течений.

Земля оставалась в 40 милях. Минувшей ночью Мартин Алонсо Пинсон плыл на восток, к острову Банеке, на котором, как говорили индейцы, было много золота. Этот остров показался в виду адмиральского корабля, на расстоянии 16 миль от последнего.

Адмирал шел всю ночь по направлению к земле, приказав поднять некоторые паруса и держать сигнальный фонарь все время зажженным, потому что он надеялся, что Пинсон возвратится. Ночь была очень светлая, а ветерок, если бы Пинсон пожелал вернуться, был для него попутным.

Пятница, 23 ноября. При слабых ветрах адмирал всю ночь шел на юг, к земле, но течение все время не давало ему возможности к ней приблизиться. И он был на закате так же далеко от берега, как и утром. Ветер дул с востоко-северо-востока и был благоприятным для продвижения к югу, хоть и слабым. За одним из мысов показалась другая земля, или мыс, которая так же тянулась к востоку. Индейцы, которых вез с собой адмирал, называли эту землю «Бохио» и говорили, что она очень велика и на ней живут люди с одним глазом посреди лба и другие [люди], которые называются «каннибалами» (canibales). И индейцы проявляли страх перед ними. Адмирал отмечает, что, когда они увидели, куда ведет путь, которым следуют корабли, они лишились дара речи, опасаясь, что их съедят, и утверждая, что каннибалы — люди, хорошо вооруженные.

Адмирал предполагает, что во всем этом может быть и есть доля истины. Но уж по одному тому, что каннибалы вооружены, они должны быть людьми разумными, и он думает, что когда индейцы, попавшие к каннибалам в плен, не возвращаются обратно на родину, то там, не зная об их судьбе, говорят, что пленники были съедены. Ведь индейцы, когда впервые увидели христиан и адмирала, думали и о них то же, что о каннибалах[29].

Суббота, 24 ноября. Адмирал плыл всю ночь и в третьем часу дня подошел к земле — низкому острову, в том самом **[125]** месте, где он останавливался на прошлой неделе, когда

направлялся к острову Банеке. Сперва он не решался подойти ближе к земле, потому что ему показалось, что море в проходе между гористыми островами очень беспокойно. Но в конце концов он вошел в Море нашей владычицы, где было множество островов, и вступил в бухту, что лежала у входа в этот архипелаг. Адмирал говорит, что если бы он ознакомился с этой бухтой раньше и осмотрел бы острова Моря нашей владычицы, то не было бы для него необходимости возвращаться назад, хотя, как он указывает, возвращение и принесет пользу — все эти острова он увидит еще раз.

Приблизившись к земле, адмирал на лодке вошел в бухту и обнаружил в ней участок, где глубина моря была от 6 до 20 локтей и дно чистое и песчаное. Сюда он завел корабль, пройдя на юго-запад, а затем отклонившись к западу и оставив низкий остров с севера.

Этот остров и смежный с ним замыкали большую морскую лагуну, в которой могли бы поместиться все корабли Испании и стоять там, не забрасывая якорей, при любых ветрах. Вход в нее находится с юго-восточной стороны, и корабли надо заводить на юго-юго-запад, а выход на западе — очень глубокий и широкий. Таким образом тот, кто придет с северной стороны от моря (а для этих берегов это обычный путь), может вступить в лагуну, следуя проходом, отделяющим один от другого два упомянутых острова.

Оба острова лежат у подошвы большого и длинного хребта, который тянется к востоко-юго-востоку. Хребет же этот самый высокий и самый длинный из всех, что поднимаются на этом берегу, где гор бесчисленное множество. Между ними и островами — цепь подводных камней и мелей, подобная банке (banco), и она почти достигает прохода, ведущего в лагуну с южной стороны.

Между низким островом и этой банкой протягивается вторая, меньшая, цепь мелей. Проход между ними глубокий и широкий. В бухту с юго-востока, с ее внутренней стороны, впадает большая и красивая река и такая полноводная, как ни одна из встречавшихся прежде. Вода в ней пресная на всем протяжении до самого моря. У входа в бухту есть мель, но во внутренней части бухта очень глубока — до 8—9 локтей. На берегах ее много пальм и лесов, как и в других местах.

Воскресенье, 25 ноября. Перед восходом солнца адмирал взял лодку и отправился к мысу или выступу берега, к юго-востоку от низкого островка, на расстоянии 1,5 лиг от него, потому что ему казалось, что близ этого мыса должна протекать какая-нибудь хорошая река. Приблизившись к мысу на расстояние двух выстрелов из арбалета, адмирал увидел на его юго-восточной

стороне большой ручей с очень приятной водой. Он с большим шумом низвергался с горы. Подойдя **[126]** к ручью, адмирал заметил в нем блестящие камни с пятнышками цвета золота. И он вспомнил, что в реке Тахо, близ впадения в море, есть золото, и предположил, что оно, вероятно, должно быть и в этом ручье. Адмирал приказал отобрать несколько таких камней, чтобы доставить их королям.

Он находился у ручья, когда корабельные мальчики закричали, что видят сосны. Взглянув на горы, адмирал увидел такие огромные и такие чудесные сосны, что не мог нахвалиться их высотой и мощью. Были они стройные и прямые, как веретено, и он решил, что эти сосны могут пригодиться для постройки кораблей и что из них выйдут мачты и палубные доски для самых больших кораблей Испании.

Адмирал видел здесь дубы и падубы и нашел реку, на которой можно было без труда установить пилу, работающую от водяного колеса. Эта земля и климат ее были самыми здоровыми из всех, которые встречались раньше, благодаря высоте и прелести ее гор. На морском берегу адмирал видел много камней цвета железа и иных, о которых спутники его говорили, что были они из серебряных копей. Все эти камни вы носил на берег ручей.

Здесь же адмирал взял лес для реи и бизань-мачты каравеллы «Ниньа». Вступив в устье реки, он очутился в бухте, расположенной под самым мысом; у его юго-восточной стороны она была так велика и глубока, что в ней могли бы свободно укрыться сто кораблей, не становясь при этом на якорь. Над бухтой — прекраснее ее ничего еще не видели человеческие глаза — вздымались высочайшие горные цепи, и по склонам их струились чудесные ручьи. Густой лес покрывал горы и, кроме сосен, были там деревья разнообразнейших пород.

Две или три другие реки адмирал оставил позади. Все это адмирал восхваляет перед королями в величественной манере, проявляя радость при мысли, что ему привелось подобное увидеть. И особенно сосны вызывают у него неизъяснимый восторг и упоение, потому что здесь можно соорудить столько кораблей, сколько короли пожелают, стоит только завезти сюда инструменты, — леса же и смолы тут вдоволь. И он утверждает, будто не восхвалил и в сотой доле того, что здесь есть, и молит господа нашего о даровании ему новых и еще больших успехов, хотя все идет как нельзя лучше. И открыты уже земли, леса, травы, плоды и цветы, и встретились люди, а подобные открытия случаются каждый раз и в каждом новом месте на разный лад.

И то же можно сказать о гаванях и реках. И. в заключение адмирал говорит, что если у него, человека, который все это

видел своими глазами, так велико удивление, то еще большим будет оно у всякого, кто об этом услышит, и что никто не сможет поверить подобному, пока сам не увидит всего. **[127]**

Понедельник, 26 ноября. На восходе солнца подняли якорь и вышли из расположенной за низким островом бухты Св. Катерины. Следовали при малом ветре вдоль берега к юго-западу, по направлению к мысу Клюва (Cabo del Pico), что находился на юго-востоке.

К мысу адмирал подошел лишь вечером, потому что плыть пришлось при затишье. Прибыв к мысу Клюва, адмирал увидел на юго-востоке, четверть к востоку, другой мыс, до которого оставалось 60 миль, а за ним, милях в двадцати, еще один мыс, расположенный почти в том же направлении (юго-восток, четверть к югу), как ему казалось, милях в двадцати. Этому последнему адмирал дал имя «Колокольный мыс» (Cabo de Camana).

Адмирал, однако, не смог в течение дня дойти до этого мыса, так как ветер совершенно стих.

За день было пройдено 32 мили, или 8 лиг. По пути адмирал отметил девять новых и очень значительных бухт, причем все моряки признали их великолепными, и пять больших рек. Шел он вблизи берега, чтобы лучше все рассмотреть.

Эта земля состояла из одних только гор огромной высоты и очень красивых, и не была она ни пустынной, ни скалистой, потому что много было среди гор прелестнейших долин, да и сами горы были доступны и проходимы. И в долинах, и на горных скалах во множестве росли высокие и могучие деревья, своей красотой радующие взор. И, как кажется, среди них было много сосен. За мысом Клюва, к юго-востоку от него, расположены были два островка, протяженностью по две лиги каждый, а за этими островками скрывались три прекрасные бухты и две большие реки. Нигде на берегу не видно было человеческого жилья. Но, должно быть, люди обитали в этих местах и признаки их пребывания имелись, ибо везде, где бы ни выходили [моряки] на берег, они видели следы людей и погасшие костры. Адмирал полагал, что земля, которая сегодня показалась к юго-востоку от Колокольного мыса, была островом, что у индейцев зовется Бохио. Так думал он, потому что Колокольный мыс был отделен морем от виднеющейся вдали земли.

Все индейцы, которых доныне встречал на своем пути адмирал, говорили ему, что они испытывают величайший страх перед каннибалами, или канибами. Люди эти, по словам индейцев, живут на острове Бохио, очень большом, как им кажется, и, нападая на индейцев, увозят их в плен и разоряют их

дома и земли; индейцы же народ робкий и не знающий оружия.

Адмирал считает, что именно по этой причине индейцы на Гуанахани не селятся на побережье, чтобы не оказаться по соседству с землей каннибалов. Индейцы, которых он вез с собой, видя, что адмирал направляется к этой земле, потеряли **[128]** дар речи, опасаясь, что их съедят, и этот страх никак нельзя было рассеять. Они говорят, что у каннибалов собачьи морды и что люди эти одноглазы.

Адмирал полагает, что индейцы лгут, и подозревает, что, должно быть, каннибалы, уводящие в плен индейцев, люди из владений великого хана.

Вторник, 27 ноября. Вчера, на закате, адмирал подошел к мысу, который он назвал «Колокольным», и, хотя небо было ясное и ветер слабый и под ветром лежали пять или шесть превосходных гаваней, он не пожелал приблизиться к берегу и стать на якорь. И так поступил он потому, что хотел задержаться в открытом море и продлить наслаждение и восторг, которые он получал и испытывал, когда созерцал красоты и прелести этих земель, — а случалось это везде, куда бы ни попадал он, — и чтобы не замедлить [высадкой] выполнение всего, что он намерен был совершить.

Поэтому всю ночь, до рассвета, корабли лежали в дрейфе. За ночь течения отнесли корабли более чем на 5 или 6 лиг к юго-востоку от того места, где они находились, когда стемнело. Между тем адмирал [вчера] видел у Колокольного мыса большую бухту с островком посредине, которая, казалось, надвое разрывала линию берега. По этой причине он решил возвратиться обратно, воспользовавшись юго-западным ветром. Он направился к тому месту, где накануне приметил бухту, и установил, что бухта эта была не чем иным, как большим заливом, а у одной из оконечностей этого залива и расположен был в юго-восточной части его мыс, на котором имелась высокая, квадратная гора, *казавшаяся* островом. Ветер от клонился к северу, и адмирал направился на юго-восток, чтобы проследовать вдоль берега и осмотреть все, что там имелось. У самого Колокольного мыса он увидел чудесную бухту и большую реку, и в четверти лиги от нее — вторую реку, и в полулиге от этой реки — третью, и на расстоянии лиги от третьей — четвертую, и в лиге от четвертой — пятую, и в чет верти лиги от пятой — шестую и, наконец, на расстоянии одной лиги от этой последней, открыл он большую реку, от которой до Колокольного мыса было 20 миль, и от нее мыс оставался к юго-востоку.

Устья у большинства этих рек были широкие и свободные от мелей, с гаванями, великолепно приспособленными для входа

самых больших кораблей и лишенными песчаных банок и подводных камней.

Приблизившись и следуя вдоль морского побережья к южному берегу самой последней из только что открытых рек, адмирал обнаружил там большое селение, самое крупное из всех, которые доводилось ему встречать до сих пор, и увидел, как бесчисленные толпы людей вышли на берег, испуская крики, и все были голые и держали в руках дротики. **[129]**

Адмирал пожелал переговорить с ними и, отдав приказ спустить паруса и бросить якорь, отправил к берегу людей с корабля и с каравеллы, внушив им, как это всегда обычно делалось, чтобы индейцам никто не причинял зла и чтобы от них ничего не смели принимать в дар. За приобретаемые же у индейцев вещи он велел давать в обмен различные безделушки.

Индейцы жестами дали понять, что они никому не позволят высадиться на берег и будут оказывать сопротивление. Но они отступили подальше, когда увидели, что лодки приближаются к берегу и те, кто были в них, не испытывают никакой робости. Люди в лодках полагали, что индейцы не испугаются, если на берег высадятся лишь два-три человека. Поэтому из лодок вышли только трое христиан. Они обратились к толпе на языке этих земель (испанцы уже знали его немного из бесед с своими пленниками), убеждая индейцев не страшиться [пришельцев]. На те обратились в бегство, и ни стар, ни млад не остались на месте. Христиане зашли в их дома, которые делаются из соломы и сооружены так же, как и все прочие, что им встречались ранее, и не нашли там ни людей, ни утвари. Когда все возвратились, адмирал в полдень приказал поднять паруса и направился к одному красивому мысу, который расположен был в 8 лигах к востоку от места стоянки.

Пройдя по заливу с пол-лиги, адмирал заметил на юге превосходную бухту, а на юго-востоке — на диво прелестные земли и долину в горах. Казалось, что над этой долиной поднималось множество дымков и что там были большие селения и возделанные земли. Поэтому адмирал решил высадиться в этой бухте и попытаться завязать переговоры или сношения с жителями этих мест. Что же касается бухты, то адмирал говорит, что если восхвалял он ранее другие гавани и бухты, то эту со всеми ее землями, населением и климатом готов восхвалять еще больше.

Он рассказывает чудеса о прелести этой земли и о ее деревьях, среди которых есть пальмы и сосны, и о большой холмистой равнине, уходящей к юго-западу, прекраснейшей из всех равнин на земле. В лоне ее текут реки и ручьи, сбегающие с

окрестных гор.

После того как корабли стали на якорь, адмирал отправился на лодке измерить глубину бухты, которая подобна была чаше: у входа в бухту, на ее южном берегу, адмирал увидел горловину — устье реки — такую широкую, что в нее могла бы войти галера, причем эта горловина открывалась взору только на самом близком расстоянии. У самого входа ширина ее была такой же, как длина лодки — 5 локтей, а глубина — 8 локтей.

Продвигаясь вверх по течению, адмирал наслаждался видом лесов, зелени, светлых вод, птиц и приятным ощущением **[130]** прохлады и свежести. И он испытывал такое восхищение, что, говорит, будто ему не хотелось покидать эти места.

Он говорил своим спутникам, что не хватит и тысячи языков, чтобы дать отчет королям о всем, что они здесь видели, ни рук, чтобы подобное описать, и что, кажется ему, будто бродит он здесь словно очарованный.

Он пожелал, чтобы все это повидали многие другие люди, разумные и заслуживающие доверия, потому что, вне всякого сомнения, они не меньше его будут восхвалять эту землю.

И далее адмирал говорит: «Я не говорю о том, какую прибыль можно будет извлечь отсюда. Безусловно, государи-повелители, здесь есть земли, которые дадут бесчисленные статьи дохода. Но я не задерживаюсь ни в одной гавани, желая повидать возможно больше земель, чтобы дать о них отчет вашим высочествам. Я также не знаю [местного] языка, и меня не понимают люди этих земель, а я и мои спутники не можем понять их. И много раз, беседуя с индейцами, которых я везу с собой, я понимал совершенно превратно их слова, да к тому же я не слишком доверяю им, так как не однократно они делали попытки сбежать от нас.

Ныне же, уповая на господа нашего, я постараюсь повидать все, что только возможно, и мало-помалу пойду дальше, разузнавая и прислушиваясь, и заставлю всех моих приближенных изучать этот язык, так как вижу, что он является единым для всех земель, до сих пор открытых.

А затем подытожатся доходы и приложатся труды, необходимые для обращения этих народов в христианскую веру, а свершится это легко, потому что никаких верований индейцы не имеют и, кроме того, они не идолопоклонники. А придет срок, и ваши высочества велят построить в этой стороне город и крепость, и обратятся в христианство все эти земли. И заверяю вас, что нет и, как мне кажется, не может быть под солнцем земель/более плодородных и более обильных водами чистыми и здоровыми, совсем не такими, как гвинейские реки, которые

несут мор и недуги, и что нигде во всем мире не чередуются так благоприятно теплые и холодные времена года, ибо, хвала господу, до сих пор ни у одного аз моих людей даже не болела голова, и никто из них еще не лежал по болезни в постели, если не считать одного старика, всю жизнь страдающего от камней, да и тот излечился здесь от этого недуга в течение двух дней.

И это я говорю о людях всех трех кораблей. Я молю бога, чтобы ваши высочества направили сюда ученых людей, и пусть убедятся они, что все, что я пишу, — правда.

Выше я уже говорил о месте для города и крепости на Морской реке, выгодном потому, что оно находится в удобной бухте и в хорошей округе. И, безусловно, все это правда, но место это не может сравниться ни с той бухтой, где я нахожусь **[131]** сейчас, ни с Морем Владычицы. Потому что здесь в глубине страны должны быть большие поселения и бес численное множество людей и всяческие доходные статьи (cosas de gran provecho).

Потому-то и с этими землями, и со всеми землями, уже открытыми, и теми, что я надеюсь открыть до возвращения в Кастилию, завяжет сношения весь христианский мир и особенно Испания, так как ей будет все подвластно.

И я говорю, что ваши высочества не должны допускать, чтобы вели здесь торговлю чужестранцы; и пусть ноги их не будет на этой земле; пусть разрешен будет доступ сюда только католикам-христианам; ибо целью и основой моего замысла было ради славы христианской религии и ради успешного ее распространения не допускать в эти страны никого, кто не слыл бы добрым христианином». Все это слова адмирала.

Поднявшись вверх по течению, адмирал открыл несколько рукавов этой реки, а затем, следуя вдоль берегов бухты, видел в устье одной реки прелестную рощу, похожую на дивный сад. Тут же он нашел выдолбленный из целого древесного ствола индейский челнок, или каноэ, величиной с фусту о двенадцати скамьях. На этом челноке был устроен навес из пальмовых листьев, так что ни солнце, ни дождь не могли причинить сидящим в нем никакого вреда.

Адмирал говорит, что именно здесь самый удобный пункт для постройки города и крепости, охраняющей гавань. Здесь много леса, хорошая вода, плодородная земля и отличная местность.

Среда, 28 ноября. Адмирал пробыл весь день в бухте. Небо было покрыто тучами, и все время шел дождь. Дул юго-западный ветер, и, хотя при этом ветре можно было плыть вдоль берега дальше, адмирал остался на месте — опасно было, не видя и не

зная берега, выходить в море.

Люди с кораблей отправились на берег стирать одежду. Некоторые из них отошли от побережья на незначительное расстояние вглубь страны и встретили там большие селения. Но дома были пусты, так как все индейцы обратились [при виде матросов] в бегство. Моряки вернулись к берегу, следуя течению одной реки, большей чем та, что впадала в бухту.

Четверг, 29 ноября. Весь день шел дождь, и небо оставалось облачным. Поэтому корабли не вышли в море. Несколько христиан посетило другое селение, близ северо-западной оконечности бухты. В домах они не нашли никого и ничего. По дороге они встретили одного старика, который не смог убежать от них. Схватив старика, они сказали ему, что не желают ему причинить зла, а затем вручили ему безделушки, предназначенные для мены, и отпустили с миром. **[132]**

Адмирал желал увидеть старика-индейца, одеть его и рас спросить обо всем, потому что был он обольщен прелестью этой земли и ее расположением, удобным для заселения, и полагал, что здесь должны быть большие поселения.

Моряки нашли в одном доме кусок воска, который адмирал взял на сохранение, чтобы вручить впоследствии королям. И он говорит, что там, где есть воск, всегда имеются тысячи других превосходных вещей. Они нашли также человеческую голову, уложенную в корзинку и прикрытую другой корзинкой. Корзинки висели на одном из столбов [поддерживающих крышу]. Такую же голову они нашли в другом селении. Адмирал предположил, что это были головы родовых старейшин (principales del linage), потому что в каждом из этих домов помещалось много людей, которые, должно быть, являлись родичами, происходящими от одного предка[30].

Пятница, 30 ноября. Из-за восточного противного ветра адмирал не мог выйти в море. Он отправил на берег, восемь хорошо вооруженных человек и с ними двух индейцев из числа тех, которых он с собой вез, чтобы они осмотрели селения в глубине страны и вступили с их жителями в переговоры. Посетив много домов, они не нашли в них никого, так как все индейцы сбежали.

Они увидели четырех молодых людей, которые что-то копали на своем поле. Но как только индейцы заметили христиан, они сразу же обратились в бегство, и догнать их было невозможно.

Путники много прошли, видели немало селений и плодороднейшие, сплошь возделанные земли и большие реки. На берегу одной из них стоял очень красивый деревянный челнок, или каноэ, длиной в 95 футов. Он мог вместить сто пятьдесят

человек.

Суббота, 1 декабря. По той же причине, что и вчера, т. е. из-за сильного дождя, адмирал не вышел в море. Он водрузил на скалах у входа в бухту большой крест, а бухту назвал «Святой гаванью» (Puerto Sancto). Эти скалы расположены на юго-восточной стороне прохода, ведущего в бухту. Тот, кто пожелает войти в нее, должен держаться мыса, вдающегося в проход на ее северо-западной стороне, а не скал на ее противоположном берегу, потому что, хотя под этими скалами глубина моря 12 локтей и дно чистое, но чуть дальше к сере дине прохода есть непокрытая водой мель. Можно, впрочем, в случае необходимости пройти между скалами и этой мелью, так как и у мели и у скал везде глубина от 12 до 14 локтей. А при вступлении в проход нужно идти на юго-запад.

Воскресенье, 2 декабря. Все еще дул противный ветер, и адмирал не мог выйти из бухты.

Адмирал говорит, что ночью ветер здесь дует с берега и что корабли, которые вступят в бухту, могут не опасаться любых **[133]** бурь, потому что мель у входа в нее защищает внутренние воды от волнения.

В устье реки, впадающей в бухту, корабельный мальчик нашел камни, которые, как кажется, содержат золото. Адмирал решил отвезти их королям. Он говорит также, что на расстоянии выстрела из ломбарды [от этой местности] имеются большие реки.

Понедельник, 3 декабря. Так как все время стояла не благоприятная для плаванья погода, адмирал не вышел в море и решил отправиться на осмотр одного очень красивого мыса, расположенного к юго-востоку от бухты на расстоянии в чет верть лиги от нее.

Он вышел на лодках с отрядом вооруженных людей. У самого мыса, при впадении в море большой реки, имелась горловина, в которую можно было войти, взяв на юго-восток. Ширина ее была сто шагов, а глубина при самом входе или далее в устье — один локоть. Однако дальше вверх по течению глубина возрастала и доходила до четырех, пяти и даже двенадцати локтей. И здесь свободно могли бы поместиться все корабли, какие только есть в Испании. Оставив позади один из рукавов этой реки, адмирал направился на юго-восток и в одной бухточке увидел пять очень больших челноков, которые называются у индейцев каноэ. Были они похожи на фусты и так красивы и столь ладно сооружены, что любо было поглядеть на них.

У подножья гор вся земля была возделана, выше шли густые леса. Следуя дальше по дороге в горы, адмирал и его спутники

наткнулись на хорошо покрытый и прочный навес, которому ни солнце, ни дождь не могли причинить вреда. Под ним нашли деревянное каноэ, подобное фусте о 17 скамьях. Они поднялись еще выше и вступили на плоскую поляну, всю сплошь занятую разными культурами и в том числе отличными тыквами. Посреди поляны было большое селение. Адмирал нагрянул сюда неожиданно, и как только жители заметили его, тотчас же все они — мужчины и женщины — обратились в бегство. Индеец, которого адмирал взял с собой [с корабля], успокоил их и сказал, что пришельцы — хорошие люди.

Адмирал дал индейцам погремушки, бронзовые кольца и четки из зеленых и желтых стекляшек, и всем этим они были очень довольны. Адмирал убедился, что ни золота, ни других драгоценностей индейцы не имеют, и лучше поэтому оставить их в покое, и что округа была населена, хотя все остальные индейцы бежали от страха.

Он заверяет королей, что десять человек могут обратить в бегство десять тысяч индейцев — ведь они такие робкие и боязливые, что не носят даже оружия, кроме разве палиц, к концам которых прикреплены обожженные и заостренные **[134]** колышки. Эти палицы все они охотно меняли на безделушки. Адмирал решил вернуться обратно и тронулся в путь. По дороге, дойдя до того места, где были оставлены лодки, адмирал послал несколько человек в горы, где он только что побывал, потому что ему показалось, что там должна быть большая пасека. Прежде чем эти люди вернулись к месту, где остановился адмирал, сбежалось много индейцев. Один из них вошел в реку у самой кормы одной из лодок и произнес большую речь, которую адмирал не понял; другие же индейцы время от времени подымали руки к небу и испускали громкие возгласы.

Адмиралу показалось, что индейцы заверяют его в своих мирных намерениях и радуются его приходу. Но тут он заметил, что один из его индейцев изменился в лице и стал желтым, как воск; дрожа всем телом, он знаками стал объяснять адмиралу, что необходимо немедленно бежать с берегов этой реки, так как индейцы хотят умертвить всех пришельцев.

Этот индеец подошел к одному христианину, вооружен ному арбалетом, и показал его местным жителям. Адмирал понял, что индеец говорит им о действии арбалета, убивающего людей на далеком расстоянии. Индеец схватил также шпагу, обнажил ее и, показывая всем, сказал, что таким оружием легко перебить [нападающих].

Выслушав все это, местные индейцы бросились в бегство, а индеец адмирала все еще продолжал дрожать всем телом из-за

малодушия и трусости; а он был человеком высокого роста и большой силы.

Адмирал не желал выходить на берег и приказал грести вверх по течению до места, где снова скопились индейцы. Было их там очень много, все раскрашенные в разные цвета и нагие, в чем мать родила. У некоторых на голове были султаны из перьев, и решительно все имели связки дротиков.

«Я приблизился к ним и дал им кусочки хлеба и попросил их дать мне дротики. За дротики я отдавал одним погремушки, другим бронзовые колечки или стеклянные четки. Они успокоились и подошли всем скопом к лодкам и давали нам за любую вещь все, что у них было.

Моряки незадолго до того убили черепаху, и ее разбитый панцирь лежал в одной из лодок. И корабельные мальчики меняли на связку дротиков обломки панциря величиной с ноготь.

Они [индейцы] подобны прочим людям, которых я встречал на этих землях раньше. Они так же верят, что мы явились с неба и так же легко отдают все свое достояние за любую вещь, какую бы им ни предложили, не жалуясь на то, что дается в обмен мало. И я думаю, что таким же образом они будут отдавать нам золото и пряности, если только то и другое у них имеется. **[135]**

Я видел красивый и не очень большой дом с двумя входами (так устроены и все прочие дома) и вошел в него. Внутри он был разделен удивительнейшим образом на нечто вроде горниц, устроенных настолько своеобразно, что я и объяснить не могу. К потолку были подвешены раковины и другие вещи. Мне показалось, что здание это — храм, и, кликнув индейцев, я спросил их, изъясняясь знаками, не молятся ли они здесь. Они ответили отрицательно. А один из них поднялся к потолку и охотно давал мне любое из того, что там было подвешено, и я взял кое-что из этих вещей».

Вторник, 4 декабря. Адмирал дал приказ распустить паруса и вышел из гавани, которая была названа им «Святой». В двух лигах [от гавани] он приметил ту самую реку, о которой он уже упоминал в записях от 3 декабря.

Он следовал вдоль берега до Прелестного мыса (Cabo Undo), расположенного на восток, четверть к юго-востоку от Гористого мыса (Cabo del Monte). Расстояние между этими мысами 5 лиг. В 1,5 лигах от Гористого мыса есть большая река, вход в нее со стороны моря довольно узкий, хотя, как кажется, удобный и очень глубокий. В 3/4 лиги от этой реки имеется другая, огромнейшая река, текущая, должно быть, издалека. Ширина реки в устье 100 шагов, глубина 8 локтей, мелей там нет и, как удалось установить после промеров дна, подходы к этому устью очень хороши.

Пресная вода в этой реке доходит до самого моря. Река эта одна из самых полноводных в здешних местах, и на берегах ее должны быть значительные поселения.

За Прелестным мысом есть большой залив, открытый к юго-востоку и востоко-северо-востоку (Этот залив и был проходом, отделяющим Кубу от Эспаньолы (Бохио). — *Прим. перев.*).

[ОТКРЫТИЕ ЭСПАНЬОЛЫ]

Среда, 5 декабря. Всю ночь корабли лежали в дрейфе перед Прелестным мысом, так как в сумерках на востоке показалась земля. На восходе солнца адмирал увидел в 2,5 лигах к востоку от Прелестного мыса еще один мыс. Пройдя этот мыс, адмирал заметил, что берег, отклонившись на юг, принял на правление на юго-запад и в этом направлении виден был красивый и высокий мыс, до которого было 7 лиг. Сперва адмирал собирался направиться к мысу, что открылся на юге, но затем оставил это намерение, желая в первую очередь осмотреть остров Банеке, расположенный, по словам индейцев, где-то к северо-востоку.

Однако противный ветер не позволил ему избрать путь на северо-восток; следуя прежним направлением, он, вглядевшись в юго-восточную сторону, увидел землю — большой остров, о котором он уже имел сведенья от индейцев, называвших этот населенный остров «Бохио». **[136]**

Адмирал слышал от жителей Кубы, или Хуаны, и от индейцев других островов, что обитатели острова Бохио едят человеческое мясо[31]; но этому он не верил, полагая, что попросту жители Бохио более хитроумны, чем соседние индейцы, и наделены большей предприимчивостью в военных делах, благодаря чему и захватывают последних в плен. Кроме того, индейцы других островов весьма малодушны (Еще одно свидетельство, убеждающее нас, насколько вздорны были вымыслы о зверских наклонностях караибов.— *Прим. перев.*).

Так как ветер дул с северо-востока, а затем с севера, адмирал решил покинуть Кубу, или Хуану, которую до сих пор считал из-за ее величины материком. И в самом деле, только лишь вдоль одного из берегов этой земли уже было пройдено 120 лиг.

Приняв это решение, адмирал пошел на юго-восток, четверть к востоку, так как земля показалась на юго-востоке, а ветер дул то с севера, то с северо-востока, порой отклоняясь к во стоку и юго-востоку.

Ветер был попутным и надувал все паруса, ходу кораблей благоприятствовало также течение; поэтому с утра до часа дня, на протяжении шести часов (день начинался поздно, а ночи длились по 14 часов) шли со скоростью восемь миль в час, а затем стали делать по девяти миль и к закату про плыли 88 миль, или 22 лиги, по направлению на юго-восток.

Так как надвигалась ночь, адмирал приказал более

быстроходной «Нинье» пройти вперед и пока еще было светло осмотреть на берегу ближайшую бухту. Сам же адмирал на своем корабле подошел к входу в бухту, которая по величине была такова, как залив в Кадисе, и послал на лодке людей, чтобы они промерили дно. Поскольку ночь уже наступила, он велел зажечь на лодке фонарь и этим фонарем подавать на корабль сигналы. Он шел к тому месту, где дрейфовала «Нинья», все время ожидая, что с лодки будут даны ему сигналы, которые позволят войти в бухту, но на лодке внезапно погас фонарь, и «Нинья» двинулась дальше вдоль берега, поскольку там не видели света. С «Ниньи» подали сигнал адмиралу. Адмирал взял курс на сигнальный огонь «Ниньи» и догнал ее. В этот момент на лодке зажгли снова фонарь, и «Нинья» пошла к входу в бухту, тогда как адмирал не мог за ней последовать, и всю ночь корабль его пролежал в дрейфе.

Четверг, 6 декабря. На рассвете адмирал находился в четырех лигах от бухты, которую он назвал «Бухтой Марии». В направлении на юг, четверть к юго-западу, виден был красивый мыс, который он назвал «мысом Звезды» (Cabo de Estrella). **[137]**

Адмирал предположил, что мыс этот был крайней южной оконечностью острова. До мыса Звезды оставалось 28 миль. На востоке, милях в 40, показалась другая земля — видимо, небольшой остров. В 54 милях на восток, четверть к юго-востоку, виднелся очень красивый мыс, названный адмиралом «Слоновым» (Cabo de Elefante). Еще один мыс, которому было присвоено наименование мыса Синкин, лежал на востоко-юго-востоке в 28 милях от кораблей.

На юго-востоке берег прерывался; возможно, то была река, и казалось, что в милях 20 от этого места, между мысами Слоновым и Синкин, открывался широчайший проход. Некоторые моряки различали на его противоположной стороне нечто вроде острова, который адмирал назвал «Тортуга» (Черепаха).

Большой остров казался очень высоким, но на нем не было гор, уходящих в облака. Скорее это была высокая равнина, либо вся, либо в своей большей части возделанная, и эти поля (возможно, росла на них пшеница) подобны были майским нивам Кордовы. Ночью видны были на берегу огни, а днем то тут, то там подымались, словно над дозорными башнями, бесчисленные дымки. Быть может, это были военные сигналы. Берег в этой части острова шел к востоку.

В час вечерни адмирал вошел в уже упомянутую бухту и назвал ее бухтой Св. Николая, так как 6 декабря был днем этого святого.

При входе в бухту он был очарован ее красотой и пре лестью,

И хотя восхвалял он бухты и гавани Кубы, но эта бухта была, по его мнению, ничуть не хуже кубинских, и даже превосходила их. Ни одна из ранее открытых гаваней не была подобна этой. У входа ширина ее была 1,5 лиги, и лучше входить в нее, взяв на юго-восток, хотя при столь значительной ширине прохода корабли могли вступать в него, следуя любым направлением.

Пройдя на юго-юго-восток две лиги, адмирал дошел до выступа на южном берегу бухты и оттуда плыл тем же на правлением до мыса с очень красивыми берегами. Здесь была роща, в которой росли разнообразнейшие деревья, обремененные плодами, и, как полагал адмирал, среди этих плодов были различные виды пряностей и мускатные орехи. Но плоды эти еще не созрели, и поэтому определить их адмирал не мог. В средней части берега протекала река.

Глубина бухты просто удивительная. До самого берега на протяжении... (Пропуск в тексте. — *Прим. перев.*) везде свинчатка (Свинчатка — plomada — веревка с грузом на конце — род лота. — *Прим. перев.*) достигала дна лишь на глубине 40 локтей, и дно было чистое. **[138]**

У берега же глубина 15 локтей; в любом месте бухты глубина велика, и дно чистое, и у берегов не видно ни одной мели.

Измерив глубину бухты на всем ее протяжении в юго-восточном направлении, на участке, где могли бы свободно разместиться, лежа в дрейфе (temporojeando), тысяча каррак, адмирал приступил к подобным же измерениям в северо-восточном направлении, следуя на протяжении более чем полу мили одним из рукавов бухты. Этот рукав повсюду был одинаковой ширины, словно проложили его по шнуру. Находясь в водах рукава, ширина которого была 25 шагов, нельзя было видеть вход в бухту, и поэтому казалось, что она замкнута. Глубина рукава повсюду была 11 локтей, дно песчаное и чистое. Даже в том месте, где лодка касалась бортом растущих на берегу трав, дно было на глубине 8 локтей.

Бухта эта очень оживленная и радостная, хотя берега ее безлесны.

Остров показался адмиралу более скалистым, чем ранее открытые земли. Деревья здесь были не такие крупные, и многие из них были испанских пород, как, например, каменные дубы, падубы и некоторые иные. То же самое можно было сказать и о травах. Остров горист, но на нем много равнинных мест, климат здесь прекрасный, но более холодный, чем на других островах. Хотя, строго говоря, то, что испытывают тут люди, холодом нельзя и назвать. Адмирал говорит о холоде, лишь сравнивая этот остров с другими землями.

Как раз против бухты лежит прекрасная долина, и в ней протекает река, впадающая в бухту. Адмирал предполагал, что в этой округе должны быть большие поселения, судя по тому, что уже видны были на море челноки и притом очень большие — подобные фусте о 15 скамьях. Индейцы при виде кораблей сразу же обращались в бегство.

Индейцы, которых адмирал вез с собой, очень стремились на родину, и адмирал говорит, что все время они думали, будто их в конце концов доставят домой. Теперь же они стали подозревать недоброе, потому что путь кораблей не лежал к их дому. И поэтому адмирал не верил их словам; впрочем, он и не понимал их, точно так же, как и они не понимали его. Адмирал говорит, что больше всего на свете они боялись людей, живущих на этом острове.

Для того чтобы вступить с местными жителями в пере говоры, необходимо было на несколько дней задержаться в бухте Св. Николая. Но адмирал решил идти дальше, отчасти, чтобы осмотреть побольше земель, но также и потому, что сомневался в устойчивости благоприятной для плавания по годы.

Адмирал, уповая на господа нашего, надеялся, что индейцы, которые были на кораблях, изучат кастильский язык, а он их **[139]** собственный, так что со временем, по возвращении сюда, он сможет беседовать со здешними людьми. **[140]**

И обращаясь к богу, он просит ниспослать ему добрую толику золота, прежде чем он тронется в обратный путь.

Пятница, 7 декабря. В исходе предрассветной вахты адмирал приказал поставить паруса и вышел из бухты Св. Николая. Адмирал плыл при юго-западном ветре к северо-востоку и, пройдя две лиги, дошел до мыса, который образует нечто вроде заводи, оставив к юго-востоку один выступ берега, тогда как мыс Звезды был в 24 милях к юго-западу. Оттуда он направился к востоку и, пройдя 48 миль, достиг мыса Синкин. Истинная правда, что 20 [миль] он прошел к востоку, четверть к северо-востоку и что везде берег был высок и дно на значительной глубине: у самого берега до 20—30 локтей, а в открытом море глубина была равна выстрелу из ломбарды.

Все это адмирал, к своему великому удовольствию, установил, плывя вдоль берега при юго-западном ветре. Он говорит, что вышеупомянутый мыс удален от бухты Св. Николая всего лишь на расстояние выстрела из ломбарды и если в этом месте прорыть канал, то образуется остров в 3 или 4 мили в окружности.

Вся эта страна была очень гористая. Деревья были здесь не слишком высокие, такой же высоты, что и кастильские каменные

дубы и падубы (madronos). В двух лигах от мыса Синкин адмирал приметил в разрыве линии гористого берега огромнейшую и сплошь возделанную долину, по-видимому за сеянную ячменем. Адмирал предположил, что в этой долине должны были располагаться значительные поселения.

За ней тянулась цепь очень высоких гор. Дойдя до мыса Синкин, он оказался в 32 милях от острова Тортуга, берега которого виднелись на северо-востоке. На расстоянии выстрела из ломбарды от мыса выдавался в открытое море высокий и хорошо заметный утес. На восток, четверть к юго-востоку от мыса Синкин, расположен был Слоновый мыс, до которого оставалось лишь миль 70, и берег между этими мысами казался очень высоким.

Следуя дальше, адмирал в шести лигах от мыса Синкин обогнул большой выступ берега. За этим выступом его взору открылись широкие долины и поля среди высочайших гор, и эта местность была во всем сходна с Кастилией.

В 8 милях далее он открыл очень глубокую реку, довольно узкую в устье, хотя туда могла бы войти одна каррака. При входе в устье не было ни мелей, ни подводных камней.

В 16 милях отсюда адмирал подошел к глубокой и широкой бухте. Ни у входа в нее, ни у берегов нельзя было достать дна, а в трех шагах от берега, на протяжении четверти лиги, глубина доходила до 15 локтей. Час был еще ранний — недавно **[141]** лишь миновал полдень — а небо было затянуто тучами и предвещало сильный дождь; непогода же опасна даже в хорошо знакомых местах, не говоря уже о незнакомых местах и водоемах. Поэтому, хотя ветер и был попутным, адмирал решил войти в бухту, которую он назвал гаванью Зачатия (Puerto de la Concepcion), и бросил якорь в устье небольшой реки, впадающей в море у оконечности бухты. Эта река протекала через долины и поля, изумительные по красоте. Адмирал распорядился закинуть в море сети, а затем на лодке отправился к берегу. Когда он шел водами бухты, в лодку впрыгнула рыба — бычок (liza) (?). Между тем до сих пор в этих морях кастильские рыбы еще не встречались. Сегодня же моряки вы ловили много рыб кастильской породы. Адмирал совершил небольшую прогулку вглубь страны. Везде были возделанные земли, а из рощ доносилось пение соловьев и других птиц, подобных кастильским. Он заметил вдали группу в пять индейцев, но они не стали дожидаться его и сразу же обратились в бегство.

Адмирал видел здесь мирты и другие деревья и травы, подобные кастильским; и вся эта земля с ее горами и долинами была похожа на Кастилию.

Суббота, 8 декабря. Шел проливной дождь при сильном северном ветре. Эта бухта надежно защищена от всех ветров, кроме северного, но и этот ветер не может причинить вреда, потому что хотя волнение при северном ветре и значительно, но не настолько, чтобы сорвать с якоря корабль или сильно возмутить воды реки, впадающей в бухту.

После полуночи ветер отклонился к северо-востоку, а за тем к востоку. От этих ветров бухта защищена островом Тортуга, который отстоит от нее на 36 миль.

Воскресенье, 9 декабря. Весь день шел дождь, погода была зимняя, как в Кастилии в октябре месяце. До сих пор еще не пришлось видеть людских поселений, если не считать дома в бухте Св. Николая, очень красивого и построенного лучше других жилищ, встречавшихся раньше.

Этот остров очень велик, и адмирал говорит, что вероятно, в окружности он имеет не менее 200 лиг. Адмирал, заметил, что весь остров занят возделанными землями, и предположил, что селения здесь должны быть расположены далеко от моря. Оттуда с гор удобно наблюдать за морем, и когда местные жители видят, что кто-то приближается к берегу, они убегают, захватывая с собой все достояние, и подают сигналы, как это принято у военных людей, дымом.

Ширина бухты у входа тысяча шагов, или четверть лиги. В ней нет ни банок, ни мелей, глубина везде, даже у берега, значительна. Корабли могут проникнуть вглубь бухты на 3 000 шагов и без опасения становиться на якорь в любом месте, так как на всем этом протяжении глубина достаточная, а дно чистое и песчаное. **[142]**

В бухту впадают две мелководные реки. Вдоль внутреннего берега тянутся прекраснейшие в свете долины, весьма похожие на земли Кастилии, но во многом превосходящие последние. По этой причине адмирал назвал этот остров «Эспаньолой» (По-кастильски Эспаньола значит «маленькая Испания».— *Прим. перев.*).

Понедельник, 10 декабря. Дул сильный северо-восточный ветер, едва не срывая с якорей корабли. Это крайне удивило адмирала, и он предположил, что так произошло потому, что корабли стали на якорь чересчур близко к берегу, от которого дул ветер.

Ветер был противным для плавания в избранном направлении, и поэтому адмирал остался в бухте и послал шесть вооруженных человек на берег. Он приказал им проникнуть на две-три лиги вглубь страны, чтобы разузнать, можно ли завязать какие-нибудь сношения с местными жителями. Они вернулись, не

встретив ни людей, ни селений. По пути видели они хижины, широкие дороги и следы больших костров. Земли же, по которым они шли, показались им лучшими в свете. Они нашли много мастичных деревьев и принесли благовонную смолу, сообщив при этом, что смолы имеется немало, хотя время для сбора ее неподходящее, потому что осенью мастичные деревья не источают сока.

Вторник, 11 декабря. Адмирал не мог выйти из бухты, так как все еще удерживались северо-восточный и восточный ветры. Как раз против бухты, как уже говорилось, расположен был остров Тортуга. Он казался очень большим, почти таким же, как Эспаньола. Берег острова Тортуги шел почти в том же направлении, что и берег Эспаньолы, от одного до другого было, может быть, самое большее 10 лиг, считая от мыса Синкин до выступа острова Тортуги, лежащего к северу от Эспаньолы; затем берег ее отклонился к югу.

Адмирал говорит, что он желал осмотреть пролив между этими двумя островами, чтобы повидать Эспаньолу — наилучшую землю в мире — и потому что, судя по словам индейцев, которых он вез с собой, таким путем следует идти к очень большому острову Банеке, где, как они говорили, высятся крупные горные цепи и есть много рек и долин. Они также говорили, что остров Бохио (Эспаньола) больше Хуаны, Хуану же индейцы называли Кубой, и что остров Бохио не окружен со всех сторон морем. Судя по их словам, за этим островом лежит материковая земля бесконечной величины, которую они называют «Каритаба». И, вероятно, они имеют основание жаловаться, что их тревожат что все эти острова живут в великом страхе перед «каннибалами». **[143]** Адмирал по этому поводу говорит: «И должен повторить снова, хоть я не раз уже о том упоминал, что эти канибы не кто иные, как люди великого хана, который должен быть где-то недалеко. Он имеет корабли и [совершая набеги] уводит в плен [индейцев, живущих на других островах]. Индейцы же эти, видя, что взятые в плен люди не возвращаются назад, думают, что канибы съедают пленников».

«С каждым днем мы все лучше и лучше понимаем индейцев, а они нас; так что случалось уже много раз, что нам ясен был смысл сказанного ими, а им были понятны наши слова».

Адмирал [снова] послал на берег людей. Они нашли много мастичных деревьев, не сочащих смолу. Должно быть, это » объясняется, как он отмечает, дождливым временем. На острове **[144]** Хиос смолу собирают в марте, здесь же ее нужно брать в январе, потому что эти места более теплые.

Моряки выловили множество рыб таких же, какие водятся в

Кастилии: лососей, плотву, мурен, форель, видели они также и сардинки. Нашли много алоэ.

Среда, 12 декабря. Противные ветры снова помешали адмиралу покинуть бухту. У входа в нее, на западном берегу, он выбрал высокое и видное издалека место и здесь водрузил большой крест «в знак того, — как он говорит, — что ваши высочества приняли эти земли во владение и главным образом в честь Иисуса Христа, нашего господа и славы всего христианства».

Вскоре после водружения креста три моряка углубились в лес, желая поглядеть на здешние деревья и травы. Следуя своей дорогой, они увидели толпу индейцев, нагих, как и все обитатели этих островов. Окликнув их, моряки направились за ними вдогонку, но индейцы бросились бежать; в конце концов удалось захватить только одну женщину и на этом ограничиться.

«Я приказал, — говорит адмирал, — взять несколько индейцев, чтобы оказать им почетный прием и рассеять их страх. И принести, если окажется возможным, что-нибудь, имеющее ценность, потому что, судя по изобилию, какое было на этой земле, не могли не быть здесь полезные и ценные вещи».

Женщину, а была она очень юной и красивой, привели на корабль, и она беседовала с индейцами, взятыми адмиралом: язык у них всех единый. Адмирал приказал одеть ее и, подарив ей стеклянные четки, погремушки и бронзовые колечки, с почетом отправил обратно, ибо таков был заведенный им обычай. С ней он послал на берег нескольких моряков и троих индейцев.

Моряки же, которые сопровождали ее в лодке, говорили затем адмиралу, что эта женщина не хотела покидать корабль и желала остаться на нем вместе с другими индианками, которых адмирал захватил в устье Морской реки, на острове Куба.

По словам этой женщины, индейцы, с которыми она была в лесу в то время, когда ее поймали моряки, приплыли сегодня в эти места на каноэ — так называются их каравеллы. Дойдя до входа в бухту, они увидели корабли, вернулись назад и, высадившись на берег, направились к своему селению, укрыв в надежном месте каноэ. Она показала место, где это селение расположено. У этой индианки в нос был вдет кусочек золота, признак того, что этот металл имеется на острове.

Четверг, 13 декабря. Трое моряков, посланных адмиралом сопровождать женщину-индианку, возвратились в три часа ночи. Они не дошли с ней до ее селения то ли потому, что им это селение показалось чересчур далеким, то ли из страха. Они **[145]** сказали, что завтра, вероятно, явится к кораблям много индейцев, так как местных жителей должны успокоить вести, которые им

принесет индианка.

Адмирал, желая дознаться, есть ли на этой земле что-либо полезное, и намереваясь вступить в переговоры с ее жителями, ибо страна эта была прекрасна и плодородна и следовало приохотить ее жителей к служению королям, решил отправить своих людей в селение. Он возлагал надежды на то, что индианка уже успела представить христиан хорошими людьми, и отобрал девять человек из числа своих людей, ловко управлявших оружием и хорошо вооруженных, и с ними послал одного индейца из числа тех, кого он с собой вез.

Они побывали в селении, что находилось в 4,5 лигах к юго-востоку от бухты, и нашли его в широчайшей долине, причем было оно совершенно безлюдно, так как индейцы, узнав, что к ним направляются чужестранцы, бежали вглубь страны, захватив с собой все свое достояние. В селении было до тысячи домов и 3 000 жителей.

Индеец, который сопровождал отряд, помчался за беглецами, громкими возгласами призывая их вернуться. Он кричал им, что христиане хорошие люди и не следует бояться их и что они явились с неба и всем, кого застают на месте, они раздают много чудеснейших вещей.

Это так подействовало на индейцев, что они обрели мужество и возвратились в селение толпой, в которой было более 2 000 человек. Они подошли к испанцам и возложили руки пришельцев на свои головы, что было знаком великого уважения и дружбы. При этом они дрожали от страха и только спустя некоторое время окончательно успокоились. Когда же страх индейцев рассеялся, они разошлись по своим домам и за тем каждый из них явился с угощениями.

Они принесли хлеб из «ньямов» — корней, похожих на крупную редьку[32]. «Ньям» сажается и собирается повсеместно на этой земле, и он для индейцев все равно, что жизнь. Они приготовляют из корней «ньяма» хлеб, пекут и жарят их. Вкусом «ньям» напоминает каштаны, и любой, кто отведает этот корень, убежден будет, что он ест каштаны. Приносили они также рыбу и все прочее, что только имели. Индейцы, которых адмирал вез с собой, знали, что он хотел приобрести попугая. Вероятно жителям селения сказал об этом индеец, сопровождавший отряд, так как они принесли множество попугаев и давали их всякому, кто просил, не желая ничего получать взамен. Индейцы просили гостей не уходить вечером на корабль и обещали им принести много других вещей, которые имеются у них в горах.

В то время, когда весь этот люд толпился возле гостей, появилась большая группа индейцев во главе с мужем вчерашней

индианки. Эту женщину индейцы несли на плечах и **[146]** пришли они, чтобы поблагодарить христиан за почетный прием, оказанный ей адмиралом, и за полученные от него дары.

Побывавшие в селении говорили адмиралу, что с этими людьми по красоте и учтивости не могут сравниться ранее встречавшиеся индейцы. Но адмирал отмечает, что подобное утверждение кажется ему странным, так как все индейцы, которых он видел на других островах, были отличнейшего поведения. По красоте же, как указывают все, посетившие селение, с этими индейцами — и тут речь идет и о мужчинах и о женщинах — никто не может сравниться. Они белее прочих индейцев, а среди девушек видели двух таких, которые так же белы, как испанки. Говоря о красоте земель, которые они видели, утверждали, все, что даже лучшие и прекраснейшие земли Кастилии не могут, выдержать никакого сравнения с этими землями. И, судя по тому, что адмирал уже видел раньше и что было перед его глазами сейчас, он вполне согласен был с мнением тех, кто говорил, что земли, которые встречались прежде, не могут сравниться с этой долиной. Даже нивы Кордовы по сравнению с ней — будто ночь перед светом яркого дня.

Все земли в этой долине были возделаны, а посредине ее протекала большая и широкая река, водами которой можно было оросить все поля. Плодами отягчены были зеленые деревья и благоухали высокие, цветущие травы, широки и хороши были дороги, а воздух был, как в апреле в Кастилии, и соловьи и другие птички пели так, как поют в этом месяце в лесах Испании, и говорит он, что здесь все было прелестнейшим на свете. Ночами нежно пели птицы и слышны были трели сверчков и лягушек.

Рыбная ловля здесь подобна испанской. Мастичные деревья, алоэ и хлопковые поля встречались повсюду. Золото не было обнаружено, да и не удивительно, что за такой малый срок его не нашли. Адмирал вычислил, сколько длится в этих местах день и ночь. От восхода до захода солнца двадцать раз переставлялись рассчитанные на полчаса песчаные часы (ampolletas)[33].

Впрочем, он говорит, что счет по песочным часам может быть и ошибочным — либо потому, что они не перевертывались вовремя, либо же вследствие того, что песок проходил скорее, чем требуется.

Адмирал отмечает: по квадранту он установил, что находится в 34 градусах [к северу] от экваториальной линии (В этом месте на полях рукописи справедливое замечание Лас Касаса — «это невозможно». Об исчислениях широты по квадранту см. комментарий 28.— *Прим. перев.*).

Пятница, 14 декабря. Под ветром, дующим с суши, адмирал

вышел из бухты Зачатия, но вскоре ветер стих: подобное он испытывал в этих морях ежедневно. Через некоторое время подул восточный ветер, и адмирал пошел к северо-северо-востоку. **[147]**

Он приблизился к острову Тортуга и приметил мыс, названный им мысом Ноги (Punta Pierna) и расположенный в 12 милях к востоко-северо-востоку от западной оконечности острова. Отсюда он увидел другой мыс в том же направлении, на расстоянии 16 миль, которому он дал имя Острый мыс (Punta Aguda), и оттуда он увидел еще один мыс, который назвал мысом Копья (Punta Lancada).

От западной оконечности Тортуги до Острого мыса было 44 мили, или 11 лиг, и берег все время шел к востоко-северо-востоку. На пути встречались значительные песчаные пляжи. Тортуга высокий, но не гористый остров. Этот остров очень красив и населен точно так же густо, как Эспаньола. Земли везде на нем возделанные и напоминают они долину Кордовы.

Видя, что установился противный ветер и нельзя продол жать плаванье в направлении острова Банеке, адмирал решил возвратиться в бухту Зачатия, откуда он накануне вышел, но за день он дошел лишь до устья реки, впадающей в море на расстоянии двух лиг от бухты, и войти в это устье не смог.

Суббота, 15 декабря. Адмирал снова вышел из бухты Зачатия, направившись по своему пути, но как только он проследовал в открытое море, сильно задуло с востока, и так как этот ветер был противным, он повернул назад по направлению к реке, в которую вчера он не смог войти. Но и на этот раз ему не удалось стать на якорь в ее устье, и он пошел к песчаному берегу, расположенному в полулиге под ветром — хорошей якорной стоянке с надежным дном.

Бросив якорь, адмирал на лодке отправился к реке и во шел в морской рукав, в полулиге от нее. Рукав этот оказался не связанным с устьем реки, и адмирал, выйдя из него, направился к реке, вступил в нее и обнаружил, что у входа глубина устья не превышала одного локтя и что скорость течения чрезвычайно велика. Он направился вверх по течению реки, чтобы дойти до селений, которые видели позавчера люди, посланные на берег. Адмирал приказал тянуть лодку на бечеве, и так удалось пройти на расстояние двух выстрелов из ломбарды. Однако идти дальше оказалось невозможным из-за сильного течения.

Адмирал видел индейские дома и большую долину, в которой находились селения. Долина же, в которой протекала эта река, по красоте превосходила все, что встречалось на пути раньше.

При входе в устье реки он заметил группу индейцев, но подойти к ним не удалось, так как все они сразу же обратились в бегство.

Адмирал говорит, что эти люди должны быть чрезвычайно осторожными потому, что живут они в постоянном страхе. По **[148]** мере того как испанцы передвигались из одного места в другое, везде подымались к небу сигнальные дымки. Так было и на Эспаньоле, и на Тортуге. Тортуга же также большой остров, больше всех, что встречались раньше[34].

Адмирал назвал эту реку Гвадалкивиром потому, что, по его словам, она такой же величины, как Гвадалкивир в Кордове, а долину, в которой она протекает, — «Райской» (Valle del Parayso). Берега ее скалисты и везде проходимы.

Воскресенье, 16 декабря. В полночь с легким ветерком, подувшим с берега, адмирал вышел из залива и проследовал вдоль берега острова Эспаньолы, идя на булине (yendo a la bolina), так как в час заутрени сильный ветер подул с востока. В море он увидел каноэ и в нем одного лишь индейца. Адмирал поразился, не представляя себе, как могло держаться на воде утлое каноэ при таком сильном ветре. Адмирал заставил индейца подняться на борт и приказал взять на корабль его каноэ. Радушно встретив этого индейца, адмирал дал ему стеклянные четки, погремушки и бронзовые кольца и, пройдя 16 миль, доставил индейца в его селение, расположенное близ самого моря.

Здесь адмирал нашел у селения, под песчаным берегом, место, удобное для якорной стоянки. Само селение казалось недавно основанным, потому что все дома в нем были новые. Индеец тотчас же отправился на своем каноэ к берегу и сообщил, что испанцы хорошие люди; впрочем, как кажется, местные жители уже получили сведения о пришельцах из других мест, где побывали шесть христиан. Вскоре на берег вы шло более пятисот человек, а спустя короткое время по явился и их король. Толпа собралась на песчаном пляже, поблизости от кораблей, которые стали на якорь почти у берега. Затем мало-помалу они стали перебираться на корабли, но с собой не приносили решительно ничего, если не считать воткнутых в нос и в уши зерен чистейшего золота, причем золото это они отдавали морякам очень охотно.

Адмирал приказал принимать всех с почетом, «потому что, — как он говорит, — это самые наилучшие и самые смирные люди на свете, и я, премного надеясь на нашего господа, полагаю, что ваши высочества сделают их всех христианами и своими верноподданными, каковыми я их и ныне считаю».

Адмирал заметил, что король этих индейцев остался на берегу, где все оказывали ему знаки уважения. Адмирал послал ему подарок, и тот принял его с большим достоинством. Король этот — юноша приблизительно 21 года, и при нем находились его советники и старый наставник. Они давали ему советы и отвечали на обращенные к королю вопросы, сам же король говорил очень мало. Один из индейцев, бывших с адмиралом, заговорил с королем и сказал ему, что пришельцы **[149]** явились с неба и что ищут они золота и намерены идти на остров Банеке. И на это король ответил, что все, что он слышал, ему нравится и что на острове Банеке действительно есть много золота и указал альгвасилу адмирала, вручившему ему подарок, дорогу, которой следует придерживаться. Он добавил, что отсюда до Банеке лишь два дня пути, и заявил, что если пришельцы нуждаются в чем-нибудь, что имеется на его земле, он охотно даст им все необходимое.

И король и все прочие были нагие, в чем мать родила. Женщины без всякого стыда тоже ходили обнаженные. Были они самыми красивыми людьми — как мужчины, так и женщины — из всех, что до сих пор встречались адмиралу в этих местах. Кожа у них была довольно белая, так что, если бы их одеть и предохранить от воздействия солнца и воздуха, они мало бы чем отличались от испанцев. Страна эта довольно прохладная и настолько хорошая, что не хватает слов для ее описания. Хоть она и гористая, но нет такой вершины, на которой нельзя было бы пахать с помощью быков и, кроме того, много тут есть террас и долин.

Во всей Кастилии не найдется такого уголка, который по красоте и приветливости мог бы сравниться с этой страной. И вся Эспаньола так же, как и остров Тортуга, сплошь воз делана, как долина Кордовы.

Здесь сеют «ахе» — растеньице с корневищами, как у моркови. «Ахе» приготовляют, как хлеб: размалывают корни, а затем замешивают муку и выпекают ее. После сбора урожая веточки этого растения сажаются снова в другом месте, и оно дает четыре или пять корневищ, вкусом напоминающих каш таны. Адмирал говорит, что более крупных и вкусных корневищ он не встречал еще нигде, и добавляет, что это растение имеется также в Гвинее. Местные же корневища «ахе» достигали толщины человеческой ноги.

Эти люди на вид крепки и мужественны и не столь роб кие, как другие индейцы. Они весьма учтивы и ни к какой секте не принадлежат.

И деревья здесь, как он отмечает, настолько полны сил, что

даже листва их теряет зеленую окраску и становится черноватой.

Диву даешься при виде этих долин, рек, ключей, земель, пригодных для всего — для выращивания хлебов, разведения скота всевозможных пород (скота же в этих местах нет совершенно), для садов и огородов, для всего, что только может человеческая душа пожелать.

Затем, после полудня, король пришел на корабль. Адмирал оказал ему должные почести и велел объяснить, что он послан сюда королями Кастилии, самыми великими государями мира. Но ни индейцы, которые переводили слова адмирала, ни сам король ничего не поняли из этой речи. Они **[150]** думали, что пришельцы явились с неба и там на небе, а не на земле, находятся царства королей Кастилии. Королю предложили отведать кастильские кушанья. Он съел очень немного, остальное же дал своим советникам, наставнику и людям, что с ним пришли на корабль.

«Да поверят ваши высочества, что так изобильны, красивы и плодородны эти земли и особенно остров Эспаньола, что не найдется человека, который сумел бы рассказать об этом, и лишь тот поверил бы сказанному, кто воочию увидел бы здешнюю страну. И да поверят ваши высочества, что этот остров, так же как и все прочие, принадлежит вам и вы владеете им ныне, как Кастилией.

Тут следует лишь утвердиться и приказывать индейцам делать все то, чего ваши высочества желают. Потому что, как ни мало у меня людей, но я обошел все острова, и никто не оказал мне сопротивления; и достаточно было трем морякам высадиться на берег и встретиться с огромным скопищем индейцев, как все они обратились в бегство, не желая причинить моим людям зла. Нет у них оружия, и они наги и неизобретательны в военных делах и так трусливы, что тысяча индейцев не отваживается лицом к лицу встретиться с тремя испанцами. И они годны на то, чтобы над ними повелевать и принуждать их работать, сеять и делать все, что будет необходимо. И пусть они построят себе города, научатся ходить одетыми и усвоят наши обычаи».

Понедельник, 17 декабря. Всю ночь дул сильный востоко-северо-восточный ветер. На море, однако, не было значительного волнения, потому что с севера эти воды защищает и ограждает остров Тортуга и пролив между ними и Эспаньолой превращается в убежище.

Адмирал пробыл весь день на том же месте. Он приказал раскинуть сети для рыбной ловли.

Индейцы были очень довольны пребыванием испанцев и принесли в дар стрелы, которые употребляют обитатели

Канибато, или каннибалы. Стрелы эти — очень длинные тростинки с заостренными и обожженными колышками на конце. Они при вели двух человек, у которых вырваны были из тела куски мяса, и дали понять, что это сделали каннибалы. Адмирал этому не поверил.

Он послал в селение своих людей, и они на стеклянные четки выменяли там тонкие листочки золота. Видели они у одного индейца, — его адмирал счел правителем этой провинции, а другие индейцы называли его «касиком»[35], — лист золота величиной с руку. Золото он пожелал променять, но сперва ушел в свой дом, оставив всех окружавших его людей на площадке перед этим домом. Там он раздробил бывший у него кусок на мелкие осколки, а затем вышел с ними и принялся их обменивать. Когда же все запасы у него истощались, он знаками **[151]** объяснил, что пошлет за еще большим количеством золота и что завтра ему принесут то, что он потребует.

Все эти приемы поведения, обычаи, их покорность и сплоченность показывали, что люди здесь более ловкие и смышленые, чем в других ранее открытых землях.

Адмирал говорит: «После полудня пришло сюда с острова Тортуга каноэ, и на нем было по крайней мере сорок человек. И когда каноэ приблизилось к берегу, все жители селения, собравшиеся в одном месте, подали знак мира. Почти все прибывшие в каноэ вышли на берег. К ним подошел один только касик и обратился к ним с речью, которая казалась угрожающей, и заставил всех, кто высадился, вернуться в каноэ. Затем он стал плескать в них водой и бросать в море камни, и, когда индейцы с острова Тортуга покорно сели в каноэ и отплыли прочь, касик взял камень, вложил его в руку моему альгвасилу и попросил его кинуть этот камень вслед уходящему каноэ (я послал альгвасила, а с ним эскривано и других людей перед тем на берег, желая удостовериться, принесли ли нам индейцы что-нибудь, из чего можно было бы извлечь пользу). Альгвасил не пожелал бросить камня».

Так касик хотел показать свое расположение к адмиралу. Каноэ тотчас же ушло, а затем индейцы рассказывали адмиралу, что на острове Тортуга больше золота, чем на Эспаньоле, потому что он ближе расположен к Банеке. Адмирал предположил, что ни на Эспаньоле, ни на Тортуге нет золотых рудников и что золото доставляется сюда, вероятно, с острова Банеке и притом в малых количествах. У местных жителей его так не много, что они не в состоянии даже дать его испанцам.

Земля же здесь весьма тучная, и индейцам нет необходимости много работать, чтобы прокормиться и одеться,

так как ходят они нагие.

И адмирал полагает, что он находится вблизи самого источника [золота] и что небесный владыка укажет ему, где это золото родится.

Он узнал, что до острова Банеке отсюда четыре дня пути, т. е. 30 или 40 лиг — расстояние, которое при доброй погоде можно пройти за один день.

Вторник, 18 декабря. Корабли простояли весь день на якоре, так как не было ветра. Но, кроме того, адмирал знал, что касик обещал принести золото; правда, нельзя было на деяться, что золота будет принесено много, потому что здесь не было рудников, но адмирал желал получше разузнать, откуда оно доставляется в эти места.

Сразу же, как только рассвело, адмирал приказал украсить корабль и каравеллу и поднять флаги по случаю праздника: 18 декабря был днем Св. Марии из О[36] и одновременно днем возвещения (Anunciacion). Дан был многократный залп из ломбард. **[152]** Адмирал говорит, что король острова Эспаньолы рано утром покинул свое обиталище, расположенное в пяти лигах от места стоянки кораблей, и в три часа дня прибыл в селение, где в это время находились люди с корабля, посланные адмиралом на берег, чтобы посмотреть, не принесли ли обещанного золота.

Они рассказали адмиралу, что с королем пришло более двухсот человек. Короля-юношу, о котором уже шла речь, несли на носилках четверо индейцев. Король со всеми своими людьми поднялся на корабль как раз в то время, когда адмирал обедал на носовой площадке.

Адмирал так пишет об этой встрече, обращаясь к королям [Испании]: «Несомненно вашим высочествам было бы приятно видеть, с каким достоинством держал себя король и с каким уважением относились к нему окружающие, хотя все они были голые.

Поднявшись на корабль, он увидел, что я обедаю на носовой площадке, и, направившись ко мне полной величия поступью, сел рядом со мной, не позволив мне не только выйти ему навстречу, но даже встать с места, и требуя, чтобы я продолжал свою трапезу. Я полагал, что он с удовольствием отведает наши кастильские кушанья и велел принести ему угощение. Войдя под навес мостика, он знаком приказал всем сопровождающим его остаться на палубе, и они исполнили это повеление с поразительным послушанием, без малейшего промедления. Все его люди, исключая двух престарелых индейцев, которых я счел советниками короля, уселись на палубе, поджав под себя ноги.

Когда королю и его советникам подносили угощение, они брали лишь самую малость, словно на пробу, а остальное передавали своим спутникам. Точно так же поступали они и с напитками, разрешая себе только слегка пригубить из чаш, а затем отсылали их своим людям. И все это делалось с поразительным достоинством, без единого лишнего слова. Насколько я могу судить, все, что говорил король, было хорошо обдумано и дельно. Оба советника ловили каждое слово короля и говорили от его имени с величайшим почтением к [своему повелителю].

После трапезы один из оруженосцев короля принес ему пояс, выделкой напоминавший наши кастильские, но изготовленный из иного материала, и этот пояс он передал мне, подарив при этом два куска золота, но очень тонких, из чего я заключил, что здесь индейцы добывают его в небольшом количестве, хоть они и живут в ближайшем соседстве с теми местами, где золото имеется и притом в изобилии.

Я. заметил, что королю очень понравилось покрывало на моем ложе, и подарил его своему гостю. Кроме того, я дал ему янтарные четки, которые носил на шее, красные башмаки и флакон с благовонной водой (almatraxa de agua de azahar), **[153]** и любо было смотреть, с каким удовлетворением он принял все эти подарки.

И он и его советники были крайне опечалены тем, что мы не понимаем друг друга. Все же я понял, что он заверил меня в том, что весь остров находится в моем распоряжении и по этому я могу получить здесь все, что только пожелаю.

Я послал за своими четками, к которым, как памятный знак, была прикреплена золотая монета с выбитыми на ней изображениями ваших высочеств и, показав ее королю, повторил ему снова то, что я говорил вчера о силе и могуществе ваших высочеств, повелевающих и управляющих лучшими странами мира. Я сказал ему, что нет на всем свете более великих государей, чем вы, а затем повел его к королевским знаменам и стягам со знаками креста. Все это произвело на него сильное впечатление, и он сказал своим советникам, что, должно быть, и впрямь ваши высочества великие государи, если решились, не ведая страха, отправить меня из небесной дали в эти места. Говорил он и многое другое, но я не мог его понять, только ясно видел, что все окружающее кажется королю величайшим чудом».

Когда с наступлением вечера король пожелал отправиться на берег, адмирал, оказывая ему знаки величайшего внимания, велел подать королю лодку и дать залп из ломбард. На берегу король сел в носилки и удалился со всеми своими людьми. Один почтенный индеец нес на плечах королевского сына.

Индейцы всем морякам, где бы они ни встречали их, немедленно предлагали всевозможные угощения и относились к ним с величайшим почтением. Моряк, который встретил по дороге короля и сопровождавших его людей, рассказал адмиралу, что все подарки, полученные королем, нес перед ним один индеец, вероятно, из наиболее уважаемых. За королем, на некотором расстоянии, следовал его сын, и сопровождало его столько же людей, сколько было в свите отца. Затем, чуть позади, шел брат короля, окруженный близкими людьми, но, в отличие от короля, он был пеший и его поддерживали под руки два почтенных индейца.

Брат короля приходил на корабль и получил в обмен на принесенное им разные вещи, которые адмирал распорядился дать ему. Адмирал узнал, что короля индейцы на своем языке называют касиком. Золота в этот день было приобретено не много. Но один старик сказал адмиралу, что в ста или более лигах отсюда лежат острова, на которых великое множество золота.

Один остров даже сплошь золотой, а на других золота такое количество, что его собирают и просеивают через сито (чтобы отделить песок), а затем плавят и выделывают из него слитки и разные другие вещицы, формы которых он пытался изобразить жестами. Этот старик показал адмиралу путь **[154]** к островам, где есть золото, и объяснил, в каком месте они находятся.

Адмирал решил идти к этим островам. Он говорил, что, если бы старик не был важной и приближенной к королю особой, он бы его задержал и взял с собой. А если бы адмирал знал местный язык, он попросил бы старика провести к этим остро вам корабли. На это, как полагает адмирал, старый индеец охотно бы согласился, так как он тогда был бы уверен, что христиане не причинят ему зла.

Но адмирал уже имел индейцев, предназначенных в дар королям Кастилии, да и к тому же не было смысла обижать местных жителей. Поэтому он отказался от своего намерения.

Адмирал водрузил величественный крест посреди главной площади селения, причем в этом ему помогало множество индейцев. Затем совершено было у креста благодарственное молебствие. Адмирал, оценивая все добрые предзнаменования и надеясь на бога, выражает уверенность в том, что все эти острова должны стать христианскими.

Среда, 19 декабря. Ночью адмирал отправился в путь, чтобы выйти из пролива, разделяющего острова Эспаньолу и Тортугу.

С наступлением дня подул противный восточный ветер, и поэтому не было возможности выбраться из пролива и дойти до

показавшейся у его выхода бухты.

Видны были четыре мыса, большой залив и река, а за ней, на большом мысе — селение. За селением, среди поросших лесом (и казалось, что лес этот был сосновый) высочайших гор, открывалась долина. Над скалой «Двух Братьев» (Dos Hermanos) возвышалась высокая и мощная горная цепь, которая шла с северо-востока к юго-западу. К востоко-юго-востоку от мыса Башен (Cabo de Torres) лежал маленький остров, которому адмирал присвоил имя Св. Фомы (Sancto Tomas), так как 19 декабря был днем этого святого.

Насколько можно было о том судить на большом расстоянии, на всем побережье островка имелись отличные гавани и очень красивые мысы. Перед островком, к юго-западу от него, виднелся далеко вдающийся в море мыс с горами неравной высоты. Адмирал назвал его мыс Высот и Низин (Cabo Alto y Bахо). От мыса Башен на восток, четверть к юго-востоку, расположена была на расстоянии 60 миль гора, а перед ней лежала более низкая и вдающаяся в море возвышенность. Она либо соединялась с землей узкой перемычкой, либо являлась островом. Адмирал назвал ее «горой «Карибата», потому что вся эта провинция носила наименование Карибата. Эта гора очень красива и сплошь поросла зеленым лесом, и не было на ее вершине ни снегов, ни туманов.

Воздух в этот день был совсем, как в мартовское время **[155]** в Кастилии, а деревья и травы были такими, как в мае. Продолжительность ночи была четырнадцать часов.

Четверг, 20 декабря. На восходе адмирал вошел в бухту между островом Св. Фомы и мысом Карибата и бросил здесь якорь. Бухта эта восхитительна, и в ней могут поместиться все корабли христианского мира. Сперва кажется, что вход в нее невозможен, так как от берега Эспаньолы почти до самого острова Св. Фомы протягивается цепь скал, рассеянных в со вершенном беспорядке, — одна здесь, другая там, одна у берега, другая в открытом море. Но между ними есть глубокие и широкие проходы, так что входить в бухту можно безбоязненно, но, разумеется, с осторожностью. В проходах глубина — 7 локтей, а в самой бухте, пройдя гряды подводных камней, — 12 локтей. На любом канате корабль может здесь спокойно оставаться на якоре, независимо от силы и направления ветров. При входе в бухту имеется узкий канал, ведущий к песчаному, сплошь заросшему лесом острову. У берегов этого островка глубина моря 7 локтей. Везде в этих местах множество мелей, и поэтому, вступая в бухту, надо смотреть в оба; зато уж потом кораблям не страшны никакие бури на свете.

Из бухты открывается вид на огромнейшую и сплошь воз деланную долину. Долина подходит к берегам бухты с юго-востока. Она сжата высочайшими и чудеснейшими горами, поросшими зелеными лесами. Так высоки эти горы, что кажется, будто достигают они неба, и, несомненно, они выше самых больших гор острова Тенерифа в Канарии, а тенерифские горы считаются самыми высокими из всех, какие существуют на земле.

У острова Св. Фомы расположены два более мелких островка на расстоянии лиги друг от друга, и на их берегах есть прекрасные гавани, но входить в эти гавани надо осторожно из-за мелей. Адмирал видел также селения и сигнальные дымки над ними.

Пятница, 21 декабря. Сегодня адмирал отправился осматривать бухту. И он нашел ее такой прекрасной, что утверждал, будто ни одна из бухт, когда бы то ни было посещенных им, не может с ней сравниться. Он винит себя за то, что так восхвалял другие бухты, потому что ныне не знает, какими словами описать эту, и боится, что его обвинят в склонности к чрезмерным преувеличениям, тогда как все, что он говорит, чистая правда.

И он пишет так: «Я хожу по морю 23 года и не покидал его никогда на срок, достойный упоминания, и видел весь восток и весь запад»[37], и он говорит, что ходил на север, т. е. к Англии, и «ходил я на юг в Гвинею, но нигде в этих странах не было такого совершенства гаваней... (Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*) найденных всегда это... (Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*) лучше другого, что я с большой щепетильностью оценивал мною написанное. **[156]**

И снова повторяю и утверждаю, что все это описано верно и что эта бухта превосходит все прочие и в ней поместились бы все существующие на свете корабли. И так защищена эта бухта, что корабли могут здесь держаться на якоре даже на старом канате».

От входа в бухту до ее внутренней части — 5 лиг. Адмирал видел много возделанных земель, и возможно, что весь остров распахан и засеян. Он послал двух человек на берег и велел им взобраться на холм и посмотреть, нет ли селений поблизости. У самого моря никаких признаков жилья не было видно, а между тем вчера вечером, часов около десяти, к кораблю подошли на каноэ несколько индейцев подивиться на адмирала и христиан. Адмирал дал им в обмен на разные вещи безделушки, и они были этим несказанно обрадованы.

Люди, посланные на берег, вернулись и сказали, что с холма сии видели, чуть в стороне от моря, большое селение.

Адмирал велел грести в том направлении, где было это

селение. Не доходя до берега, он увидел, что к морю спускаются индейцы и, казалось, они объяты страхом. Поэтому он приказал гребцам задержаться на месте, а своим индейцам велел вступить в переговоры с местными жителями, передав им, что не причинит никому зла. Тогда они подошли к берегу, и одновременно приблизился к суше адмирал.

И после того как рассеялся у них страх, столько их прибыло, что они заняли весь берег, оглашая воздух приветствиями. И так поступали и мужчины, и женщины, и дети. Они сбежались с разных сторон, и одни приносили хлеб, приготовляемый из «ньямов», очень вкусный и белый (они называют этот хлеб «ахе»), другие — воду в тыквенных флягах и в глиняных кувшинах, по форме очень похожих на кастильские. Они принесли все, что сами имели и что, как им казалось, мог пожелать адмирал, и угощали они моряков от всего сердца с таким удовольствием и радушием, что казалось все это дивом.

«И никак нельзя сказать, — пишет адмирал, — что щедры они были потому, что давали нам малоценное: так же они поступали и так же были щедры, когда дарили нам куски золота и притом дарили так, как будто то было не золото, а фляга воды. Ведь легко узнать, говорит адмирал, когда какая-нибудь вещь дается от всего сердца». И далее он добавляет: «ни палиц, ни дротиков, ни иного оружия эти люди не имели, точно так же, как не было оружия и у других индейцев этого острова, который, как я полагаю, огромен.

Они нагие, в чем мать родила — и мужчины и женщины. На других островах и на Хуане женщины прикрывают стыд **[157]** лоскутом хлопчатой ткани, подобным клапану на мужских панталонах. Особенно это относится к женщинам старше 12 лет. Но здесь нагими ходят и старые и молодые. Во всех других местах мужчины из ревности к христианам прячут женщин. Но здесь нет. И есть тут много женщин красивых телом, и они первые являлись к нам, чтобы возблагодарить небо [за наш приход] и чтобы предложить нам все, что у них имелось, и в первую очередь пищу: хлеб из «ахе», орехи, плоды пяти или шести видов».

Эти плоды адмирал велел замариновать и в таком виде доставить их королям.

Не меньше приносили женщины плодов и в других местах, если только не прятали их [женщин] мужчины.

Адмирал распорядился, чтобы везде и повсюду все его люди твердо помнили его приказ не посягать на какую бы то ни было вещь, принадлежащую любому индейцу, и ничего не брать у индейцев против их воли; и оплачивали [христиане] все, что у них получали.

В заключение адмирал говорит, что нельзя даже поверить, что человек может встретить людей с таким добрым сердцем, таких щедрых на дары и таких боязливых. Они готовы разорваться на части лишь бы дать христианам все, чем только они владеют, и как только появляются христиане, немедленно индейцы бегут к ним и приносят им все, чем владеют.

Адмирал отправил шесть человек осмотреть селение; этим людям оказаны были все почести, какие были им известны и какие они только могли оказать, и им дано было все, что только индейцы имели, ибо и тени сомнения не было у местных жителей в том, что адмирал и все его люди явились с неба. То же самое думали и индейцы, которых адмирал взял на других островах, хоть им уже говорилось, что должно полагать на этот счет.

После того как шесть человек, посланных адмиралом, отправились на берег, к кораблю подошли каноэ с индейцами, которые от имени одного местного вождя стали просить адмирала, чтобы он, после того как выйдет из бухты, посетил селение, где проживал этот вождь.

Адмирал, видя, что селение это лежит на пути, которым он собирался следовать, и что множество людей ждут его решения, отправился туда, но прежде чем он отошел от берега, на пляж сбежались несметные толпы индейцев. Пришли мужчины, женщины и дети, и все они кричали, чтобы адмирал не покидал их и остался здесь. Посланцы же вождя сторожили на своих каноэ адмирала, опасаясь, как бы он не ушел, не повидав их господина.

Адмирал тронулся в путь, и когда он подходил к месту, где ожидал его вождь, последний призвал всех своих людей и приказал, чтобы к лодке, в которой находился адмирал, при **[158]** несли всевозможные угощения. И заметив, что адмирал принял то, что ему было принесено, все, или большая часть индейцев, до той поры толпившихся на берегу, бросились в ближнее селение, чтобы принести еду, попугаев и все другое, что у них только было, и делали они это так радушно, что казалось все это чудом. Адмирал роздал индейцам стеклянные четки, погремушки и бронзовые кольца и не потому, что они его об этом просили, а поскольку он считал такой поступок разумным, полагая их в большей степени христианами, под данными королей Кастилии, чем самих кастильцев.

И добавляет он, — единственно, что ему не хватает, это знать их язык, чтобы повелевать ими, ибо он уверен — все, что бы он им ни приказал сделать, они выполнили бы без малейших возражений.

Адмирал вскоре направился к кораблям, а индейцы — как мужчины, так и женщины и дети — кричали, чтобы христиане не

уезжали и остались с ними.

Уже после того как адмирал отправился в путь, за ним вслед пустились каноэ, перегруженные людьми. Всех индейцев, поднявшихся на борт, адмирал принял с честью, угостил и одарил различными вещами. Еще раньше прибыл на корабль другой вождь *с* западной стороны и, кроме того, на корабль взобралось множество индейцев, бросившихся вплавь догонять его, хотя корабль находился на расстоянии половины большой лиги от берега.

Сеньору, от которого я возвратился, я отправил несколько человек, дабы они повидались с ним и расспросили его об этих островах. Вождь отнесся к ним очень хорошо и повел их в свое селение, чтобы дать несколько кусков золота. По пути встретилась большая река, через которую индейцы переправились вплавь. Христиане не могли ее переплыть и поэтому вернулись.

Во всей этой округе огромнейшие горы, и кажется, будто достигают они неба, и с ними ни по высоте, ни по красоте не могут сравняться горы острова Тенерифа. Все горы зеленые, на склонах их много чудесных лесов, а между гор располагаются прелестные долины. У самой этой бухты, к югу от нее, есть такая большая долина, что не видно, где она кон чается, и ее нигде не пересекают горы и кажется, что длиной она не менее 15—20 лиг. В этой долине протекает река. Вся долина заселена и возделана и так зелена ныне, как поля Кастилии в мае или июне; и это несмотря на то, что ночи длятся по 14 часов, и земля эта находится так далеко на севере.

Бухта же защищена от всех ветров, которые только могут дуть в этих краях. Она замкнута [цепью скал] и глубока, и берега ее заселены добрыми и смирными людьми, у которых нет никакого — ни хорошего, ни плохого оружия. А корабли **[159]** могут спокойно стоять в бухте, не опасаясь, что в эти воды ночью ворвутся другие суда, чтобы ограбить их, потому что хотя ширина бухты у входа две лиги, но для прохода кораблей остается лишь узкий, как будто сделанный человеческими руками, канал, пересекающий цепь скал и подводных камней.

Глубина бухты около песчаного лесистого островка, расположенного близ входа в нее, — 7 локтей. Вход в бухту лежит на западе, и корабль может идти здесь без опасений у самых скал. В северо-западной части бухты есть три острова, а в одной лиге от ее оконечности впадает в море большая река.

Бухта эта лучшая в мире. Адмирал дал ей имя «Гавань моря Св. Фомы» (Puerto de la mar de Sancto Tomas). Он называет ее «морем» из-за ее величины.

Суббота, 22 декабря. На рассвете адмирал вышел в море,

чтобы следовать своим путем, в поисках островов, на которых, по словам индейцев, есть много золота, тех островов, где золота больше, чем земли. Но погода не благоприятствовала плаванью, и он вынужден был возвратиться и стать на якорь. Адмирал распорядился закинуть сети и послал для этого лодку.

Сеньор этой земли, селение которого лежало близ бухты, послал к адмиралу своих людей в большом каноэ (). Он поручил своему приближенному пригласить адмирала в его землю и сообщить, что он даст гостю все, что имеет. Этот сеньор от правил адмиралу пояс, на котором вместо пряжки была фи гурка в виде маски с ушами, из кованого золота, с носом и языком. И так как они были люди с щедрым сердцем и очень охотно давали все, что у них просили, — ибо они думали, что просящий оказывает им великую милость, то, встретив лодку, где сидели моряки, они отдали этот пояс корабельному мальчику.

А затем уж посольство на своем каноэ прибыло к кораблю. Прежде чем удалось выяснить, чего желают послы, прошла значительная часть дня: индейцы, которых вез с собой адмирал, тоже не понимали этих людей, потому что местный язык отличался от их собственного в наименовании различных вещей. Наконец, объясняясь знаками, они поняли, что послы приглашают адмирала в свою землю. Адмирал решил отправиться туда в воскресенье, хоть он обычно не выходил из гаваней в этот день и не из суеверия, а потому, что был он человеком набожным. На этот раз он готов был выйти в море в воскресенье, в надежде, что народы на этом острове должны стать христианами, подданными королей Кастилии, судя по желаниям, которые они проявляют, и он считал индейцев своими людьми и знал, что они ему служат с любовью. Поэтому и к ним он готов был относиться любовно и оказывать им знаки внимания. **[160]**

Прежде чем выйти из бухты, адмирал отправил шесть человек в большое селение, расположенное на расстоянии трех лиг отсюда, по направлению на запад, потому что вчера явился к нему сеньор этого селения и сообщил, что у него есть несколько кусков золота. Когда христиане прибыли в селение, сеньор взял за руки секретаря адмирала и ввел его в свой дом, а сеньора сопровождали все жители селения, и было их немалое число.

Адмирал направил своего секретаря в индейское селение, желая, чтобы тот сдерживал других людей, посланных к сеньору, и не дозволял им учинять по отношению к индейцам неблаговидные поступки, — потому что индейцы были просто душны, а испанцы так жадны и ненасытны, что не удовлетворялись они, когда индейцы за наконечник агухеты, осколок стекла, черепок от разбитой чашки или иные никчемные

вещи, давали им все, что только они желали; но, даже и не давая ничего, испанцы стремились взять и захватить все. Адмирал всегда запрещал подобное[38].

Правда, если не считать золота, все прочее, что приносили индейцы, было не очень ценным. Но, понимая, как щедры сердцем индейцы, отдающие кусок золота за шесть стеклянных четок, он приказал, чтобы ничто не принималось у них без вручения какой-нибудь вещи для оплаты.

Итак, сеньор взял секретаря адмирала за руку и ввел его со всеми людьми своего селения, а селение это было велико, в свой дом, где им [гостям] выставили различные угощения, а индейцы принесли множество изделий из хлопка — ткани и пряжу в мотках. Вечером сеньор дал им трех очень жирных диких гусей и несколько кусочков золота. На обратном пути их сопровождало много индейцев. Они несли все, что приобрели гости в селении, и настойчиво предлагали, на собственных плечах доставить самих испанцев к берегу. И действительно, при переходах через реки и заболоченные места они переносили испанцев на руках. Адмирал распорядился дать сеньору разные вещи и тот, так же как и все его люди, остался чрезвычайно доволен, должно быть, предполагая, что ему посчастливилось видеть людей, явившихся с неба.

К кораблям в течение дня прибыло более 120 каноэ, и все они были переполнены людьми, и каждый что-нибудь привозил с собой: хлеб, рыбу, воду в глиняных кувшинчиках и семена различных растений, причем некоторые из них, вероятно, — отменные пряности. Индейцы бросали зернышко такого семени в чашку с водой и затем пили эту воду. Индейцы, которых везет с собой адмирал, утверждали, что пить такую воду — одно наслаждение. **[161]**

Воскресенье, 23 декабря. Из-за безветрия корабли не могли покинуть берега владений упомянутого сеньора, который прислал гонцов, приглашая к себе адмирала. Адмирал послал несколько лодок с моряками и своего секретаря, и они отплыли к берегу вместе с тремя посланцами-индейцами.

Вслед за этим адмирал отправил двух индейцев из числа тех, что он вез с собой, в прибрежные селения, расположенные близ того места, где стояли корабли. Они возвратились и привели с собой одного местного вождя и сообщили новости о том, что на острове Эспаньола есть много золота и что сюда приезжают за ним из других земель и что можно найти его здесь сколько угодно.

Другие индейцы, прибывшие на корабль позже, подтверждали это и знаками объясняли, как нужно собирать золото. Адмирал с

трудом понимал их речи, но ему было ясно, что в этой стороне имеется огромное количество золота и, если только удастся найти место, откуда оно извлекается, можно, будет добывать его с малыми издержками или, даже, как он воображал, без всяких затрат.

И снова он повторяет, что золота здесь должно быть много, потому что за три дня стоянки в этой бухте было приобретено немало добрых кусков золота. Трудно предполагать, что сюда привозят золото из другой земли. «Господь наш,— говорит адмирал, — который все держит в своих руках, да ниспошлет мне помощь и да воздаст мне за служение ему». Таковы слова адмирала.

Адмирал отмечает, что корабль посетило уже не менее тысячи индейцев и все они что-нибудь привозили с собой.

Прежде чем подойти на расстояние полувыстрела из ломбарды, они вставали во весь рост в своих каноэ, брали в руки то, что с ними было, и кричали: «возьмите, возьмите». Он думает также, что не менее пятисот индейцев добрались до корабля вплавь за неимением каноэ, хотя корабли стояли на якоре на расстоянии одной лиги от берега.

На корабле сегодня побывало, как полагает адмирал, пять сеньоров и сыновей сеньоров и каждый явился со всеми своими домочадцами, женами и детьми, чтобы посмотреть на христиан. Адмирал приказал всем раздать подарки, полагая, что дары эти окупятся сторицей.

«Владыка наш в своем милосердии пошлет мне удачу, и я найду золото или, точнее говоря, золотую копь, потому что сведущие люди подтверждают, что здесь таких рудников достаточное число». Таковы подлинные слова адмирала.

К ночи возвратились лодки, которые ушли утром. Моряки рассказывали, что до того места, куда они дошли — путь не малый. У горы Карибата они встретили флотилию каноэ, и в них сидело множество индейцев, которые направлялись к корабельной стоянке, чтобы посмотреть на адмирала и христиан. **[162]** И адмирал уверен, что, если бы мог он остаться на рождественские праздники в этой бухте, сюда явились бы к этому времени все обитатели Эспаньолы, чтобы поглядеть на пришельцев. А, по его мнению, остров Эспаньола больше Англии. Все эти люди проводили христиан до селения, к которому последние направлялись. Селение же это было и по величие и по расположению больше и лучше, чем все прочие, которые до сих пор были посещены и открыты. Оно находилось почти в трех лигах к юго-востоку от Святого мыса.

Многовесельные каноэ шли быстрее лодок, и поэтому

индейцы, дойдя до берега раньше моряков, известили касика о приближении гостей. До сих пор адмирал еще не мог толком понять, называют ли индейцы касиками своих королей или правителей. Своих же грандов они называли «нитайно». Не известно, однако, относится ли этот титул также к идальго, правителям и судьям[39]. В конце концов касик вышел на встречу морякам, и на чисто выметенной площади испанцев встретили все жители этого селения. Собралось же здесь более 2000 человек.

Этот король с почетом принял людей с кораблей, а жители селения наперебой угощали испанцев, и каждый индеец что-нибудь приносил им поесть или выпить. Затем король роз дал испанцам хлопчатые ткани, которые изготовляются здесь женщинами, и передал для вручения адмиралу попугаев и несколько кусков золота.

За любую вещичку местные жители давали морякам хлопчатые ткани и другие изделия своих рук, причем то, что они получали взамен, каждый из них почитал как реликвии.

Вечером, когда испанцы пожелали возвратиться на корабли, король стал умолять их остаться в селении до следующего утра.

Когда же моряки отправились в путь, к ним присоединилось множество индейцев, которые на своих спинах до самых лодок, оставшихся в устье реки, несли все то, что гости получили в дар от короля или других индейцев.

Понедельник, 24 декабря. До восхода солнца адмирал снялся с якоря и вышел в море при ветре, дующем с суши. Среди индейцев, которые вчера во множестве приходили на корабль, сообщая, что на этом острове есть золото, и называя места, где оно добывается, был один, как кажется, более смышленый и более пылкий, и говорил он о золоте с большим жаром, чем остальные. Адмирал приветливо отнесся к нему и попросил его отправиться в плавание и указать места, где находится золото. Этот индеец привел с собой товарища или сородича. Оба они, называя места, в которых добывают золото, говорили о Сипанго, именуя эту страну «Сибао». Там, по их утверждению, золота огромное количество, и у касика **[163]** той земли знамена из кованого золота; но страна Сибао лежит далеко к востоку.

Адмирал говорит, обращаясь к королям:

«Да поверят ваши высочества, что на всем свете нельзя сыскать лучших и более мирных людей; ваши высочества должны проникнуться большой радостью, ибо вскоре обитатели этих земель станут христианами и их наставят в добрых обычаях ваших королевств».

«В мире не может быть ни лучших людей, ни лучшей земли, и трудно описать, в каком количестве имеется здесь и то и другое.

Я постоянно употреблял превосходную степень, когда говорил о людях, живущих на земле Хуане, которая называется у них «Кубой». Но жители Эспаньолы отличаются от обитателей Кубы, как день от ночи. Думаю, что всякий кто увидал бы то, что пришлось повидать мне, рассказал бы обо всем не меньше, чем я уже говорил и говорю. Воистину чудесно все сущее в этой стороне и чудесны великие народы острова Эспаньолы (именем этим я ее назвал, индейцы же именуют этот остров Бохио) и совершенно исключительны их мягкие манеры и сладостная речь — совсем не такая, как у иных народов, которые говорят так, будто кому-то угрожают.

Все индейцы, и мужчины и женщины, рослые, и кожа у них не черная. Верно, что они раскрашивают тело — одни в черные, другие в иные цвета, большинство же предпочитает красный цвет (мне говорили, что они так поступают, чтобы предохранить себя от солнца, дабы не причинило оно им вреда). Их дома и селения очень красивы, и все состоят в чьем-нибудь владении — и правят ими сеньоры или судьи, и все на удивление покорны им.

Все эти сеньоры немногословны и обхождение имеют мягкое. Выражают они свою волю движением руки, и знаки эти все понимают превосходно». Таковы подлинные слова адмирала.

Всякий, кто пожелает войти в море Св. Фомы, должен сперва взять курс на низкий островок, расположенный в самой середине прохода в бухту, на расстоянии лиги от входа в нее и названный адмиралом Подруга (Amiga); не доходя до островка на дистанцию брошенного камня, необходимо повернуть на запад, оставив островок к востоку, и следовать только в этом, а ни в каком-либо ином направлении, потому что с запада к Подруге подходит цепь мелей и подводных камней. Вне этой цепи также имеются три мели. Цепь мелей не доходит до островка на выстрел из ломбарды, но проход между островком и мелями достаточно глубок — глубина его не менее 7 локтей, дно каменистое. Пройдя же вглубь бухты, каждый обнаружит огромную гавань, в которой могут поместиться все корабли мира, не становясь на якорь. Другая цепь мелей протягивается к островку с востока. Мели эти **[164]** очень велики и далеко заходят в море. Но, как кажется, среди них имеется проход — на расстоянии двух выстрелов из ломбарды от островка Подруга.

У самой горы Карибата, с западной стороны ее, имеется очень большая и удобная бухта.

[ГИБЕЛЬ «САНТА МАРИИ»]

Вторник, 25 декабря. Рождество. Вчера адмирал плыл при малом ветре от моря Св. Фомы к Святому мысу, от которого в исходе первой четверти ночи корабли находились на расстоянии одной лиги. Именно в это время, т. е. в одиннадцать часов, адмирал решил лечь спать, так как накануне он провел два дня и ночь без сна.

Так как ветра не было, рулевой отправился спать, поручив руль корабельному мальчику. Адмирал постоянно запрещал это делать, вне зависимости от того, была ли погода ветреная или безветренная. *Итак,* никому не разрешалось передавать управление [кораблем] корабельным мальчикам. Адмирал не опасался банок и мелей, потому что в воскресенье моряки, посланные на лодках к уже упомянутому королю (или сеньору), прошли к востоку от Святого мыса добрых три лиги и обозрели они с упомянутого мыса весь берег и все мели, что находятся на целых три лиги к востоку от Святого мыса, и видели, в каких местах можно пройти кораблям.

Пожелал наш господь, чтобы в полночь, когда море было спокойно, как вода в чаше, моряки, убедившись, что адмирал спит, сами отправились на покой, оставив руль на попечение мальчишки. Корабль же, увлекаемый течением, шел к камням, которые, кстати сказать, несмотря на ночное время, были видны и слышны (потому что о них с шумом разбивался прибой) на расстоянии целой лиги. Мальчик, который почувствовал, что с рулем что-то происходит и услыхал шум прибоя, поднял крик, на который вышел адмирал. Адмирал явился так скоро, что никто еще не успел понять, что корабль сел на мель. Затем вышел маэстре корабля, чья вахта была в это время, и адмирал приказал ему и другим морякам взять лодку, что хранилась на корме, захватить якорь и забросить его с кормы. Маэстре, а с ним и многие иные, вошли в лодку. Адмирал полагал, что они выполняют то, что им было приказано. Но эти люди только и думали о том, как бы сбежать на каравеллу [«Нинью»], которая лавировала на расстоянии полулиги от корабля. На каравелле не пожелали принять беглецов, поступив весьма достойно, и поэтому последние возвратились к кораблю. Но прежде чем они добрались до корабля, туда уже прибыла лодка с каравеллы.

Когда адмирал увидел, что посланные им люди сбежали, а вода [под кораблем] убывает, оставляя судно на мели, он, **[165]**

понимая, что иного средства не было, приказал срубить мачту и насколько возможно облегчить судно, дабы убедиться, можно ли стащить его с мели. Но под днищем корабля становилось все мельче и мельче, и от ударов о камни расселись доски между шпангоутами, и вода затопила трюм (Здесь текст поддается лишь приближенному переводу: Лас Касас указывает, что, переписывая эту запись дневника, он не всегда понимал некоторые обороты, употребляемые Колумбом. — *Прим. перев.*).

Адмирал направился на каравеллу чтобы подготовить переброску на «Нинью» людей, оставшихся на корабле. Но так как ветер подул с берега и неизвестно было, насколько далеко заходит в море мель, решено было, принимая во внимание, что большая часть ночи уже минула, оставить «Нинью» до утра лежать в дрейфе с тем, чтобы с наступлением дня она подо шла с внутренней стороны этой цепи подводных камней или отмели.

На берег на лодке посланы были альгвасил флотилии Диего де Арана и постельничий короля Перо Гутьерес известить короля, пригласившего к себе в субботу адмирала, о том, что случилось *с* кораблями в этой бухте.

Селение, в котором пребывал этот король, находилось на берегу, в 1,5 лигах от злосчастной мели. Когда король узнал, что произошло, он, по словам Гутьереса и Араны, заплакал и тут же послал всех жителей селения с каноэ (и было этих каноэ очень много и среди них весьма крупные) для разгрузки корабля, и за весьма короткое время все, что находилось на палубах, было разгружено.

Таковы были великое участие и рвение, проявленные этим королем. Он сам, его братья и родичи принимали участие как в разгрузке корабля, так и в охране того, что сносилось на берег, заботясь о наведении порядка и о сохранности корабельного имущества.

Время от времени король посылал к плачущему адмиралу своих родичей, и они, утешая его, заверяли, что король не причинит ему никаких огорчений, не обидит его и готов отдать ему все, что только имеет. Адмирал заверяет короля и королеву, что нигде в Кастилии имущество его не могло бы так хорошо охраняться, как здесь. Ничто, ни единая мелочь, ни одна агухета не пропали при разгрузке. Король велел перенести все вещи в свои собственные дома, хотя в селении пустовало много помещений, и там все было сложено и взято под охрану. Он выставил вооруженных людей, которые дежурили всю ночь напролет.

«Король и весь народ проливали слезы», — говорит адмирал. — «Настолько бескорыстны и любвеобильны эти люди, и так

сговорчивы они во всем, что заверяю ваши высочества, и твердо убежден в том сам, — в целом свете не найдется ни лучших людей, ни лучшей земли. Они любят своих ближних, как самих себя, и нет во всем мире языка более приятного и нежного, и когда они говорят, на устах у них всегда улыбка. **[166]**

Ходят они нагие, мужчины и женщины, в чем мать родила. Но да поверят ваши высочества, что есть у них добрые обычаи, а король держится с таким удивительным достоинством, и так величава его осанка, что любо поглядеть на все это. К тому же [индейцы] обладают хорошей памятью и все желают увидеть и узнать и обо всем расспрашивают, допытываясь, что собой представляет и для чего служит каждая вещь.

[ОСНОВАНИЕ ФОРТА НАВИДАДА]

Среда, 26 декабря. Сегодня, на восходе солнца, на «Нинью», где находился адмирал, пришел король этой земли и, едва сдерживая слезы, стал утешать адмирала, убеждая его не огорчаться. Он обещал дать испанцам все, что только у него имеется, и сказал, что уже выделил для моряков, находившихся на берегу, два очень больших дома и готов, если это окажется необходимым, предоставить еще больше домов и любое число каноэ для разгрузки корабля и разместить на своей земле столько испанцев, сколько пожелает оставить на ней адмирал. И при этом он сказал, что не примет от гостей ни крошки хлеба и ни какой-нибудь иной вещи. «Они люди преданные и не падкие на все чужое, — говорит адмирал, — и это в особенности относится к их достойному королю».

В то время, когда адмирал беседовал с королем, к «Нинье» подошло каноэ с индейцами из другого селения. Они привезли несколько кусков золота и попросили в обмен на золото дать им одну погремушку, — потому что ничто они так пламенно не желали иметь, как погремушки. Еще до того, как каноэ подошло к борту каравеллы, индейцы стали показывать морякам куски золота, громко крича — «чуке, чуке». Так называли они погремушки, и страсть к этим безделкам сводила их с ума. Все это видели местные жители, и когда отплыло чужое каноэ, они позвали адмирала и попросили его приберечь для них до завтра одну погремушку, обещая взамен ее доставить четыре куска золота, каждый величиной с руку. Эта весть очень обрадовала адмирала.

Спустя некоторое время с берега явился один моряк и рассказал, что в селении христиане на никчемные вещи выменивают на диво большие куски золота: за одну агухету индейцы дают золота на целых два кастельяно, и перед всем приобретенным за день безделицей кажется все, что они, приобрели за целый месяц.

Король очень обрадовался, когда увидел, как возликовал адмирал, и понял, что адмирал желает иметь много золота. **[167]**

Знаками король объяснил, что он знает поблизости отсюда где есть великое множество золота, и что от чистого сердца он готов дать столько золота, сколько адмирал только пожелает. Адмирал говорит, что король подтвердил свое обещание, а также

сообщил, что в Сипанго ,— или как называют эту страну индейцы, в Сибао, — золота столько, что там его ни во что не ценят. Король сказал, что он может привезти золото оттуда, хотя здесь, на острове Эспаньоле, называемом индейцами Бохио, и непосредственно в этой провинции Карибате золота имеется даже больше, чем в Сибао.

Король пообедал на каравелле с адмиралом, а затем отправился вместе с ним на берег, где принял его у себя с большим почетом и дал ужин, на котором подавались два или три сорта «ахе», крабы, дичь, индейский хлеб, который носит на звание «касаби» (См. комментарий 32. — *Прим. перев.*), и другие блюда.

После того как трапеза была окончена, король еще некоторое время оставался за столом. Ему принесли какую-то траву, и ею он старательно вытер руки. Адмирал предположил, что эта трава служит для смягчения кожи. Затем подали королю воду для омовения рук. Затем король повел адмирала в рощу близ селения, причем его сопровождала по крайней мере тысяча человек. Король уже носил рубашку и перчатки, подаренные адмиралом. Ни один подарок не доставил ему столько радости, как перчатки.

Его принадлежность к знатному роду проявлялась в том, как он держал себя за столом, и в его манерах, исполненных достоинства, скромности и благородной чистоты. После окончания трапезы король повел адмирала на берег. Адмирал приказал принести турецкий лук и стрелы и велел моряку, сведущему в стрельбе из лука, выстрелить в цель. Лук привел короля в изумление — ибо он ничего не знал об оружии — индейцы в этой местности не имеют и не употребляют оружия. Но король, говоря о людях из Канибы, или карибах (В «Дневнике» встречаются многочисленные разночтения в наименовании племени каннибалов (каннибалы, канибы, обитатели стран канибата, карибы). — *Прим. перев.*), уводящих в плен местных жителей, указывал, что карибы имеют луки и стрелы без железных наконечников, ибо в этих землях нет ни каких признаков стали, железа, металлов, исключая только золото и медь. Но, как отмечает адмирал, меди он видел мало[40]. Адмирал сказал королю, что государи Кастилии дали ему повеление разгромить карибов и держать их в узде.

Адмирал приказал выстрелить из ломбарды и эспингарды[41]. Король был чрезвычайно удивлен, видя, сколь сильно действие этого рода оружия и как далеко оно стреляет. А люди его при звуках выстрелов все, как один, пали на землю. **[168]**

Индейцы принесли фигурку в виде маски с большими

кусками золота в глазницах, в ушах и в других местах. Эту маску и другие драгоценные золотые вещи король преподнес адмиралу, возложив их ему на голову и повесив на шею. Много золотых вещей он роздал и другим испанцам, которые были с адмиралом.

Адмиралу доставило много радости и утешения все, что он видел, и умерились его горе и печаль, вызванные потерей корабля, и он решил, что бог посадил здесь на мель его корабль, желая, чтобы именно в этом месте было заложено христианское поселение.

«Столько всякого добра пришло в руки, — говорит он, — что воистину можно считать это кораблекрушение не бедствием, а крупной удачей. Ибо, если бы корабль не сел здесь на мель, я, несомненно, пошел бы вдоль берега дальше, не заходя в эту бухту (вход в нее затруднен цепями подводных камней и мелями), и не подумал бы оставить на этом берегу часть своих людей.

«А между тем нельзя пожелать лучшего места для сооружения крепости и для того, чтобы снабдить оставленных в ней людей необходимым продовольствием, боевыми припасами, материалами.

«И, по правде говоря, многие из моих людей просили и просят меня дать им разрешение остаться здесь.

«Ныне я уже приказал соорудить здесь башню и крепость и вырыть ров и не потому, что это необходимо для защиты от местных жителей, а поскольку, я уверен, что с моими людьми мне удастся подчинить весь этот остров. А я полагаю, что он по размерам превосходит Португалию и имеет, по крайней мере, вдвое больше жителей.

Но люди, живущие здесь — наги, безоружны и безмерно робки. Поэтому имеет смысл соорудить в этом месте башню, а ее должно возвести в краю, столь удаленном от владений ваших высочеств, чтобы индейцы познали изобретательность и ум подданных ваших высочеств и нашли бы применение своим силам, и с любовью и в страхе покорялись бы христианам.

«Оставляемые же здесь наши люди будут иметь лес для постройки крепости, годовой запас хлеба и вина, семена для посевов, лодку с корабля, конопатчика, плотника, пушкаря, бондаря и много иных мастеров, желающих потрудиться на службе ваших высочеств. Они доставят мне немалую радость, дознавшись, где есть в этом краю рудник, в котором добывается золото.

«Одним словом все, что случилось, случилось кстати и положило доброе начало [моему замыслу].

«Сел же на мель корабль так тихо, что почти ничего не чувствовалось и не было в это время ни волны, ни ветра». **[169]**

Все это говорит адмирал и добавляет, желая показать, что корабль сел на мель в этих местах по предопределению божьему, что было это [т. е. катастрофа] большой удачей. И если бы не измена маэстре и его людей, бывших в большинстве своем земляками маэстре, — а измена эта проявилась в том, что они не хотели завезти якорь с кормы, чтобы стащить с мели корабль, как то им приказывал адмирал, — корабль был бы спасен и нельзя было бы тогда ознакомиться с этой землей так хорошо, как удалось ее узнать за дни [вынужденного] пребывания в ней и как доведется ее узнать тем, кто останется здесь. Ведь адмирал всегда плыл с намерением открывать [новые страны] и нигде не задерживаться более, чем на один день, если только ветры позволяли ему идти дальше. Впрочем, это случалось не всегда, так как корабль, на котором он шел, был, по его словам, очень тяжелый и не приспособленный для дела открытий.

А корабль этот достался адмиралу по вине корабельщиков из Палоса, которые не исполнили своих обещаний королю и королеве, распорядившихся дать корабли, подходящие для подобного предприятия, и не сделали так, как им сделать надлежало.

Так говорит адмирал, отмечая, что из всего, что было на корабле, не потерялась ни одна агухета, ни одна доска, ни один гвоздь. Все находится в такой же сохранности, как в день отправления [из Кастилии], разве что только в корпусе корабля проделаны были отверстия, через которые вычерпывалась вода и разгружался трюм. Все же имущество находится на берегу под надежной охраной, как уже о том говорилось.

И он, полагаясь на бога, надеется, что, возвратившись сюда, сообразно своему намерению, из Кастилии, он найдет целую бочку золота. Золото же это приобретут оставленные здесь люди и, кроме того, эти люди откроют золотой рудник и отыщут пряности и в таком количестве, что не пройдет и трех лет, как корабли Кастилии предпримут и снарядят поход для завоевания гроба господнего.

«И когда, — пишет он, — я объявил вашим высочествам, что вся выручка от моего предприятия должна быть истрачена на завоевание Иерусалима, ваши высочества улыбнулись и оказали, что им нравится мое решение и что подобное желание имелось у них, независимо от моего замысла». Таковы слова адмирала.

Четверг, 27 декабря. На восходе солнца явился король этой земли и сообщил адмиралу, что им уже посланы люди за золотом и что он хочет, прежде чем адмирал покинет берег, собрать все золото. И король просил адмирала не отплывать раньше, чем будет доставлено золото.

Адмирал разделил трапезу с королем, его братом и одним из родичей короля — особой, весьма близкой к последнему. **[170]** Оба спутника короля говорили адмиралу, что они желают отправиться с ним в Кастилию.

В то время когда адмирал угощал гостей, явилось несколько индейцев, которые принесли новость. По их словам, каравелла «Пинта» стояла в устье одной из рек у оконечности острова. Касик тотчас же отправил в ту сторону каноэ, потому что он испытывал удивительную любовь к адмиралу.

Адмирал послал с этим каноэ одного из моряков (Лас Касас в «Истории Индий» пишет по этому поводу: «В нем [каноэ] адмирал послал одного моряка с дружеским письмом к Мартину Алонсо. В этом письме адмирал скрывал свое недовольство уходом [Пинсона] и огорчение, которое ему причинил этот уход, и убеждал Пинсона прийти в то место, где он [Колумб] находился...». — *Прим. перев.*). Адмирал в это время уже принимал меры к тому, чтобы как можно скорее отправиться в обратный путь в Кастилию.

Пятница, 28 декабря. Чтобы отдать распоряжения, необходимые для скорейшей постройки крепости и для устройства остающихся в ней людей, адмирал направился на берег. Ему показалось, что, когда он плыл в лодке к берегу, король увидел его, но тут же с большой поспешностью вошел в свой дом, явно пытаясь остаться незамеченным.

Он направил к адмиралу одного из своих братьев, и тот провел гостя в один из домов, предоставленных для моряков. Дом же этот был самый лучший и самый большой в селении. Там был сооружен помост из пальмовых ветвей, на который и усадили адмирала. Затем брат короля отправил своего оруженосца к королю с вестью о том, что адмирал уже находится в селении, и было это сделано так, чтобы создать впечатление, будто король еще ничего не знает о прибытии гостя. Адмирал решил, что все это притворство понадобилось, чтобы оказать ему еще более почетный прием.

Вскоре после того, как оруженосец удалился, прибыл король и повесил адмиралу на шею большую золотую пластинку, которую он нес в руках. Адмирал был с королем до вечера на берегу, обсуждая со своими людьми, что необходимо выполнить для постройки крепости.

Суббота, 29 декабря. На восходе солнца на каравеллу явился племянник короля, как говорит адмирал, — юноша смышленый и благонравный.

Так как адмирал спрашивал у всех, где в этой земле добывается золото, и научился немного понимать язык жестов, то

он не преминул задать такой же вопрос юному племяннику короля. Тот ответил, что к востоку от Эспаньолы, в четырех дневных переходах от нее есть острова Гуарионе и другие, которые носят названия: Марикорих, Майоник, Фума, Сибао и Короай, и на них золота в несметных количествах[42]. Адмирал записал названия этих островов; когда же об этой беседе узнал один из братьев короля, он, как показалось адмиралу, стал бранить юношу. **[171]**

Адмирал убедился, что король старался [показать], что он не знает мест, где родится и добывается золото, чтобы он [адмирал] не ушел в другие места, дабы вести там меновой торг и закупать все необходимое; адмирал говорит, что «золота здесь столько и так много есть мест, где оно встречается и при этом на самом большом острове Эспаньоле, что это кажется чудом». Поздно вечером король послал адмиралу большую золотую маску и просил дать ему кувшин и таз для омовения рук.

Воскресенье, 30 декабря. Адмирал отправился на берег обедать и высадился как раз в то время, когда к здешнему королю, который звался Гуаканагари, явились пять подвластных ему королей, увенчанные коронами и полные такого достоинства, что, по словам адмирала, испанским королям доставило бы удовольствие поглядеть, как ведут себя эти люди.

Гуаканагари встретил адмирала на берегу и, держа его за руку, проводил в дом, который адмирал уже посетил вчера и где ныне был помост из пальмовых ветвей и стулья (sillas). Когда адмирал сел, король снял со своей головы венец и возложил его на голову гостя. В ответ адмирал снял висевшее у него на шее ожерелье из крупных агатов и великолепные четки очень красивой расцветки и дал их Гуаканагари. Затем адмирал снял плащ с капюшоном — прекрасное одеяние из тонкого сукна и набросил его на плечи королю. И потом он послал на корабль человека за сапогами из цветной кожи и, когда эти сапоги принесли, заставил короля обуть их. И, наконец, надел ему на палец серебряное кольцо; такое кольцо король видел у одного моряка, и оно ему очень понравилось. Гуаканагари остался в восторге от подарков. Два короля, из числа прибывших к Гуаканагари, принесли адмиралу, каждый от себя, по большой золотой пластинке.

В то время, когда адмирал был на берегу, пришел к королю один индеец, который сообщил, что два дня тому назад он видел каравеллу «Пинту», к востоку от этой бухты. Когда адмирал вернулся на каравеллу, капитан Висенте Яньес [Пинсон] сказал ему, что на острове Амига, у входа в бухту Св. Фомы, в шести лигах отсюда, он видел ревень. Это растение Висенте Яньес узнал

по форме листьев и по корню. Корень ревеня на поминает большую грушу, стебель у основания имеет велико лепную желтую окраску. Ревень легко узнать по широко разветвленным отросткам стебля и плодам, напоминающим зеленые и сухие тутовые ягоды.

Понедельник, 31 декабря. Весь этот день адмирал провел в хлопотах, распоряжаясь заготовкой дров и воды, необходимых для обратного плавания в Испанию.

Он желал как можно скорее осведомить королей [о результатах этого путешествия], с тем, чтобы они отправили на поиски еще не открытых земель корабли, потому что [начатое им] **[172]** предприятие казалось ему, как он говорит, на диво грандиозным и прибыльным.

Адмирал здесь отмечает, что он не отправится в Испанию до тех пор, пока не будет осмотрена вся эта земля, которая продолжается на восток. Он намерен обойти ее всю, вдоль берега, чтобы лучше уяснить себе, где удобнее всего можно будет разгружать корабли, которые будут приходить из Кастилии со скотом и иными товарами. Но ему не кажется разумным при одном оставшемся корабле подвергать себя опасностям, которые могут возникнуть в ходе новых открытий.

И он сетует на то, что все несчастья и неудачи произошли вследствие ухода каравеллы «Пинты».

Вторник, 1 января 1493 г. В полночь адмирал отправил лодку на остров Амигу за ревенем. К вечеру моряки вернулись с корзинкой ревеня. Больше собрать они не могли, потому что не захватили с собой заступ. Этот ревень адмирал взял в качестве образца, предназначенного для королей. Король этой земли сообщил, что он отправил много каноэ за золотом. Возвратилось каноэ с моряком, посланным на поиски «Пинты». Моряк этот рассказывал, что «Пинту» ему найти не удалось. Он видел в двадцати лигах отсюда короля, у которого на го лове были две большие золотые пластинки. Этот король исчез сразу же, после того как к нему обратились сидевшие в каноэ индейцы. Моряк сообщил также, что видел много золота и у других индейцев.

Адмирал предположил, что король Гуаканагари запретил продавать золото христианам, желая, чтобы все оно проходило только через его руки, и что, по всей вероятности, Гуаканагари знал места, где золота было столько, что оно не имело там никакой цены. Адмирал указывает, что здесь много съедобных пряностей, более ценных, чем перец и корица. Он препоручил сбор пряностей людям, которые пожелали остаться здесь с тем, чтобы они собрали их, сколько окажется возможным.

Среда, 2 января. Утром адмирал отправился на берег, чтобы

проститься перед отплытием из этих мест с королем Гуаканагари, и подарил ему свою рубашку. Затем адмирал показал королю, с какой силой стреляют ломбарды и каково разрушительное действие их ядер. Для этого он велел стрелять из ломбарды по сидящему на мели кораблю. Так поступил адмирал потому, что одной из причин его визита к Гуаканагари была беседа о карибах, с которыми вели войну индейцы этой страны. Король увидел, как далеко стреляет ломбарда и во что превратился после этой стрельбы корпус корабля — мишени. Адмирал велел морякам разыграть примерную боевую схватку и заверил касика, что теперь ему уже нечего бояться карибов, даже если они снова нападут на его земли. Все это адмирал *сказал* Гуаканагари, желая, чтобы король дружески относился к оставляемым здесь христианам и проникся к ним страхом. **[173]**

Адмирал пригласил касика и сопровождающих его людей отобедать с ним в доме, где он расположился. Адмирал отрекомендовал королю Диего де Арану, Перо Гутьереса и Родриго Эсковеду, людей, которых он оставлял здесь в качестве своих заместителей, чтобы они хорошо управляли и умело распоряжались, достойно служа богу и их высочествам.

Касик проявил большую любовь к адмиралу и очень сожалел об его отъезде. Особенно опечален был Гуаканагари в момент, когда увидел, что адмирал отчаливает от берега.

Один из приближенных короля говорил адмиралу, будто Гуаканагари приказал отлить из чистого золота статую адмирала в полный его рост. Эту статую должны были доставить королю через десять дней.

Адмирал возвратился на корабль, намереваясь сразу же выйти в море. Но ветер оказался, непопутным.

На острове Эспаньола, что у индейцев называется Бохио, адмирал оставил в крепости 39 человек и среди них, по его словам, было много друзей короля Гуаканагари.

Он назначил своим заместителем Диего де Арану, уроженца Кордовы, и Перо Гутьереса, постельничего короля и приближенного великого кравчего (despensero mayor), и Родриго де Эсковеду, уроженца Севильи, племянника брата Родриго Переса[43], со всеми полномочиями, которыми он пользовался сам от имени королей.

Он передал им все товары, которые в свое время короли велели закупать для менового торга — и было этих товаров не мало, — и, кроме того, разрешил им менять на золото все, что осталось на корабле, выброшенном на мель.

Им даны были годовые запасы зерна и сухарей, вино, артиллерийское вооружение, лодка, чтобы они могли, будучи в

своем большинстве моряками, совершать в благоприятное для плавания по морю время рейды в поисках золотого рудника: адмирал желал по возвращении обнаружить на этой земле много золота и найти место, где можно было бы заложить поселение. Дело в том, что эта гавань не удовлетворяла его главным образом потому, что, по слухам, золото доставлялось сюда с востока, а следовательно, и город надо было построить восточнее, тем более, что в этом случае он оказался бы ближе к Испании (Любопытное противоречие в записях — 26 декабря отмечалось, что бухта Навидад идеальное место для сооружения крепости и что богу угодно было посадить «Санта Марию» на мель только для того, чтобы испанцы могли оценить выгоды злосчастной бухты. Неделю спустя в «Дневнике» отмечается, что бухта Навидад отнюдь не лучшее место для закладки города и крепости. А в записи от 6 января вновь отмечается, что для основания поселения нет места удобнее, чем Навидад. — *Прим. перев.*).

Адмирал также оставил им семена и назначил должностных лиц — альгвасила и нотариуса. Среди прочих людей, что остались на острове, были корабельный плотник, конопатчик, хороший пушкарь, знающий толк в фортификации, бондарь, портной, лекарь. Все остальные, говорит он, были моряками. **[174]**

Четверг, 3 января. Адмирал не отправился сегодня в путь, так как ночью, как он говорит, пришли трое индейцев из числа взятых на Гуанахани и сообщили, что наутро явятся посмотреть на испанцев много индейцев и приведут с собой своих жен. Море было неспокойно, и поэтому нельзя было послать лодку на берег. Адмирал решил отправиться с божьей помощью в путь завтра. Он говорит, что будь с ним каравелла «Пинта», без сомнения он привез бы в Кастилию целую бочку золота, потому что отважился бы продолжать путь, следуя вдоль берегов этих островов. Но имея один корабль, он не может решиться поступить таким образом во избежание помех, которые воспрепятствовали бы возвращению его в Кастилию. Между тем вернуться он должен обязательно, чтобы дать отчет королям о том, что было открыто.

Все подготовив настолько, что оставалось только отправиться в путь, адмирал созвал всех и обратился к тем, кто должен был остаться здесь, со следующей речью, содержащей указания, каковые давал он, будучи человеком разумным и христианином. Во-первых, — помнить о великих милостях, которые бог оказывал ему и всем другим до сей поры, и о ниспосланных богом благах; за это богу должно постоянно воздавать благодарность и надо вверяться его благостыне и милосердию, остерегаясь его обидеть,

и уповать во всем на него, вознося к нему молитвы о возвращении адмирала, каковое, с помощью господа, адмирал обещает елико возможно ускорить; с поддержкой же божьей, все остающиеся должны пре бывать здесь в великой радости. Во-вторых,— адмирал от имени их высочеств просит, поручает и повелевает, чтобы все подчинялись своему капитану, как ему адмиралу самому, ибо он, адмирал, верит в добрый нрав и преданность [этого капитана]. В-третьих, — чтобы все почитали и премного уважали сеньора и короля Гуаканагари и его касиков и старей шин, или «нитайно», и прочих сеньоров более низкого ранга, и избегали, как смерти, действий, обидных для этих особ, ибо все уже имели случай убедиться, чем обязаны [испанцы] Гуаканагари и прочим, да и сама необходимость вынуждает к тому, чтобы король и люди его оставались довольны теми, кто остается на их земле и под их властью; и прежде всего надо стараться мягким и достойным обращением завоевать доверие короля так, чтобы сохранялись у него чувства любви и приязни, дабы, возвратившись, адмирал нашел Гуаканагари еще более дружественно и благоприятно расположенным, чем ныне. В-четвертых, — адмирал приказывает и горячо просит остающихся, чтобы ни одному индейцу и ни одной индианке **[175]** не причинялись обиды и утеснения и чтобы ничто не бра лось у индейцев вопреки их желаниям. Особенно же следует остерегаться и избегать оскорблений и насилий по отношению женщинам, ибо от этого возникают поводы для распрей и подается дурной пример индейцам и позорится имя христиан, а индейцы твердо убеждены, что мы все посланцы небесных сил и пришельцы с неба и таковыми нас считают. В-пятых, — адмирал наказал остающимся не отделяться друг от друга, не ходить в одиночку и по двое, не углубляться внутрь страны, если только подобное не будет совершено всей группой, и так вести себя впредь до его возвращения. И паче того, не покидать земли и владений этого короля и сеньора, который так любит их и таким добрым и отзывчивым проявил себя. В-шестых, — адмирал призвал их воодушевиться, дабы претерпеть тяготы одиночества, каковы мало чем отличаются от изгнания, хотя остаться здесь люди согласились по своей воле; и быть мужественными, стойкими, готовыми взять на себя выполнение любого дела, и всегда иметь перед собой примеры лишений минувшего плавания и помнить, как утешил, в конце концов, их господь и как возрадовались они, сперва увидав землю, а затем и богатства: ибо с каждым днем открывалось все больше и больше золота. Великие результаты всегда достигаются трудом и никогда не даются даром. А когда таковые [результаты] уже достигнуты, тогда то,

что достигается с трудом, кажется особенно ценным и чем больше трудностей и чем дороже обходится достижение цели, тем большим бывает удовлетворение. В-седьмых, — адмирал поручил остающимся свершить следующее: когда выпадет благоприятное время, должны они будут попросить короля, чтобы тот отправил с ними на каноэ и на той лодке, что здесь остается, индейцев, каковые поведут их [испанцев] к востоку и там индейцы укажут, где родится золото. В тех местах надо будет всем сообща выбрать удобный участок для заложения поселения, ибо этой гаванью адмирал не удовлетворен; также следует набрать побольше золота, которое удастся обрести добром и честным торгом, дабы по возвращении адмирал нашел бы много собранного и добытого таким путем золота. В-восьмых, — и это последний пункт — адмирал заверил остающихся, и обещал испросить для них у королей надлежащие милости и пожалования, ибо воистину их служба и все то, что препоручил он им свершить, заслуживают вознаграждения.

Остающиеся же убедятся, как тороваты на милости католические короли, и будут они, с божьей помощью, утешены по возвращении сюда адмирала. И пусть заранее будут уверены, кто остается здесь, что отнюдь не безделицей считал адмирал их пребывание тут в качестве залога для своего воз вращения, и поэтому память о них не оставит его ни днем, ни **[176]** ночью; и напротив, забота о тех, кто остался на острове, будет действенной причиной, каковая побудит его ускорить сборы, необходимые для возвращения[44].

Остающиеся с готовностью изъявили желание исполнить все, что им было поручено и приказано, и они возложили на адмирала все надежды на поддержку и милости, каковые дол жен он был привезти им от королей, дабы впредь покойна и тиха была их жизнь. Умоляли они адмирала всегда помнить о них и в возможно короткий срок доставить им радость, каковую они все испытают при его возвращении.

Если бы адмирал знал наверняка, что каравелла «Пинта» благополучно вернется в Испанию с таким капитаном, как этот Мартин Алонсо Пинсбн, он не преминул бы свершить то, что входило в его намерения. Но он ничего не знал о Пинсоне и кроме того опасался, что Пинсон, возвратившись в Кастилию, может сообщить королям ложные вести, чтобы избегнуть заслуженной им кары. А такая кара должна быть уделом вся кого, кто причинял и причиняет столько зла, покидая флотилию без разрешения и сводя, таким образом, на нет выгоды, которые могли бы быть извлечены из этого плавания.

Так говорит адмирал, полагая, что бог даст ему добрый путь

и поможет во всем.

[ВСТРЕЧА С ПИНСОНОМ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭСПАНЬОЛЫ]

Пятница, 4 января. На восходе солнца адмирал приказал поднять якоря и при слабом ветре направился на северо-запад, чтобы выйти из полосы мелей через канал более широкий, чем тот, которым пользовались при входе в бухту. Этот канал, так же как и другие, очень удобен для входа в бухту, у берега которой стоит селение, основанное ныне и названное Навидад [рождество].

Наименьшая глубина в нем от трех до девяти локтей. Про ходы в бухту идут с северо-запада на юго-восток, следуя направлению больших банок, что протягиваются от Святого мыса до Змеиного мыса на расстоянии шести лиг и вдаются в море на добрых три лиги. У Святого мыса наибольшая глубина 8 локтей, и к востоку от него, со стороны берега, простирается пояс мелей, в котором есть, однако, проходы. Низкий песчаный берег идет с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Он совершенно плоский, и горы отступают в этих местах от моря на расстояние в четыре лиги. Горные цепи в глубине страны очень высоки. Весь край густо населен. Имеется много больших селений, и в них проживают хорошие люди, как то показал пример общения их с христианами.

Адмирал, выйдя из бухты, направился на восток в сторону большой горы, которая издали казалась островом. На самом **[177]** же деле она соединяется с сушей узким и низким перешейком. Эту гору, имеющую форму боевого шатра, адмирал назвал горой Христа (Monte Christo). Она расположена прямо на восток от Святого мыса, на расстоянии 18 лиг от него.

В этот день из-за слабого ветра не удалось дойти до горы Христа: к ночи до нее оставалось еще шесть лиг. Адмирал открыл четыре песчаных островка, связанных с большой отмелью, вытянутой с северо-запада на юго-восток.

За этой отмелью располагался большой залив, который врезывался в берег к юго-востоку от горы Христа и в этом направлении протягивался на добрых двадцать лиг. Этот залив должен быть очень мелким. В него впадает немало рек, но все они не судоходны, хотя моряк, который был послан на поиски «Пинты», и говорил, будто видел реку, в которую могут входить

корабли.

Корабль стал на якорь в шести лигах от горы Христа, в месте, где глубина моря была 19 локтей, и пробыл здесь всю ночь. Адмирал советует всем, кто направляется к селению Навидад, ознакомиться сперва с берегами у горы Христа и плыть от них на расстоянии более чем в две лиги. Он сам, однако, так не поступил, потому что все берега в этой стороне были ему известны.

Адмирал заключает, что страна Сипанго расположена на этом острове, и в ней есть много золота, пряностей, благовонной смолы и ревеня.

Суббота, 5 января. Перед тем как взошло солнце, адмирал отправился в путь при ветре, дующем с суши. Но затем подул восточный ветер, и он направился на востоко-юго-восток, а за тем на юго-юго-восток, чтобы дойти до бухты, которая показалась между горой Христа и одним островком, и там стать на якорь с наступлением ночи.

Он прошел шесть лиг, отделявших его от горы Христа, и везде глубина моря была не менее 17 локтей, а дно чистое, и проследовал еще на три лиги при таких же глубинах.

Затем глубина уменьшилась до 12 локтей и так было, пока он не дошел до впадающего в море выступа горы Христа. Дальше на протяжении лиги глубина была 9 локтей, дно чистое, усеянное тонким песком. У входа в бухту, между горой и островом, дно оказалось на глубине 3,5 локтей во время отлива. Адмирал вошел в бухту и стал в ней на якорь. Он отправился на лодке на островок и нашел там золу и человеческие следы — признак пребывания здесь рыболовов.

На побережье он видел множество разноцветных камней — тут были целые россыпи прекрасных на вид камней, превосходно обработанных самой природой, и адмирал говорит, что эти камни, подобно найденным на островке Сан-Сальвадор, пригодны для постройки церквей и для сооружения красивых зданий. **[178]**

Он нашел здесь, на этом островке, много мастичных деревьев. Гора Христа, по его словам, очень красива и высока, изящна по форме и окружена морем и низкой, приятной на вид равниной. Она так высока, что издали кажется островом. За этой горой, к востоку, на расстоянии в 24 мили от нее, адмирал видел мыс, который он назвал Телячьим (Cabo del Be zerro). От этого мыса к горе тянутся, по крайней мере на добрых две лиги, цепи мелей. Но адмиралу показалось, что среди отмелей были проходы, через которые можно было проникнуть к берегу. Необходимо только плыть в этих местах днем, вы слав лодку вперед для промеров глубин. От горы до Телячьего мыса — четыре лиги, берег везде

низкий и очень красивый, но вся прилегающая к берегу часть этой земли гориста, и склоны гор повсеместно возделаны и радуют взор своей прелестью.

В глубине страны с северо-востока на юго-запад идет горная цепь, красивейшая из всех, которые приходилось адмиралу видеть, и очень похожа она на кордовские горы.

Еще дальше видны на юге и юго-востоке высокие горы и широчайшие зеленые долины, в которых текут большие реки. Все это так умиротворяет взор и так прекрасно, что адмирал говорит, будто и в тысячной доле нельзя передать очарование этих мест. К востоку от горы Христа, за Телячьим мысом, видна земля, которая кажется горою. По величине и красоте эта гора не уступает горе Христа. На северо-востоке, четверть к востоку от этой горы, расположена не столь высокая земля, и до нее отсюда расстояние сто миль или около того.

Воскресенье, 6 января. Эта бухта защищена от всех ветров, кроме северного и северо-западного. Но ветры этих направлений дуют здесь редко, да к тому же от них можно укрыться за островком. Глубина бухты до четырех локтей.

На восходе солнца адмирал приказал поднять паруса, чтобы следовать дальше вдоль берега, который все время шел к востоку. Однако прямо на восток не всегда можно было держать курс, из-за многочисленных банок, мелей и подводных камней, часто встречающихся у побережья. Но за этими отмелями есть на берегу удобные бухты, куда ведут доступные для кораблей проходы.

После полудня подул сильный ветер. Адмирал приказал од ному моряку подняться на вершину мачты, чтобы высмотреть, где есть проходы среди мелей. Моряк этот увидел вдали каравеллу «Пинту», которая шла вдоль берега под ветром с кормы.

«Пинта» приблизилась к «Нинье», но ни тот, ни другой корабль не мог из-за мелей стать на якорь, и адмирал возвратился к горе Христа, на десять лиг к западу, а «Пинта» шла вместе с ним.

Мартин Алонсо Пинсон явился на «Нинью» к адмиралу, принес ему извинения и заявил, что он покинул флотилию против своей воли, и привел тому доказательства. Адмирал, однако, **[179]** говорит, что все эти доказательства были ложны и что из гордыни и жадности Пинсон ушел от него в ту ночь. И он добавляет, что не знает, откуда взялась у Пинсона эта гордыня и чем объяснить бесстыдство, которое он проявлял на протяжении всего путешествия. Адмирал скрыл, однако, свои чувства, не желая потакать сатане, который стремился помешать ему этом плавании и изрядно мешал до сих пор. От одного индейца, из числа переданных в свое время на «Пинту», Пинсон узнал, что на

острове, который называется Банеке, есть много золота. У Пинсона был легкий и ходкий корабль, и он решил поэтому отделиться от флотилии и идти дальше, ради своей собственной выгоды, бросив адмирала. Адмирал же желал задержаться [в открытых землях], плавая вдоль берегов Хуаны и Эспаньолы, так как то были дороги к востоку. Затем, говорит адмирал, Мартин Алонсо направился к Эспаньоле, потому что от индейцев он получил сведения, что на этом острове, который называется у них Бохио, есть много золота и имеются золотые рудники. Поэтому-то он подошел к берегу Эспаньолы и пробыл более двадцати дней в одной бухте, расположенной в 15 лигах от Навидада.

Таким образом, оказались верными сообщения индейцев, побудившие короля Гуаканагари отправить к «Пинте» каноэ, на котором адмирал послал своего человека. Но каноэ это яви лось к тому месту, где находилась «Пинта», когда последняя уже вышла в море. Адмирал говорил, что на «Пинте» накопи лось много золота, потому что за наконечник агухеты Пинсону давали куски золота, толщиной в два пальца, а порой и в руку. Пинсон брал себе половину всего приобретенного золота, а другую половину делил между своими людьми. Адмирал добавляет, обращаясь к королям: «Итак, государи-повелители, я сознаю, что чудесным образом повелел господь оставить здесь тот корабль [«Санта-Марию»], потому что место это наилучшее на всем острове для основания поселения и лежит поблизости от золотых рудников».

Также говорит он, что узнал, будто за островом Хуаной, к югу от него, есть другой большой остров и на нем золота гораздо больше, чем на Эспаньоле, и столько его, что там собирают куски золота крупнее куриного яйца. На Эспаньоле добывают в рудниках золото в зернах не более пшеничных.

Тот остров называют индейцы «Яамайе». Адмирал узнал также, что к востоку от Эспаньолы есть остров, на котором живут лишь одни женщины, и об этом говорили ему многие (См. комментарий к письму Сантанхелю и Санчесу. — *Прим. перев.*). А остров Эспаньола и другой остров — Яамайе — лежат близ материковой земли, на расстоянии от нее в десять дневных переходов на каноэ, или в 60—70 лигах, и на материковой земле люди ходят в одежде. **[180]**

Понедельник, 7 января. В этот день брали воду для каравеллы и конопатили ее; моряки, которые ходили на берег за дровами, нашли много мастичных деревьев и алоэ.

Вторник, 8 января. Дул сильный ветер с востока и юго-востока, и поэтому адмирал не вышел в море. Он приказал снабдить каравеллу дровами, водой и всем необходимым на весь [обратный] путь. Он имел намеренье проследовать вдоль всего

берега Эспаньолы, но не мог осуществить намеченного замысла, ибо люди, которых он назначил капитанами, — братья Мартин Алонсо и Висенте Яньес Пинсоны — и другие, следовавшие их примеру, невзирая на честь, оказанную им адмиралом, обуреваемые гордыней и жадностью, считали, что все должно принадлежать только им одним, и не подчинялись и не желали подчиняться распоряжениям адмирала и говорили о нем неподобающее и недостойное; а Мартин Алонсо бросил адмирала 21 ноября и был в отлучке до 6 января без оснований и без причин — только в силу своего непослушания. И все это адмирал должен был молча терпеть, чтобы довести до благополучного конца свое плавание. И он вынужден был скрывать свои чувства, потому что имел дело с людьми распущенными, и хотя, говорит он, были у него с собой надежные спутники, но не время было карать виновных. Вот почему адмирал решил возвратиться [в Кастилию] возможно скорее и не задерживаться в этих местах.

Адмирал отправился осматривать реку, которая впадала в море на расстоянии большой лиги к юго-юго-западу от горы Христа. Здесь моряки брали воду для пополнения корабельных запасов. Он обнаружил, что песок в устье реки (весьма большой и глубокой) содержит очень много золота, хотя и мелкого, и предположил, что золотые зерна дробятся по пути от верховьев к устью, и что выше по течению на небольшом расстоянии от моря можно будет найти куски золота величиною с чечевицу. Но мелкого золота было здесь огромное количество[45].

Так как был час прилива и в устье пресная вода смешивалась с соленой, адмирал приказал подняться вверх по реке на расстояние брошенного камня. Моряки наполнили там два бочонка, опуская их в воду с лодки, а когда вернулись на корабль, увидели, что на обручах сверкают мелкие золотинки. Поэтому адмирал назвал эту реку Золотой (Rio del Oro). В месте впадения в море устье ее пересечено мелью, но выше по течению река эта очень глубока и широка. От нее до селения Навидад 17 лиг. На этом пространстве в море впадает много больших рек; из них особенно приметны три реки, в которых, как полагает адмирал, золота еще больше, чем в Золотой реке, потому что они больше ее, и по ширине почти такие же, как Гвадалкивир в Кордове. От них до золотых рудников нет и двадцати лиг. Адмирал говорит еще, что он не **[181]** пожелал взять песок, в котором было столько золота, потому что их высочества уже имеют золото у порога своего поселения Навидад.

Единственно, чего он желает, так это скорейшего возвращения, чтобы доставить обо всем вести [королям] и избавиться от дурной компании, в которой он находится: ведь он

всегда говорил, что люди эти [Пинсоны] крайне распущенные.

Среда, 9 января. В полночь адмирал приказал поднять якоря и при юго-восточном ветре пошел на востоко-северо-восток. К вечеру он дошел до мыса, расположенного в шестидесяти милях к востоку от горы Христа.

За три часа до наступления ночи адмирал стал на якорь под прикрытием этого мыса, названного Красным (Punta Roxa). Он не отважился выйти в море ночью, так как везде вдоль берегов было множество банок и мелей, которые казались опасными до тех пор, пока с ними не ознакомились. Впоследствии же выяснилось, что места эти проходимы, потому что между отмелями были глубокие каналы и удобные якорные стоянки, защищенные от любых ветров.

Везде вдоль берега, от горы Христа до места, где адмирал бросил якорь, за полосой низких равнин возвышались очень красивые горы, и цепи их тянулись с востока на запад. Любо было поглядеть на эти горы, сплошь возделанные и утопающие в зелени. Со склонов их текли многочисленные ручьи. На берегу имеется множество черепах. Моряки поймали несколько черепах на горе Христа, куда эти черепахи приползли откладывать яйца. Они огромны, величиной с большой щит. Вчера, когда адмирал ходил к Золотой реке, он видел трех сирен (serenas), высунувшихся из воды; но они вовсе не были так красивы, как о них говорят, хотя морды их в самом деле чуть похожи на человеческие лица[46].

Адмирал говорит, что раньше он видел этих животных в Гвинее, на берегу Манегеты.

Он отмечает, что в следующую ночь с богом отправится в [обратный] путь, нигде не задерживаясь, потому что уже нашел он то, что искал, и еще потому, что не хочет больше терпеть обид от этого Мартина Алонсо, до тех пор, пока их высочества не узнают всего, что случилось и что было сделано в этом путешествии. «А затем, — говорит он, — я уж больше не потерплю оскорблений со стороны дурных и недобросовестных людей, которые осмелились проявить свой нрав с таким неуважением к человеку, оказавшему им большую честь».

Четверг, 10 января. Адмирал покинул место якорной стоянки и к восходу солнца дошел до реки, расположенной в трех лигах к юго-востоку и названной им рекой Благодати (Rio de Gracia). В устье близ восточного берега ее он стал на якорь. У входа в эту реку расположена песчаная мель и очень узкий проход, которым можно проследовать вверх по течению; глубина **[182]** его не более двух локтей. Но внутренняя часть устья — хорошая, замкнутая гавань, к сожалению, с частыми туманами. И здесь

стояла проклятая каравелла «Пинта», на которой шел Мартин Алонсо Пинсон, Адмирал говорит, что Пинсон пробыл здесь, торгуя с индейцами, 16 дней и приобрел много золота, а этого только Пинсон и желал. А затем, узнав от индейцев, что адмирал находится у берегов того же острова Эспаньолы, и понимая, что ему не миновать встречи с ним, Пинсон направился к адмиралу. Адмирал говорит также, что Пинсон хотел, чтобы люди на «Пинте» присягнули ему в том, что каравелла пробыла на этой реке шесть дней, а не шестнадцать. Но так была явна подлость Пинсона, что невозможно было ее скрыть. У Пинсона, по словам адмирала, было правило — половина всего приобретенного золота доставалась ему. Кроме того, уходя отсюда, он силой захватил четырех индейцев — двух мужчин и двух девушек. Адмирал велел одеть их и высадить на берег, желая, чтобы они возвратились к себе домой. «Подобный поступок, — пишет он, — направлен на благо ваших высочеств, потому что на этом острове все мужчины и женщины принадлежат вам, так же, как и на прочих островах. Но именно здесь, где ваши высочества имеют уже свою крепость, следует оказывать народам почет и покровительствовать им, тем более, что на Эспаньоле есть столько золота и пряностей, и плодородных земель».

Пятница, 11 января. В полночь при ветре, дующем с берега, адмирал вышел из устья реки Благодати и шел к востоку четыре лиги до мыса Красивого Луга (Bel Prado); к юго-востоку от мыса видна была лигах в восьми гора, которую он назвал Серебряной (Monte de la Plata). На восток, четверть к юго-востоку, от мыса Красивого Луга, лигах в восемнадцати от него находился мыс, названный адмиралом Ангельским мысом (Cabo del Angel).

Между Ангельским мысом и Серебряной горой в берег врезывался залив, вдоль которого видны были прелестнейшие земли на свете, высокие и прекрасные. В глубине страны с востока на запад протягивалась огромная и очень красивая горная цепь. У подошвы Серебряной горы расположена была удобная бухта. У входа в нее глубина была около 14 локтей. Гора же эта была очень высока и прелестна на вид. Вся же местность казалась густо населенной, и адмирал предположил, что здесь должно быть много больших рек и золота.

На восток, четверть к юго-востоку, от Ангельского мыса, в четырех лигах от него виднелся выступ берега, которому адмирал дал имя — мыс Железный (Cabo Hierro), и в том же направлении, но на четыре лиги дальше, лежала коса, названная им Сухой (Punta Seca), а еще дальше, на расстоянии шести лиг от Железного мыса, виден был мыс, который получил имя Круглый ('Redondo), и к востоку от него лежал Французский **[183]** мыс

(Cabo Frances), а далее выдавался в море значительный выступ берега, но, казалось, не было близ него удобных якорных стоянок. Далее лежал мыс Доброй погоды (Buen Tiempo) и от него на расстоянии большой лиги к югу, четверть к юго-востоку, находится мыс, который адмирал назвал Обрывистым (Tajado). К югу от него виднелся еще один мыс, до которого было, вероятно, около 15 лиг.

За день адмирал прошел много, так как ветер и течения были попутными. Из-за мелей он не решался стать на якорь, и всю ночь каравелла пролежала в дрейфе.

Суббота, 12 января. В четыре часа утра адмирал направился к востоку при свежем ветре и до наступления дня прошел двадцать миль. За два последующих часа он проделал еще двадцать четыре мили и, увидев на юге в расстоянии 48 миль землю, направился к ней.

Он говорит, что, заботясь о сохранности кораблей, прошел этой ночью всего лишь 28 миль к северо-северо-востоку. Оконечность земли, что показалась на юге, адмирал назвал мысом Отца и Сына (Cabo de Padre e Hijo) потому, что в восточной части этого мыса виднелись две отвесные скалы — одна выше другой. За мысом Отца и Сына, на расстоянии двух лиг от него, адмирал заметил огромный и очень красивый залив, врезывающийся в берег между двух больших гор. Залив этот казался удобной гаванью, и в него вел широкий проход.

Но адмирал не желал задерживаться здесь потому, что было еще раннее утро, и потому, что он намерен был использовать северо-северо-западный ветер, учитывая, что в этих местах большую часть времени дуют противные восточные ветры.

Он продолжал свой путь на восток вплоть до обрывистого утеса, который он назвал мысом Влюбленного (Cabo del Enamorado). Этот мыс находился в 32 милях к востоку от уже упомянутого большого залива, названного Священной бухтой (Puerto Sancto). От мыса Влюбленного виден был на расстоянии 12 миль к востоку округлый, высокий и скалистый выступ берега, похожий на мыс Сан Висенте в Португалии.

Будучи на линии мыса Влюбленного, адмирал заметил между этим мысом и уже упомянутым скалистым выступом огромнейший залив, шириной не менее трех лиг, с очень маленьким островком посередине. Глубина его повсюду была значительной, и корабли могли пройти до самого берега. Адмирал бросил якорь на глубине 12 локтей и тотчас же отправил на берег лодку за водой. Он хотел также знать, есть ли на этом берегу Люди. Но все местные жители успели уже убежать.

Адмирал решил остановиться здесь, желая узнать, составляет

ли земля, у которой брошен был якорь, одно целое с островом Эспаньолой: существование залива заставляло его подозревать, что эта земля была самостоятельным островом. Адмирал был поражен, видя, как велик остров Эспаньола. **[184]**

Воскресенье, 13 января. Адмирал не мог выйти из этой бухты, потому что не было попутного ветра с суши. А он же лал проследовать к другой, лучшей бухте, так как эта была несколько открыта, а также потому, что он намеревался наблюдать 17 января соединение Луны с Солнцем, противостояние Луны с Юпитером и соединение ее с Меркурием, и противостояние Солнца с Юпитером (Это место свидетельствует, что адмирал немного знал астрологию, хотя, как кажется, расположение планет указано здесь неправильно по вине дурного переписчика, который снимал копию [с дневника].— *Прим. Лас Касаса.*). Все эти явления вызывают сильные ветры.

Адмирал послал людей на берег для сбора «ахе». Они встретили группу индейцев, вооруженных луками и стрелами, и вступили с ними в беседу.

Одного из индейцев удалось уговорить отправиться на каравеллу, и адмирал видел его. Он говорит, что у этого индейца черты лица были менее правильны, чем у других местных жителей, которые встречались ему ранее. Лицо его было измазано сажей: таким образом, видимо, повсеместно индейцы имеют обычай раскрашивать себя в разные цвета.

У него были длинные, заброшенные назад и связанные пучком волосы, украшенные воткнутыми в них перьями попугая. Так же, как и прочие индейцы, они наги. Адмирал рассудил, что эти индейцы — карибы, т. е. пожиратели людей, и что большой залив, который вчера он видел, отделяет эту землю от Эспаньолы. Таким образом, земля эта должна быть островом.

Адмирал спросил явившегося на каравеллу индейца о карибах, и тот знаками объяснил, что земля карибов находится поблизости отсюда, на востоке. Адмирал говорит, что эту землю он видел вчера, прежде чем вошел в бухту. Индеец сказал ему, что на земле карибов есть много золота, и, указав на корму каравеллы, добавил, что там имеются куски золота такой величины.

Золото он называл «туоб» и не понимал слова «каона», которым обозначается этот металл у индейцев передней [западной] части острова. Ему неизвестно было и принятое у индейцев Сан-Сальвадора и других островов название «носай». Бронзу (медь) на Эспаньоле также называли «туоб».

Этот индеец рассказал, что на острове Матинино живут одни только женщины и что там много металла «туоб», т. е. золота или

бронзы. Остров же этот расположен восточнее страны Кариб.

Индеец говорил также и об острове Гоанин, где есть много «туоб».

Адмирал указывает, что об этих островах он в минувшие дни много слышал уже от других индейцев и что везде, на всех островах, которые он видел, индейцы жили в страхе перед карибами, или, как их некоторые называли, канибами. **[185]**

На Эспаньоле все называют этих людей карибами. Карибы должны быть, по мнению адмирала, людьми отчаянными, потому что бродят они по всем островам и поедают индейцев везде, где удастся им их захватить. Он говорит, что понял некоторые слова, произнесенные индейцем, и поэтому смог извлечь из этого пользу.

Индейцы же, которых он вез с собой, понимали речь этого человека гораздо лучше, чем адмирал, хотя и находили между языком своим и местным разницу, вызванную большим расстоянием, отделяющим их острова от этой земли.

Адмирал приказал накормить индейца и дал ему лоскутки зеленых и красных тканей и стеклянные четки, к которым все индейцы имеют большое пристрастие, а затем отправил его на берег и сказал, чтобы он принес золото, если только оно у него имеется: адмирал полагал, что у этого индейца есть золото, судя по некоторым безделушкам, которыми он себя украсил.

Приблизившись к берегу, моряки увидели, что за деревьями скрывается по крайней мере пятьдесят пять нагих индейцев с волосами столь же длинными, как у кастильских женщин. На затылке они носили султан из перьев попугая и других птиц; у каждого был свой лук.

Индеец, высадившись на берег, заставил всех этих людей положить луки и стрелы и кусок палки, который служит как... (Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*) очень тяжелый, который они носят вместо шпаги. Затем индейцы подошли к лодке, а моряки высадились на берег и принялись, выполняя приказ адмирала, скупать у индейцев их луки, стрелы и иные виды оружия. Но, продав два лука, индейцы не захотели больше ничего отдавать. Более того — они стали готовиться к нападению на христиан, желая захватить их в плен. Они бросились за своими луками и стрелами в то место, где было оставлено оружие, и вернулись, держа в руках веревки, предназначенные, как говорит адмирал, для того, чтобы связать христиан.

Видя, что индейцы бегут к ним, христиане, которые были настороже, потому что к этому их всегда призывал адмирал, кинулись навстречу нападающим и нанесли одному индейцу удар ножом в зад, а другого ранили в грудь стрелой.

Убедившись, что выиграть [в схватке] им придется немного, индейцы обратились в бегство, все как один, хотя христиан было только семь, а их более пятидесяти. При этом одни бросили стрелы, другие луки. Христиане, по словам адмирала, перебили бы много индейцев, если бы им в этом не помешал пилот, посланный на берег в качестве командира отряда. **[186]**

Христиане тотчас же вернулись на корабль. Адмирал, узнав о происшедшем, сказал, что, с одной стороны, все это его печалит, но в то же время он и рад случившемуся: теперь эти индейцы будут бояться христиан, а они люди, способные на недобрые дела, и, как он предполагает, относятся к племени карибов и едят людей. И если сюда придет лодка, которую он оставил тридцати девяти, испанцам в крепости и селении Навидад, то местные жители побоятся причинять зло пришельцам. Если же эти индейцы и не карибы, то, по меньшей мере, они соседи карибов, и обычаи у них такие же, и они люди без страха, совсем не похожие на обитателей других островов, безоружных и трусливых до безумия. Адмирал добавляет, что он хотел бы захватить в плен несколько этих индейцев, и го ворит, что они давали множество дымовых сигналов, по обы чаю жителей Эспаньолы.

Понедельник, 14 января. Адмирал не вышел в море, так как хотел послать своих людей на поиски жилищ этих индейцев, чтобы захватить пленных, полагая, что обитатели этой земли — карибы; кроме того, плаванию препятствовали сильные восточные и северо-восточные ветры и волнение на море. Но еще днем на берег вышло множество индейцев, и адмирал приказал отряду хорошо вооруженных людей отправиться на берег.

Индейцы сразу подошли к лодке. С ними был человек, посетивший вчера каравеллу и получивший от адмирала разные безделушки. Явился также и король этих индейцев, который передал упомянутому индейцу четки, чтобы тот вручил их, как знак мира и безопасности, людям, что были в лодке. Король с тремя индейцами сел в лодку и был доставлен на каравеллу. Адмирал приказал дать им сухари и мед и подарил королю красный колпак, четки и кусок красного сукна. Спутникам короля он также дал куски сукна. Король обещал назавтра привезти золотую маску и утверждал, что золота очень много и здесь, и в Карибе, и на Матинино. Затем адмирал отправил их всех на берег, и они ушли довольные.

Адмирал говорит, что корпусы каравелл у килей пропускают воду и виной тому конопатчики из Палоса, которые проконопатили корабли из рук вон плохо и скрылись, когда адмирал, обнаружив пороки в их работе, хотел заставить их кое-что переделать.

Тем не менее, несмотря на большую течь, адмирал надеялся, что бог, который привел его сюда, по благости и милосердию своему, вернет его [в Кастилию]. Ведь его небесное величество знало, сколько препон встретил адмирал прежде, чем смог он отправиться из Кастилии. И только он, адмирал, и никто иной был в милости у бога, потому что господь знал его сердце. И только богу и их высочествам ведомо было оно. Все же остальные без всякой причины были враждебны ему. И он **[187]** говорит дальше: «и по этой причине королевская корона ваших высочеств была лишена дополнительного дохода в сто куэнтос (Куэнто (cuento; множ. число — cuentos) составляло миллион мараведи. Доход в сто куэнтос равен, следовательно, ста миллионам мараведи, 375000—400000 кастельяно.— *Прим. перев.*) в течение всего времени, прошедшего с тех пор, как я прибыл на королевскую службу, т. е. на протяжении семи лет этот срок истечет в двадцатый день сего месяца января)[47], а также и приращения этого дохода за все указанное время. Но всемогущий бог все возместит». Таковы его [адмирала] слова.

Вторник, 15 января. Адмирал говорит, что желает покинуть эти места, — не видит он никакой пользы в задержке, так как уже миновали былые нелады. Он имеет в виду возмущение, учиненное индейцами, и отмечает, что вся масса золота находится в округе селения Навидад, подвластной их высочествам, а бронзы много есть на острове Кариб и в Матинино. Но на острове Кариб добыть ее нелегко, потому что жители этого острова, как говорят, едят человеческое мясо.

Страна карибов кажется отсюда островом, и адмирал принял решение идти к ее берегам, ибо она лежит на его пути, точно так же, как и остров Матинино, который, по слухам, населен безмужними женщинами; он же желает осмотреть и тот и другой остров и взять [с собой в Кастилию] жителей этих земель.

Адмирал отправил на берег лодку. Его люди должны были встретить на берегу короля этой земли, но последний не пришел, потому что, как говорит адмирал, индейское селение находилось где-то далеко; но король, верный своему слову, прислал обещанную золотую корону. На берег пришло много индейцев с хлопчатой тканью, хлебом и «ахе», у всех были луки и стрелы. Уже после того, как на берегу закончился меновой торг, на каравеллу явилось четверо юношей-индейцев, и адмиралу показалось, что они так толково и так ясно говорят об островах, лежащих к востоку, на пути кораблей, что он ре шил взять их с собой в Кастилию.

Люди здесь, по словам адмирала, не имеют железа, и не замечены были у них и другие металлы: впрочем, нельзя за

короткое время узнать много о какой-либо стране. И кроме того, что-либо разузнать об этой земле нелегко еще и из-за трудности местного языка; адмирал понимал его только по догадкам, да и индейцы не могли за несколько дней уяснить себе, чего он от них хочет.

Луки у индейцев такой же величины, как английские и французские, а стрелы похожи на дротики, которыми вооружены были индейцы на других, ранее открытых островах, Эти стрелы делаются из отростков стеблей тростника. Они **[188]** совершенно прямые и в длину имеют 1,5—2 вары (Вара — испанская мера длины, равна 835 мм, - *Прим. перев.*). К концам таких тростинок прикрепляются острые палочки длиной в 2,5 пальмы (Пальма (пядь) — 270 мм.—*Прим. перев.*). В эти наконечники индейцы вставляют еще рыбьи зубы или привязывают к ним пучки травы. Стреляют они из лука не так, как в других местах, а особым способом и не очень метко.

Здесь растет много хлопка, тонкого и длинного, и имеется немало мастичных деревьев. Адмирал полагает, что луки индейцы делают из тиса, и считает, что в их стране есть много золота и меди. В изобилии растет здесь «ахи», род пряности, который употребляется в пищу. Все его люди приправляют пищу ахи, и растение это крепче, чем наш перец, и очень полезно для здоровья. Можно ежегодно с одной только Эспаньолы отправлять пятьдесят каравелл, груженных ахи.

Адмирал говорит, что в бухте он нашел много трав, подобных уже встречавшимся ему в море на пути к ныне открытым островам. Поэтому он полагал, что далее к востоку, вплоть до тех мест, откуда он начал открывать новые земли, должны находиться острова. Не подлежит, по его мнению, сомнению, что трава эта растет на небольшой глубине, близ берега, а если это так, то, следовательно, Индии находятся на очень небольшом расстоянии от Канарских островов, быть может менее, чем в 400 лигах.

[ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАСТИЛИЮ]

Среда, 16 января. Адмирал вышел из этого залива, названного им заливом Стрел (Golfo de las Flechas), за три часа до наступления дня при ветре, дующем с суши. Затем подул западный ветер, и адмирал взял курс на восток, четверть к северо-востоку, т. е. по направлению к острову Кариб, где живут люди, которых так боятся на этих островах и землях, потому что ходят они по всем морям на своих каноэ и, как говорят, пожирают всех, кого только удается им захватить. Путь ему указали четыре индейца, взятые вчера в заливе Стрел. Когда, по расчетам адмирала, было уже пройдено 64 мили, эти индейцы стали объяснять ему, что теперь остров Кариб находится на юго-востоке. Адмирал решил направиться на юго-восток и приказал убавить паруса. Но не успел он пройти и двух лиг, как подул сильный ветер, весьма благоприятный для плавания в направлении Испании. А адмирал заметил, что люди его стали беспокоиться, когда он отклонился от прямого пути, так как у обеих каравелл была течь, и в этом положении ни на кого, кроме бога, они не могли надеяться. Поэтому адмирал вынужден был отказаться от попытки достичь острова **[189]** Кариб и снова повернул на прямой путь в Испанию, взяв на северо-восток, четверть к востоку, и прошел по этому направлению до захода солнца 48 миль, или 12 лиг. Индейцы говорили ему, что на этом пути он встретит остров Матинино, населенный безмужними женщинами, а адмирал очень хотел побывать на этом острове, чтобы захватить, как он пишет, с собой для королей пять или шесть его обитательниц. Но он сомневался в том, что индейцы знают, как пройти к острову. А задерживаться [в поисках острова Матинино] он не мог, опасаясь, что вода прорвется в трюмы каравелл. Но адмирал утверждает, что эти безмужние женщины действительно имеются и что к ним в определенное время года приходят мужчины с острова Кариб, расположенного, как он говорит, в 10 или в 12 лигах от Матинино. Если у этих женщин рождаются мальчики, их отправляют на остров мужчин, девочек же матери оставляют с собой.

Адмирал считает, что от залива Стрел до этих двух островов должно быть не более 15 или 20 лиг и что оба острова лежат к юго-востоку от залива; индейцы же не сумели указать ему путь туда.

После того как был потерян из вида мыс на берегу

Эспаньолы, названный адмиралом Сан-Тельмо [Терамо] (а это произошло, когда мыс остался на 16 лиг к западу), адмирал прошел 12 лиг на восток, четверть к северо-востоку. Погода была прекрасная.

Четверг, 17 января. Вчера, на заходе солнца, ветер стих. До конца первой вахты песочные часы (ампольеты) были перевернуты четырнадцать раз, а они более или менее точно перевертывались через каждые полчаса. Корабли шли со скоростью четырех миль в час, а за семь часов пройдено было 28 миль.

Затем ветер усилился. Всю вторую вахту, длившуюся десять ампольет, скорость хода была такой же, а затем увеличилась сперва до шести, а затем до восьми миль в час. До восхода солнца пройдено было 84 мили, или 21 лига, на северо-восток, четверть к востоку, а за день, до захода солнца, сделано было еще 44 мили, или 11 лиг, к востоку. На каравеллу один за другим залетели два глупыша. Адмирал видел много травы, такой же, что встречалась ему в море [на пути в эти земли].

Пятница, 18 января. При слабом ветре адмирал плыл всю ночь на восток, четверть к юго-востоку, и, пройдя 40 миль, или 10 лиг, взял на юго-восток, четверть к востоку и в этом направлении прошел до восхода солнца 30 миль, или 7,5 лиги.

Весь день он шел при слабых востоко-северо-восточных и северо-восточных и восточных ветрах, направляясь то на север, то на север, четверть к северо-востоку, то на четверть к северо-северо-востоку **[190]** и так, суммируя расстояния, пройденные в этих направлениях, проплыл он 60 миль, или 15 лиг. Травы в море было мало. Адмирал говорил, что и сегодня и вчера казалось, что море кишит тунцами, и адмирал полагал, что отсюда они, вероятно, косяками идут к ловлям герцога Кониль и герцога Кадисского.

Одна вилохвостка летала вокруг каравеллы, а затем скрылась в юго-юго-восточном направлении. Поэтому адмирал заключил, что на юго-востоке должны быть какие-то острова.

Он полагал, что оставил к востоко-юго-востоку от Эспаньолы острова Кариб, Матинино и многие другие.

Суббота, 19 января. За ночь адмирал прошел 56 миль на север, четверть к северо-востоку и 64 мили на северо-восток, четверть к северу. После восхода солнца он плыл к северо-востоку при сильном восточно-юго-восточном ветре, а затем в том же направлении, но четвертью к северу. Всего он прошел за день 84 мили, или 21 лигу. Море кишело мелкими тунцами. Он видел глупышей, рабо де хунко и вилохвосток.

Воскресенье, 20 января. Ветер к ночи стих, но иногда дул

порывами и в разных направлениях. За ночь пройдено было 20 миль к северо-востоку. После восхода солнца адмирал проплыл 11 миль к юго-востоку, а затем 36 миль, или 9 лиг, к се веро-северо-востоку. В море снова были огромные косяки тунцов. Воздух, по словам адмирала, был мягким и сладостным, как в апреле или в мае в Севилье, а «море, говорит он, благодаря богу, все время оставалось спокойным».

Появлялись вилохвостки, чайки и множество других птиц. *Понедельник, 21 января.* Вчера, после захода солнца, адмирал плыл на север, четверть к северо-востоку, при восточных и северо-восточных ветрах. До полуночи он шел с скоростью 8 миль в час и к этому времени покрыл 56 миль. За тем он плыл к северо-северо-востоку, проходя по 8 миль в час, и за ночь сделал 104 мили, или 26 лиг, и держал он курс на северо-восток, четверть к северу. После восхода солнца с тем же восточным ветром он шел к северо-северо-востоку, порой следуя на четверть к северо-востоку. И за одиннадцать часов, а именно столько длился день, он проплыл 84 мили, или 21 лигу, если сбросить одну лигу, которую он потерял, так как отошел назад, чтобы переговорить с «Пинтой».

Стало холоднее, и адмирал говорил, что по мере того, как он все дальше и дальше уходил на север, холода возрастали, а ночи, вследствие сужения земной сферы, становились все более и более длинными.

Появлялось много рабо де хунко, чаек и других птиц. Но рыб стало меньше, и адмирал говорит, что причиной тому охлаждение воды. Он видел много травы. **[191]**

Вторник, 22 января. Вчера, после захода солнца, адмирал плыл на северо-северо-восток при восточном ветре, который порой дул с юго-востока.

В течение пяти ампольет он проходил 8 миль в час и с такой же скоростью шел и следующие три ампольеты, пред шествующие первой вахте. Итого за время восьми ампольет он проплыл 72 мили, или 18 лиг. Затем в течение шести ампольет он шел на север, четверть к северо-востоку и покрыл еще 18 миль.

За время второй вахты, что длилась четыре ампольеты, он шел со скоростью 6 миль в час к северо-востоку и проплыл таким образом 3 лиги. До восхода солнца в течение 11 ампольет он проходил по шесть миль в час и покрыл семь лиг. Затем адмирал до 11 часов утра шел к востоко-северо-востоку и проплыл 32 мили.

В 11 часов ветер стих, и в этот день адмирал не продвигался дальше. Индейцы купались в море. Видали рабо де хунко и много травы.

Среда, 23 января. Ночью ветер часто менял направления. Отмечая все это и принимая все меры предосторожности, которые свойственно и должно принимать добрым морякам, адмирал прошел этой ночью 84 мили, или 21 лигу, на северо-восток, четверть к северу. Не раз приходилось ему поджидать «Пинту», потому что она медленно шла на булине; бизань помогала мало, так как бизань-мачта (mezana) была в плохом состоянии. Адмирал говорит, что если бы капитан «Пинты», т. е. Мартин Алонсо Пинсон, приложил бы столько стараний в поисках надежной мачты в Индии (где было так много мачтового леса), сколько проявил он, покидая его в надежде наполнить чрево корабля золотом, он несомненно смог бы установить на каравелле крепкую мачту.

Появились во множестве рабо де хунко и много трав. Небо в последние дни было хмурое, но дождей не было, а море оставалось спокойным словно река, «за что богу должна быть принесена великая благодарность».

После восхода солнца адмирал шел часть дня без помех на северо-восток и проплыл 30 миль, или 7,5 лиг. Затем, в течение остальной части дня он следовал к востоко-северо-востоку и прошел еще 30 миль.

Четверг, 24 января. За ночь адмирал прошел, приноравливаясь к частым сменам ветра, 44 мили, или 11 лиг, к северо-востоку. За день, от восхода до захода солнца, он проплыл 14 лиг к востоко-северо-востоку.

Пятница, 25 января. За часть ночи, или за 13 ампольет, адмирал прошел к востоко-северо-востоку 9,5 лиг. Затем он плыл к северо-северо-востоку на протяжении следующих шести миль. За день, с восхода солнца, он прошел только 28 миль, или 7 лиг, из-за безветрия. **[192]**

Моряки выловили тунца и убили большущую акулу. Адмирал говорит, что случилось это весьма кстати, так как никакой другой пищи, кроме хлеба, вина и индейского «ахе», на корабле не было.

Суббота, 26 января. За ночь адмирал прошел 56 миль, или 14 лиг, на восток, четверть к юго-востоку. После восхода солнца он плыл то на востоко-юго-восток, то на юго-восток и до 11 часов утра прошел 40 миль, затем он шел против ветра на булине и до ночи прошел 24 мили, или 6 лиг, к северу.

Воскресенье, 27 января. Вчера, после захода солнца, адмирал плыл на северо-восток и на север, четверть к северо-востоку, проходя 5 миль в час, что за 13 часов составило 65 миль, или 16 1/2 лиг. От восхода солнца до полудня он прошел на северо-восток 24 мили, или 6 лиг, а затем до захода солнца еще три лиги на востоко-северо-восток.

Понедельник, 28 января. Всю ночь адмирал плыл на востоко-северо-восток и прошел 36 миль, или 9 лиг. За день от во схода до захода солнца он проплыл на востоко-северо-восток 20 миль, или 5 лиг. Погода была теплая и приятная. Адмирал видел рабо де хунко, чаек и много травы.

Вторник, 29 января. Адмирал плыл на востоко-северо-восток и при южном и юго-восточном ветре прошел 39 миль, или 9,5 лиг. За день он прошел 8 лиг. Погода была очень теплая, как в апреле в Кастилии, а море совершенно спокойное. Множество рыб, что зовутся «дорадо», подплывали к самому борту каравеллы.

Среда, 30 января. За ночь адмирал прошел 7 лиг к востоко-северо-востоку. В течение дня он плыл на юг, четверть к юго-востоку, и прошел 13,5 лиг. Он видел рабо де хунко, много тунцов и травы.

Четверг, 31 января. В течение ночи адмирал прошел на север, четверть к северо-востоку, 30 миль. За день, с восхода солнца до наступления ночи, он проплыл на востоко-северо-восток 13,5 лиг. Видели рабо де хунко и чаек.

Пятница, 1 февраля. Ночью адмирал прошел к востоко-северо-востоку 16,5 лиг и этим же путем за день проплыл 29,25 лиг. Благодаря богу, море было очень спокойно.

Суббота, 2 февраля. За ночь адмирал прошел к востоко-северо-востоку 40 миль, или 10 лиг. Днем при ветре с кормы он плыл со скоростью 7 миль в час и за одиннадцать часов прошел 77 миль, или 19 1/4 лиг. Море, благодаря богу, было очень спокойно, а погода теплая. Так кишело море травой, что, если бы моряки уже не видели бы ее в таких количествах прежде, у них возникло бы опасение, что в этих местах много мелей. Видели чаек.

Воскресенье, 3 февраля. Этой ночью при ветре с кормы и спокойном, хвала богу, море прошли 29 лиг. Адмиралу показалось, что [Полярная] звезда стоит в небе здесь так же высоко **[193]**, как у мыса Сан Висенте. Высоту ее он не мог определить ни астролябией, ни квадрантом — мешало волнение. Днем адмирал плыл на востоко-северо-восток своим путем и прошел 27 лиг за одиннадцать часов.

Понедельник, 4 февраля. Ночью адмирал плыл на восток, четверть к северо-востоку, и порой проходил 12, порой 10 миль в час. Всего за ночь он проплыл 130 миль, или 32,5 лиги. Небо было хмурое и дождливое, погода стояла холодная, и поэтому адмирал заключил, что не вошел еще в воды Азорских островов. После восхода солнца он сменил курс, пошел на восток и сделал за день 77 миль, или 19,25 лиг.

Вторник, 5 февраля. Этой ночью адмирал плыл к востоку и

прошел 54 мили, или 14 лиг без половины. За день, делая 10 миль в час, он прошел за одиннадцать часов 110 миль, или 27,5 лиг. Видели чаек и щепки — признак близости земли.

Среда, 6 февраля. Адмирал плыл всю ночь на восток по 11 миль в час и за 13 часов прошел 143 мили, или 35,25 лиг. Видели много птиц, среди них были чайки. Днем адмирал проходил 14 миль в час и покрыл за день 154 мили, или 38,5 лиг. Таким образом, за ночь и день пройдено было около 74 лиг. Висенте Яньес [Пинсон] полагал, что сегодня утром остров Флорес остался к северу, а Мадейра к востоку. Ролдан же[48] находил, что остров Файял, или Св. Григория, остался к северо-северо-востоку, а Порто Санто к востоку. Показалось много травы.

Четверг, 7 февраля. Адмирал плыл к востоку по 10 миль в час и в течение ночи за 13 часов прошел 130 миль, или 32,5 лиги. Днем он проходил 8 миль в час и сделал за 11 часов 88 миль, или 22 лиги.

По расчетам адмирала, в это утро корабли должны были находиться в 75 лигах к югу от острова Флорес. Пилот Перо Алонсо [Ниньо] полагал, что корабли находятся на пересечении линий, что с севера проходят между Терсейрой и Санта Марией, а с востока следуют под ветром от острова Мадейры в 12 лигах от его северной оконечности. Моряки видели в изобилии растущую на Азорских островах траву, иную чем встречалась раньше. Но затем снова появилась трава прежнего вида.

Пятница, 8 февраля. Ночью адмирал в течение некоторого времени проходил 3 мили в час, следуя к востоку. Затем он от клонился на четверть к юго-востоку. За ночь пройдено было 12 лиг, а с восхода солнца до полудня еще 27 миль.

За остальную часть дня, до захода солнца, адмирал про плыл еще 27 миль и всего за день прошел на юго-юго-восток 13 лиг.

Суббота, 9 февраля. Часть ночи адмирал следовал к юго-юго-востоку и проплыл три лиги, а затем он взял на юг, четверть **[194]** к юго-востоку, а спустя некоторое время на северо-восток. До 10 часов утра пройдено было еще 5 лиг, а за остаток дня, до захода солнца, он сделал 9 лиг к востоку.

Воскресенье, 10 февраля. После захода солнца адмирал проплыл до наступления дня 130 миль, или 32,5 лиги. Днем проходил он по 9 миль в час и за 11 часов сделал 99 миль или 24,75 лиги.

На каравелле адмирала пролагали по карте пройденный путь Висенте Яньес [Пинсон], оба пилота — Санчо Руис и Перо Алонсо Ниньо — и Ролдан. Все они считали, что корабли прошли далеко на восток от Азорских островов. Все считали, что пройден последний к востоку остров Азорского архипелага — Санта

Мария, и что от этого острова корабли ушли уже на 5 лиг вперед, вступив в воды Мадейры или Порто Санто. Однако адмирал полагал, что очень отклонился от принятого пути и находится вовсе не так далеко к востоку, как то считают пилоты. По его расчетам, этой ночью остров Файял остался прямо к северу, и шел он сейчас по линии, идущей к Нафе, что в Африке, причем эта линия проходила на... (Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*) лиг к северу от расположенного под ветром острова Мадейры. Таким образом пилоты утверждали, что находятся на 150 лиг ближе к Кастилии, чем это предполагал адмирал.

Адмирал говорит, что, когда с помощью божьей, увидят они землю, выяснится, чей расчет вернее. И он говорит еще, что на пути [в Индию] впервые заметили траву в море на расстоянии 263 лиг от острова Иерро[49].

Понедельник, 11 февраля. Ночью адмирал шел своим путем делал в час 12 миль и проплыл 39 лиг. За день пройдено было 16,5 лиг. Он видел много птиц и заключил поэтому, что находится близко от земли.

Вторник, 12 февраля. Ночью адмирал плыл со скоростью 6 миль в час и прошел до наступления дня 73 мили, или 18,25 лиг. Поднялась сильная буря, и море начало так волноваться, что, по словам адмирала, не будь «Нинья» такой прочной и столь хорошо приспособленной для плавания, он серьезно опасался бы за ее судьбу.

За день с большим трудом и риском пройдено было 11 или 12 лиг.

Среда, 13 февраля. От захода солнца до наступления дня адмирал провел в неустанных трудах из-за ветра, сильного волнения и бури. На северо-северо-востоке трижды сверкала молния — адмирал говорит, что это признак сильной бури, которая должна пройти или с той стороны, где видны были молнии, или с противоположной. Адмирал шел на спущенных парусах большую часть ночи. Затем поставил часть парусов и проплыл 52 мили, или 13 лиг. Днем ветер приутих, но затем налетел с новой силой, и море стало грозным, и на поверхности его вздымались волны, угрожавшие кораблям гибелью. Пройдено было 55 миль, или 13,5 лиг. **[196]**

Четверг, 14 февраля. Ночью ветер усилился, волны же были ужасны. Они сталкивались друг с другом и сотрясали корабль, который не мог ни продвигаться вперед, ни вырваться на свободу. А затем, столкнувшись, волны разбивались о корпус корабля. «Нинья» шла только под одним малым нижним пару сом — главное было хоть как-нибудь продержаться на волнах. Так проплыли 3 часа, и за это время пройдено было 20 миль. Ветер

все время усиливался, и адмирал, видя, что корабль находится в опасности, вынужден был идти в том направлении, куда влек его ветер, потому что другого выхода не было.

То же произошло и на «Пинте», где был Мартин Алонсо [Пинсон], и она исчезла из вида, хотя всю ночь адмирал давал сигналы фонарем. Сперва на «Пинте» отвечали адмиралу, за тем сигналы прекратились, вероятно, потому, что их нельзя было подавать из-за бури, или потому, что эта каравелла оказалась на большом расстоянии от пути, которым шел адмирал.

Адмирал прошел за ночь на северо-восток, четверть к востоку, 54 мили, или 13,5 лиг. С восходом солнца ветер усилился, и волнение на море стало еще более грозным. Каравелла шла только под одним малым нижним парусом, чтобы можно было идти между волнами, не зарываясь в воду.

Адмирал взял сперва на восток-северо-восток и затем отошел на четверть к северо-востоку.

За шесть часов пройдено было 7,5 лиг. Адмирал приказал выбрать по жребию человека, который был бы обязан [по прибытии] в Кастилию совершить паломничество в храм Святой Марии Гвадалупской и поставить перед ее образом восковую свечу весом в пять фунтов, и он распорядился бросить жребий, для чего велел принести столько горошин, сколько было людей на корабле. На одной из горошин он ножом пометил знак креста, а затем взял колпак, высыпал в него все горошины и тщательно перетряхнул их. Первым, кто вложил руку в колпак, был сам адмирал. Он вытянул горошину с крестом, и таким образом на него пал жребий, и отныне он считал себя паломником, обязанным выполнить данный им обет.

Снова брошен был жребий, чтобы отправить второго паломника в монастырь Св. Марии Лоретской, в Лорето, городе Анконской мархии на папской земле. А монастырь этот считается домом, где наша владычица творила и творит великие чудеса. Жребий пал на моряка из порта Санта Мария Педро де Вилья, и адмирал обещал дать ему денег на дорогу.

Еще одного паломника адмирал решил отправить в монастырь Св. Клары Могерской, где должен был он отстоять всенощную и заказать благодарственную мессу. Снова метали **[197]** жребий по горошинам, и та, что помечена была крестом, досталась адмиралу.

А затем адмирал и все его люди дали обет: по прибытии на первую же землю всем в одних рубахах направиться крестным ходом на благодарственную мессу в церковь, посвященную на шей владычице. Кроме общих для всех обетов, каждый принял на себя свой собственный, особый обет, потому что никто не думал,

что удастся избежать неминуемой гибели во время этой страшной бури.

Опасность возрастала еще и потому, что на корабле было недостаточно балласта (lastre); груз его облегчился, так как съедены были уже запасы провизии и выпиты вода и вино. Адмирал, желая сберечь драгоценное время, не пополнил запасов на островах, имея в виду нагрузить корабль на острове Женщин, к берегам которого намерен он был идти. Он нашел, однако, средство, которое должно было применить в этом случае, и при первой же возможности наполнил порожние бочки из-под вина и воды морской водой. Таким образом, опасность, вызванная недогрузкой корабля, была устранена.

Адмирал указывает на некоторые приметы, которые внушали ему опасения, что господь наш пожелал погубить его здесь, и на другие приметы, позволявшие ему надеяться, что [бог] доставит его в сохранности [в Кастилию], дабы не погубить напрасно вести, которые вез он королям.

Адмирал имел большое желание доставить столь великие вести и доказать тем самым, что он был прав, когда говорил о [будущих] открытиях и их предсказывал. Но величайший страх внушала ему мысль, что он не завершит [свое дело] и что любой комар, как он говорит, может ему повредить и помешать.

Страх этот адмирал приписывает своему маловерию и тому, что ослабла у него вера в божественное провидение. И этому противопоставляет он, с другой стороны, милости, ниспосланные ему богом, который даровал ему такую победу, какой были открытия, ныне совершенные; и бог удовлетворил желания адмирала, ибо после того как в Кастилии были преодолены многочисленные препоны и помехи в его делах и положен конец им и с помощью божьей налажено все это предприятие, и бог, вняв адмиралу, дал ему все, что тот у него просил, можно было надеяться, что дарует господь и сейчас завершение начатого и доставит адмирала в сохранности [в Кастилию]. И главное — однажды уже на пути [в Индии] бог избавил его от опасности, когда он имел веские основания трепетать перед ней: случи лось это, когда все моряки и люди, бывшие с ним, приняли решение возвратиться [домой] и возмутиться против него, и предъявили ему свои требования (См. комментарий 14. — *Прим. перев.*). Но бог, существующий извечно, **[198]** дал ему силу и мужество, чтобы устоять против всех.

Для него и в нем самом совершил господь еще многое иное и чудесное в этом путешествии, кроме того, о чем их высочества знают от особ, к ним приближенных. И он говорит, что не должен был опасаться бури, «но по слабости своей и вследствие

усталости не мог я быть твердым духом».

Также он говорит, что его очень печалили мысли о двух сыновьях, оставленных в Кордове, в учении, потому что он покинул их сиротами, без отца и без матери, на чужой стороне[50]. А короли не знают еще, какую службу он сослужил им в этом путешествии, и неведомы им счастливые вести, что везет он в Кастилию, а потому в помыслах своих не имеют его сыновей. И дабы знали их высочества, каким образом даровал адмиралу наш господь победу во всем, что желал он совершить ради открытия Индий, и дабы ведомо их высочествам было, что в тех землях никогда не бывает бурь (что, как указывает адмирал, можно распознать по травам и деревьям, которые растут и рождаются у самого моря), и чтобы в случае гибели его в эту бурю получили короли вести о его путешествии, он взял пергамент и написал все, что мог, о том, что было от крыто, умоляя всякого, кто найдет этот пергамент, доставить его королям. Этот пергамент он обернул провощенной тканью, как следует перевязал, приказал принести большой деревянный бочонок и вложил в него сверток — так, чтобы ни одна живая душа не знала, что содержится в нем, и чтобы все думали, что адмирал выполняет какой-то обет, а затем велел бросить бочонок в море.

Вслед за тем, при сильном ливне и шквалах, ветер отошел к западу и стал дуть в корму, и каравелла шла на одном только парусе пять часов по еще очень неспокойному морю. За эти пять часов пройдено было 2,5 лиги к северо-востоку. Нижний малый парус был снят из опасения, чтобы волны не сорвали его совсем.

Пятница, 15 февраля. Вчера, после захода солнца, небо на западе начало проясняться и по всему было видно, что ожидается западный ветер. Адмирал приказал поднять бонету на главный парус. Море еще очень волновалось, хоть и начинало успокаиваться.

Адмирал шел к востоко-северо-востоку, делая 4 мили в час, и к трем часам ночи пройдено было 13 лиг. После восхода солнца показалась на востоко-северо-востоке земля. Некоторые говорили, что это остров Мадейра, другие же утверждали, будто земля эта — утес Синтра близ Лиссабона. Подул ветер с востоко-северо-востока, сильное волнение на море пошло с запада. Каравелла находилась в 5 лигах от земли. По расчетам адмирала, корабль должен был находиться у Азорских островов, и он полагал, что эта земля один из островов этого архипелага. **[199]** Пилоты же и [многие] моряки считали, что они находятся уже в виду Кастилии.

Суббота, 16 февраля. Всю ночь каравелла лавировала в от крытом море близ берегов земли, которая признана была

островом. Порой адмирал следовал к северо-востоку, порой к северо-северо-востоку, а на восходе солнца он пошел к югу, чтобы приблизиться к острову, берега которого были скрыты туманом. Вскоре адмирал увидел другой остров со стороны кормы, на расстоянии 8 лиг. От восхода солнца до наступления ночи адмирал шел, меняя курс, чтобы приблизиться к земле, при сильном ветре и волнении, относившем его в противоположную сторону.

После возглашения «Salve», т. е. в самом начале ночи, некоторые увидели свет под ветром и, как казалось, на том острове, что был замечен первым. Всю ночь лавировали против ветра, желая насколько возможно приблизиться к берегу, чтобы с восходом солнца увидеть острова. Этой ночью адмирал не много поспал — со среды он не сомкнул глаз и не мог заставить себя заснуть. Он чувствовал, что ноги у него отнимаются, вызвано было это тем, что постоянно он терпел холод и страдал от сырости, ел же он очень мало.

На восходе солнца адмирал взял на юго-юго-запад и ночью приблизился к острову, но из-за тумана не мог узнать, близ какого острова находится.

Понедельник, 18 февраля. Вчера, после захода солнца, адмирал направился в обход острова, чтобы отыскать место, где можно было бы бросить якорь: он желал также вступить в переговоры с местными жителями. В одном месте он стал на якорь, но тут же потерял его. Поэтому пришлось поднять паруса и всю ночь лавировать в открытом море.

После восхода солнца адмирал вторично приблизился к се верному берегу острова, и в месте, которое показалось ему подходящим для якорной стоянки, стал на один якорь. Затем он отправил на берег лодку, и люди его встретились с местными жителями и узнали, что корабль находится у Санта Марии, одного из Азорских островов.

Жители острова указали, где расположена гавань, куда могла бы зайти каравелла. Они говорили, что еще никогда не приходилось им видеть бурю сильнее, чем та, что свирепство вала последние пятнадцать дней, и удивлялись, каким образом адмиралу удалось избежать гибели. Они, говорит адмирал, благодарили бога и проявляли большую радость, когда узнали, что адмирал открыл Индии.

Адмирал отмечает, что в этом плавании его навигационные расчеты были очень точны, и путь, которым он шел, был верно проложен на карте (да будет за это принесена хвала господу нашему), и хотя курс на карте был показан с некоторым опережением (aunque se hacia algo delantero), но адмирал твердо

был уверен, что он находится в водах Азорских островов и что **[200]** этот остров был одним из них. И он говорит, что умышленно показывал более длинные дистанции пройденного пути, чтобы ввести в заблуждение пилотов и моряков, пролагающих курс на карте, и самому остаться господином дороги в Индии, каким он в действительности и остается. И он желал, чтобы никто из них не знал верного пути, и чтобы никто не мог быть уверенным, что маршрут, которым он следует, приведет его в Индии[51].

Вторник, 19 февраля. После захода солнца на берег явились три островитянина и окликнули адмирала. Адмирал послал лодку, и люди эти прибыли на корабль и привезли кур и свежий хлеб, и было это в день карнавала. Они доставили подарки, посланные начальником острова Жуаном Кастаньедой, и сообщили, что тот хорошо знает адмирала и только из-за позднего ночного времени не явился с визитом, но непременно посетит корабль утром и привезет с собой свежую провизию.

Начальник предупреждал, что с ним приедут трое [португальских] моряков, которые прибыли на остров и которых он не хотел отпустить, не желая лишить их удовольствия выслушать рассказ о плавании, совершенном адмиралом. Адмирал распорядился принять посланцев с почетом и отвести им места для ночлега, потому что было уже поздно, а селение на берегу находилось далеко от гавани.

Так как в минувший четверг, в разгар бури, адмирал и его люди дали обет, что на первой же земле, где окажется храм богоматери, все моряки в одних рубахах отправятся на поклонение к ней и т. п., то адмирал решил отправить половину своих людей к часовне, расположенной вблизи, на самом берегу моря, подобно скиту (hermita). Сам же он пожелал посетить эту часовню позже с остальными людьми.

Видя, что на острове ничто ему не угрожает, и доверяя заверениям начальника [острова] Кастаньеды, и зная, что Португалия находится в мире с Кастилией, адмирал попросил трех островитян, присланных к нему, отправиться в селение и при гласить местного священника отслужить мессу в часовне.

Но когда, выполняя данный обет, первая группа паломников направилась в одних рубахах к часовне, их внезапно окружили конные и пешие люди во главе с начальником острова и захватили всех в плен.

Адмирал, ничего не подозревая, ждал до одиннадцати часов утра возвращения паломников; но когда к этому времени они не вернулись, он стал беспокоиться, предполагая, что либо его люди задержаны на берегу, либо лодка, на которой они отплыли,

разбилась о камни. Последнее же могло приключиться, так как весь остров окаймлен цепью подводных камней и очень высоких скал, берег же, на котором стояла часовня, не был виден с корабля, потому что он был скрыт выдающимся в море мысом. Поэтому адмирал приказал поднять паруса и, снявшись с якоря, пошел по направлению к часовне. Вскоре он заметил **[201]** группу всадников. На его глазах они спешились, с оружием в руках вошли в лодку и направились к каравелле, [видимо] желая захватить адмирала.

Начальник [острова], приблизившись к каравелле, поднялся в лодке во весь рост и потребовал, чтобы адмирал гарантировал его неприкосновенность. Адмирал говорит, что он дал ему та кую гарантию, но осведомился, почему никого из его людей не было в лодке. Затем он пригласил начальника подняться на борт и заверил его, что на каравелле он может поступать, как ему будет угодно. Адмирал желал добрыми словами завлечь Кастаньеду на каравеллу и взять его в плен как заложника. При этом он полагал, что подобным поступком не нарушает данного им заверения, потому что сам начальник, предложив мир и гарантии безопасности, первым отступился от своих обещаний. Но начальник, у которого были, по словам адмирала, недобрые намерения, не решился подняться на каравеллу.

Адмирал, видя, что Кастаньеда не поднимается на корабль, спросил его, на каком основании он задержал на берегу его людей, и заявил, что будет жаловаться на начальника королю Португалии. При этом адмирал сказал, что во владениях королей Кастилии португальцев принимают с честью, и они чувствуют себя там в такой же безопасности, как в Лиссабоне. Он заявил, что короли Кастилии дали ему, адмиралу, рекомендательные письма, обращенные ко всем государям и властителям и ко всем прочим людям, и что он может показать эти письма начальнику [острова], если тот пожелает подняться на корабль. И добавил, что он сам не кто иной, как адмирал моря-океана и вице-король Индий, которые ныне принадлежат их высочествам, и показал ему издали указы, скрепленные подписями и печатями короля и королевы.

Затем он сказал, что короли Кастилии находятся в мире и в дружбе с португальским королем и что они повелели ему оказывать все возможные почести встречным португальским кораблям. И он добавил, что, даже если начальник не пожелает вернуть его людей, он все равно отправится в Кастилию, потому что на каравелле осталось еще столько людей, что он может свободно дойти до Севильи. Если же начальник причинит какую-либо обиду взятым в плен людям, то он и все его присные будут

примерно наказаны.

На это начальник и люди, бывшие с ним, ответили, что здесь никто не подчиняется королю и королеве Кастилии, и никто не признает их указов, и никто не боится кастильских государей. И тоном, в котором звучала угроза, начальник предупредил, что он даст всем людям адмирала почувствовать, что такое Португалия.

Выслушав это, адмирал чрезвычайно расстроился. Он говорит, что у него явилась мысль, будто между Кастилией а Португалией уже после выхода его в плавание возникли нелады, **[202]** и он не мог настолько сдержать себя, чтобы не ответить начальнику так, как в подобном случае следовало ответить. Начальник снова встал во весь рост в лодке и потребовал, чтобы адмирал ввел каравеллу в гавань. При этом он заявил, что поступал и поступает сейчас [с кастильцами] так, как повелел ему его король и повелитель.

Адмирал призвал всех людей на каравелле быть свидетелями сказанного начальником [острова], а затем прокричал Кастаньеде и его спутникам, что клянется не сходить с каравеллы до тех пор, пока не захватит и не привезет в Кастилию ста португальцев и пока не разорит весь этот остров. И затем он вернулся в бухту, где ранее стоял на якоре, потому что погода и ветер были столь скверны, что не позволяли ему предпринять что-либо иное.

Среда, 20 февраля. Адмирал приказал подготовить корабль к плаванию и наполнить все порожние бочки морской водой для балласта, так как каравелла стояла в дурном месте, и он опасался, что ее может сорвать с якоря. Затем он вышел в море и направился к острову Сан Мигель; ему было известно, что на Азорских островах нет ни одной гавани, в которой корабли могли бы себя чувствовать в безопасности в это время года, и поэтому не оставалось иного выхода, как бежать в открытое море.

Четверг, 21 февраля. Вчера адмирал покинул остров Санта Марию и направился к острову Сан Мигель, чтобы отыскать там гавань, где можно было бы переждать непогоду: все время дули сильные ветры, и море было неспокойно. До ночи он шел, не имея возможности увидеть землю из-за тумана и тьмы.

Адмирал говорит, что положение его было малоутешительно, так как на каравелле осталось только трое опытных моряков, — прочие же ничего не смыслили в морском деле. Всю ночь каравелла пролежала в дрейфе. Буря продолжалась, люди изнывали в трудах и опасностях. Правда, бог оказал адмиралу милость: волны набегали только с одной стороны; если бы они сталкивались, как в минувшие дни, — большое несчастье могло бы приключиться с кораблем.

После восхода солнца адмирал, не видя впереди берегов Сан

Мигеля, решил возвратиться к острову Санта Мария, чтобы попытаться вызволить своих людей, отобрать захваченную лодку и поднять упущенные якоря.

Он говорит, что после Индий, где всю зиму он плавал, не становясь на якорь, где все время стояла хорошая погода, где ни на один час море не становилось столь бурным, чтобы не возможно было продолжать плавание, его крайне удивляла дурная погода, которая стояла в этой стороне, близ Азорских островов.

Именно в Азорских водах разразилась эта страшная буря, и то же случилось и на пути к Канарским островам. Но когда **[203]** прошел Канарские острова, плыл он все время при хорошей годе и спокойном море.

И в заключение адмирал говорит: «Правду возвещали святые богословы (teologos) и мудрые философы, — рай земной находится на рубежах востока, потому что именно там лежит местность с мягчайшим климатом (lugar temperadissimo). Земли, ныне им открытые, — говорит он, — это предел востока»[52].

Пятница, 22 февраля. Вчера адмирал бросил якорь у острова Санта Мария, в том месте, где каравелла уже стояла на якоре при первом посещении острова, и тотчас же увидел человека, который, стоя на прибрежной скале и размахивая плащом, кричал, чтобы корабль не уходил из бухты. Затем прибыла лодка с пятью моряками, двумя священниками и нотариусом.

После того как адмирал дал этим людям слово, что не посягнет на их безопасность, все они поднялись на борт каравеллы. Адмирал принял их с честью, и так как было уже поздно, они, не вступая в переговоры, отправились в отведенное им для сна помещение.

Утром эти люди потребовали, чтобы адмирал предъявил им полномочия от королей Кастилии, чтобы убедиться, что плавание это совершается с ведома испанской короны. Адмирал понял, что все это делается, дабы показать, будто они поступают справедливо и не имеют дурных намерений.

Но так они поступили только потому, что им не удалось овладеть особой адмирала, а они собирались захватить его, ибо прибыли на лодке вооруженные. Однако они увидели, что игра может кончиться не в их пользу, и устрашились угроз адмирала, каковые он имел намерение осуществить. Адмирал был уверен, что они отправились к нему с недобрыми намерениями.

В конце концов, желая вернуть людей, которых португальцы держали в плену, адмирал согласился показать открытое письмо королей Испании ко всем государям и повелителям, рекомендательное письмо и другие указы и грамоты.

Ознакомившись с бумагами адмирала, португальцы отплыли на берег удовлетворенные и вскоре вернули всех людей и лодку. От бывших в плену моряков адмирал узнал, что, если бы португальцам удалось его захватить, они никогда не выпустили бы его на волю, ибо начальник острова говорил, что португальский король именно так велел ему поступить.

Суббота, 23 февраля. Вчера погода несколько улучшилась, и адмирал приказал поднять якоря и отправился на поиски Удобной якорной стоянки, которая была ему необходима, чтобы запастись на берегу дровами и камнем для балласта. Однако до самого часа вечерни он не мог отыскать подходящего Места для стоянки. **[204]**

Воскресенье, 24 февраля. Вчера вечером корабль стал на якорь, ибо адмирал желал запастись дровами и камнем [для балласта], но на море было сильное волнение, и лодка не могла пристать к берегу.

В исходе первой ночной вахты подул ветер с запада и с юго-запада. Адмирал приказал поднять паруса, так как он понимал, насколько опасно оставаться у берегов этого острова на якоре, ожидая попутного ветра, и предполагал, что юго-западный ветер сменится южным. И видя, что погода была благоприятная для перехода в Кастилию, он решил отправиться в путь без дров и балласта.

Адмирал взял на восток и шел до восхода солнца в течение 6,5 часов со скоростью 7 миль, проплыв за ночь 45,5 миль. За 11 часов, от восхода до захода солнца, он прошел 66 миль. Таким образом, за ночь и день сделано было 111,5 миль, или, соответственно, 28 лиг.

Понедельник, 25 февраля. Вчера, после захода солнца, адмирал шел своим путем на восток со скоростью 5 миль в час. Ночью за тринадцать часов он проплыл 65 миль, или 16,25 лиг, а за день, от восхода до захода солнца, прошел еще 16,5 лиг, море же было, благодаря богу, спокойно. На каравеллу залетела очень большая птица, похожая на орла.

Вторник, 26 февраля. При спокойном море адмирал вчера, после захода солнца, плыл своим путем к востоку и за ночь прошел 100 миль, или 25 лиг, делая в час по 8 миль. Утром при слабом ветре разразился ливень. В течение дня пройдено было 8 лиг к востоко-северо-востоку.

Среда, 27 февраля. Всю ночь и весь день адмирал шел, не придерживаясь взятого направления — из-за противных ветров и сильного волнения. Он находился в 125 лигах от мыса Сан Висенте, в 80 лигах от Мадейры и в 106 лигах от острова Санта Мария. Адмирал был очень опечален тем, что буря застигла его

именно теперь, когда он был уже у ворот своего дома.

Четверг, 28 февраля. Так же, как и вчера, при разных ветрах адмирал шел то к югу, то к юго-востоку, то направляясь в одну сторону, то в другую, порой следуя и к северо-востоку и к востоко-северо-востоку, и так весь день.

Пятница, 1 марта. За ночь адмирал прошел на восток, чет верть к северо-востоку, 12 лиг. Днем он плыл в том же направлении и прошел 23,5 лиги.

Суббота, 2 марта. За ночь и день, следуя своим путем на восток, четверть к северо-востоку, адмирал прошел 48 лиг.

Воскресенье, 3 марта. После захода солнца адмирал плыл своим путем на восток. Внезапный порыв ветра изодрал все паруса, и каравелла оказалась в большой опасности, от которой, однако, бог пожелал избавить адмирала. Адмирал, чтобы определить, кто должен будет совершить в одной рубахе паломничество **[205]** к Санта Марии де ла Синта в Уэльве, бросил жребий, который пал на него самого. Все его люди дали обет провести в посте, на хлебе и воде, первый субботний день по возвращении в Кастилию. До того момента, когда изорваны были паруса, адмирал прошел 60 миль.

Затем шли с голыми мачтами при сильной буре и волнах, готовых с обеих сторон поглотить корабль. Заметны были признаки близости земли. Каравелла находилась неподалеку от Лиссабона.

Понедельник, 4 марта. Ночью моряки испытали страшную бурю. Все думали, что ждет их гибель в волнах, которые обрушивались с обоих бортов на палубу корабля. Ветер же, казалось, поднимал каравеллу на воздух. Вода взметалась к небу, молнии сверкали со всех сторон. Адмирал молил бога поддержать его в бедствии, и так, среди бури, шел он до наступления первой ночной вахты, когда господь наш указал ему землю и моряки увидели ее.

Тогда, чтобы не приближаться к незнакомому берегу, ибо неизвестно было, есть ли там бухта или иное какое-нибудь место, где можно было бы спастись от бури, адмирал, вынужденный идти дальше и не видевший другого выхода, приказал поднять малый нижний парус и отойти дальше от берега. И бог сохранил всех, и так плыли они до наступления дня, изнывая в великих трудах, одержимые страхом.

С наступлением дня адмирал узнал землю, к которой приблизилась каравелла. Это была скала Синтра, что стоит у самого устья лиссабонской реки [Тежу], куда он и решил войти, потому что ничего иного сделать не мог. Буря была такая сильная, что, как говорит адмирал, жители селения Каска, в устье

реки, все утро молили бога о спасении корабля. Когда адмирал вошел в устье, они пришли на каравеллу, желая поглядеть на людей, чудом избежавших неминуемой гибели.

В час заутрени адмирал пришел к городу Растело на берегу лиссабонской реки, и там местные моряки сказали ему, что никогда еще не было в зимнюю пору таких бурь и что погибло 25 кораблей, шедших из Фландрии, и много других кораблей уже четыре месяца не могут выйти в море.

Адмирал написал королю Португалии, который находится в 9 лигах отсюда, что короли Кастилии велели ему не избегать портов его высочества, если явится необходимость приобрести за деньги что-либо необходимое [для плавания]. Адмирал про сил короля разрешить ему дойти до города Лиссабона: он опасался, что в безлюдном месте ему причинят вред разбойники, которые могут подумать, что на корабле есть много золота, и желал, чтобы король узнал, что он пришел не из Гвинеи, а из Индий.

Вторник, 5 марта. Сегодня Бартоломе Диас[53], командир (patron) большого корабля короля Португалии, также стоявшего **[206]** на якоре в Растело (корабль же этот был так велик и так хорошо вооружен, что адмирал говорит, будто никогда еще он ничего подобного не видел на своем веку), подошел к «Нинье» на лодке, имея с собой вооруженных людей, и приказал адмиралу сесть в эту лодку и отправиться с отчетом к представителям короля и к капитану упомянутого корабля. На это Колумб ответил, что он адмирал королей Кастилии, и что он не намерен давать подробный отчет кому бы то ни было и не желает покидать корабль, где сейчас находится, и принудить его к этому можно только силой, так как он не в со стоянии оказать вооруженное сопротивление.

Тогда Бартоломе Диас потребовал, чтобы адмирал направил капитана каравеллы. Адмирал заявил, что никто, будь то капитан или иное лицо, не сойдет [с корабля] без применения силы: он полагал, что согласиться на такое требование равносильно тому, как если бы он сам подчинился ему и от правился с отчетом; и, кроме того, адмиралы Кастилии придерживаются правила — прежде умереть, чем выдать своего человека.

Бартоломе Диас несколько смягчился и ответил: пусть адмирал останется при своем решении и поступает, как хочет. Но он попросил адмирала показать ему письма (cartas) королей Кастилии, если таковыми адмирал обладает. Он убедил адмирала показать эти бумаги и тотчас же возвратился на корабль, где доложил обо всем капитану, который звался Алвару Даман. Капитан с большой торжественностью, при барабанах, литаврах и трубах (anafiles), явился к каравелле и после переговоров с

адмиралом предоставил ему свободу действий.

Среда, 6 марта. Весть о том, что адмирал пришел из Индии, дошла до Лиссабона, и оттуда сегодня явилось столько народа, желавшего посмотреть на него и на индейцев, что подобное скопище людей изумило всех. И португальцы немало дивились всему, благословляя имя божье и говоря, что его небесное величество даровало эту [победу] королям Кастилии за их вели кую веру и пыл, с которыми они служат богу.

Четверг, 7 марта. Сегодня к каравелле явились неисчислимые толпы народа и много рыцарей (caballeros), и среди них были представители короля, и все славили бога за все, что он дал королям Кастилии и что столь содействует благу и славе христианского мира. И все считали, что дар этот заслужен, потому что их высочества немало положили трудов и немало проявили рвения в борьбе за распространение христовой веры.

Пятница, 8 марта. Сегодня адмирал получил через дона Мартина ди Норонья письмо от короля Португалии, в котором последний просил адмирала явиться в его резиденцию, ибо погода не позволяла королю лично прибыть на каравеллу.

И адмирал отправился в путь, хоть ему это и не хотелось, чтобы рассеять подозрения короля, и на ночлег остановился **[207]** в Сокабене. Король приказал своим представителям безвозмездно дать адмиралу все то, в чем нуждался он сам и его люди, и исполнить все, что адмирал пожелает.

Суббота, 9 марта. Сегодня адмирал выехал из Сокабена и направился в место, где находился король — в Райскую долину (Valle del Paraiso), что в 9 лигах от Лиссабона. Из-за дождя он смог добраться до резиденции короля лишь к ночи.

Король велел знатным особам своего двора принять адмирала с большим почетом. Также с почетом принял адмирала и он сам. Король оказал адмиралу много милостей и разрешил ему сидеть в своем присутствии и говорил с ним весьма сердечно. Он заверил адмирала, что прикажет самым тщательнейшим образом выполнить все, что может быть полезно королям Кастилии и ему, адмиралу, и при этом сказал, что все это будет сделано за его собственный королевский счет.

Король, казалось, был доволен тем, что путешествие адмирала так хорошо окончилось. Но он полагал, что, по договору, заключенному им с королями Кастилии, земли, открытые адмиралом, должны относиться к его владениям[54]. На это адмирал ответил, что он не видел этого договора и знает только, что короли ему повелевали не заходить ни в Мину, ни в иное место в Гвинее, и что это было объявлено публично во всех портах Андалусии, прежде чем он отправился в путь. Король

весьма милостиво ответил, что нет нужды в этом деле прибегать к услугам третьих лиц. Затем он передал адмирала попечениям приора монастыря Св. Клары, наиболее почетной особы в кругу приближенных к королю лиц, и тот принял его с большим почетом и радушием.

Воскресенье, 10 марта. Сегодня, после мессы, король снова заверил адмирала, что предоставит ему все, в чем только последний испытывает нужду. Король долго беседовал с адмиралом о его путешествии и при этом приказал адмиралу сидеть в его присутствии и оказал гостю знаки внимания.

Понедельник, 11 марта. Сегодня адмирал попрощался с королем, и тот поручил ему кое-что передать от своего имени монархам Испании, проявляя, как и в прошлые дни, великую благосклонность к адмиралу.

Адмирал выехал после обеда, и король отправил с ним в качестве провожатого дона Мартина ди Норонья, и многие знатные рыцари сопутствовали ему некоторое время.

Адмирал прибыл в монастырь Св. Антония, что стоит над селением Виллафранка. В этом монастыре пребывала королева, и адмирал желал посетить ее, чтобы засвидетельствовать свое уважение и поцеловать ее руку. Незадолго до прибытия в [монастырь] Св. Антония он отправил к королеве гонца, уведомляя ее, что не покинет пределов страны, прежде чем ее не увидит. С королевой были герцог и маркиз, и принят адмирал **[208]** был с большим почетом. Вечером он выехал из монастыря и переночевал в Альандре.

Вторник, 12 марта. Сегодня, в тот момент, когда адмирал собирался выехать из Альандры к своей каравелле, прибыл королевский гонец и от имени короля заявил, что если адмирал пожелает направиться в Кастилию сушей, то он будет сопровождать его и заботиться о ночлеге, о вьючных животных и обо всем необходимом. Когда адмирал покидал его, гонец велел дать мулов адмиралу и его пилоту, который сопровождал Колумба, и адмирал отмечает, что этот человек приказал вы дать пилоту 20 эспадин[55]. Все это адмирал говорит, чтобы королям Испании было известно, что о« делал [в Португалии]. Адмирал прибыл к каравелле ночью.

Среда, 13 марта. Сегодня в 8 часов, при большом приливе и северо-северо-западном ветре, адмирал поднял якоря и направился в Севилью.

Четверг, 14 марта. Вчера, после захода солнца, адмирал следовал своим путем на юг и перед заходом солнца находился близ мыса Сан Висенте, что в Португалии. Затем он направился на восток, чтобы пройти к Сальтесу, и при слабом ветре шел весь

день и к вечеру находился близ Фару.

Пятница, 15 марта. Вчера, после захода солнца, адмирал плыл своим путем до наступления дня, при слабом ветре, и на восходе солнца был у Сальтеса, и в полдень при нарастающем приливе прошел мимо отмели Сальтес в бухту, откуда отплыл он 3 августа прошлого года. И он говорит, что теперь заканчивает свои писания и намерен идти морем в Барселону, так как ему сказали, что в этом городе находятся сейчас их высочества. А в Барселону он направится, чтобы дать им отчет о своем путешествии, которое господь наш позволил ему совершить, желая его прославить.

И верит он убежденно и безраздельно, не допуская никаких сомнений, и твердо знает: бог творит одно только благо, и все на земле, исключая греха, есть благо, и нельзя себе ни вообразить, ни помыслить что-либо без всевышней на то воли.

«Я узнал это во время своего плаванья, — говорит адмирал, — оно чудесным образом подтвердило подобное мое убеждение, как то можно усмотреть из этого описания по многим отмеченным мною чудесам, что свершились во время путешествия, а также и со мною [лично]. Ведь сколько времени нахожусь я при дворе ваших высочеств против воли и желания многих видных особ из вашего дома. И все они были против меня, и высмеивали мое дело, которое, я надеялся, послужит к величайшей славе христианства, и притом слава эта будет достигнута с неслыханной доселе легкостью».

Таковы заключительные слова адмирала, дона Христофора Колумба [в дневнике] его первого путешествия в Индии, совершенного для открытия их. И он был, безусловно, прав и говорил **[209]** как человек весьма предусмотрительный и обладающий почти пророческим даром, потому что скотоподобные люди не поняли, сколь великие блага мирские и духовные дал Испании бог. И не достойна оказалась Испания из-за своей заносчивости и жадности пользоваться благами духовными; только немногим рабам господним была оказана эта честь. Богу хвала.

(пер. Я. М. Света)

Текст воспроизведен по изданию: Путешествия Христофора Колумба. М. Географгиз. 1956

© текст - Свет Я. М. 1956
© OCR - Ketzalcoatl. 2004
©сетевая версия - Thietmar. 2004
© дизайн - Войтехович А. 2001
© Географгиз. 1956

[1] Документ, который публикуется на страницах этой книги, не является подлинной записью хода событий первого путешествия, дневником, написанным рукой Колумба.

Этот документ — конспект копии утраченного оригинала, составленный в середине XVI столетия Бартоломе Лас Касасом (1475—1566), крупнейшим испанским историком-летописцем того времени и неукротимым борцом за освобождение индейцев из кабалы и рабства.

О «Дневнике» писалось много, и десятки исследователей пытались разобраться в неясной истории этого документа — одного из важнейших исторических источников эпохи великих открытий. Не раз, когда речь шла о «Дневнике», высказывались сомнения в авторстве Колумба. В 30-х годах нынешнего столетия аргентинец Карбиа, ярый ненавистник замечательного гуманиста Лас Касаса, применил обычные для буржуазных историков приемы очернения своего противника и, не имея на то сколько-нибудь убедительных доказательств, объявил «Дневник» фальшивкой, вышедшей из-под пера Лас Касаса. Горячая полемика, начавшаяся после того, как Карбиа выступил со своими «разоблачениями», продолжалась несколько лет и в весьма малой степени способствовала разрешению спорных вопросов, связанных с происхождением копии «Дневника» Лас Касаса. Не вдаваясь в существо этого спора, необходимо, однако, отметить, что для оценки значимости публикуемого документа должно, прежде всего, выяснить, вел ли Колумб во время первого и последующих плаваний подробные дневники.

По свидетельству того же Лас Касаса, Колумб, уезжая весной 1493 г. из Барселоны в Севилью для подготовки своей второй экспедиции, оставил королевской чете книгу, в которой подробно описывались его плавание в «Индии» и открытия, совершенные в заморской стороне. Подтверждением этого свидетельства могут служить письма Фердинанда и Изабеллы к Колумбу. 1 июня 1493 г. король и королева отправили Колумбу письмо, в котором имеется следующее место: «...вы говорили, что вам нужна книга, которую вы оставили здесь [т. е. у королей], и что необходимо снять с нее копию и эту копию отправить вам. Так и будет сделано, согласно нашему предписанию дону Хуану де Фонсеке». В другом письме от 5 сентября 1493 г. королева извещает адмирала о высылке ему этой копии, а еще в одном письме, датированном тем же числом, Фердинанд и Изабелла указывают: «...мы и никто иной, кроме нас, бегло просмотрели книгу, которую вы нам оставили. И чем больше мы говорим о ней, тем

больше убеждаемся, как велико значение вашего предприятия, в подробностях которого вы осведомлены в большей степени, чем кто-либо иной из смертных. Да будет угодно богу, чтобы будущее соответствовало начатому. А чтобы лучше разобраться в вашей книге, нам необходимо знать градусы [т. е. координаты], на которых расположены острова и земли, которые вы должны будете открыть [речь идет о новом, втором путешествии], и градусы пути, каким вы будете следовать ради нашего блага...».

По всей вероятности, речь идет здесь о подробном описании первого путешествия, к которому, как это явствует из текста упомянутых писем и письма королевской четы от 18 августа 1493 г., Колумб не приложил, однако, карт с указанием своего маршрута.

В португальском архиве Торре ди Томбу хранится письмо видного португальского государственного деятеля Дуарти д'Алмейда королю Жуану III от 30 ноября 1554 г., в котором д'Алмейда сообщает, что у внука Христофора Колумба, Луиса, имеется книга, написанная самим адмиралом, о «Демаркации морей и океанов». Так как при переговорах 1494 г. в Тордесильясе кастильцы, намечая линию демаркации, опирались на данные новых открытий Колумба, то можно предположить, что книга, о которой упоминает д'Алмейда, была дневником первого путешествия. Об этом свидетельствует и другой, весьма любопытный документ — лицензия Карла V от 9 марта 1554 г.; согласно лицензии, дону Луису разрешалось выпустить в свет книгу, написанную в свое время Христофором Колумбом, в которой «рассказывается о весьма значительных вещах, достойных того, чтобы о них все знали; и дабы не было забыто столь прославленное начало такого события, каким было открытие всех Индий моря-океана, справедливым будет напечатать эту книгу».

В феврале 1502 г. сам Колумб в письме к папе Александру VI указы вал: «Возрадуется и найдет успокоение моя душа, если я ныне смогу, наконец, явиться к вашему святейшеству с моим писанием (my escrytura), которое ведется мною в форме и на манер записок Цезаря; и я продолжаю вести его с первого дня и доныне, когда мне стало известно, что я должен во имя святой троицы совершить новое путешествие».

Фердинанд Колумб, младший сын знаменитого мореплавателя, в «Истории жизни адмирала» (необходимо, впрочем, отметить, что авторство Фердинанда Колумба вызывает сомнения и при этом небезосновательные), в том месте, где описывается выход флотилии из Палоса 3 августа 1492 г., пишет, что Колумб с момента отплытия «тщательнейшим образом, изо

дня в день, описывал все, что происходило в путешествии, и особенно ветры, которые дули, когда он совершал плавание, и под какими парусами [шли корабли], и течения, и все, что он видел на своем пути: птиц, рыб и иное, достойное внимания. Он всегда имел обычай так поступать в [своих] четырех путешествиях, совершенных им из Кастилии в Индии»,

И Лас Касас и Фердинанд Колумб дают подробное описание плавания Колумба с ссылкой на дневники, которые были в их распоряжении.

Таким образом, едва ли (даже если не принимать во внимание свидетельства Фердинанда Колумба — лица пристрастного — и Лас Касаса, мнения которого, как мы увидим дальше, нельзя считать вполне объективными) можно не сомневаться в том, что имелось описание первого путешествия, принадлежащее самому Колумбу.

Но в какой степени конспект копии Лас Касаса соответствует оригиналу? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ознакомиться с характером деятельности «соавтора» «Дневника» — Лас Касаса, человека, в котором страстный темперамент бойца всегда подавлял стремление к объективному описанию тех или иных исторических событий.

Полвека Лас Касас провел в борьбе за освобождение индейцев из-под гнета испанских рабовладельцев. Каждая фраза его многочисленных памфлетов, написанных тяжелым и путаным языком, была подобна неотесан ному камню, выпущенному из пращи по врагу. Этот неугомонный воитель тринадцать раз пересекал океан, то появляясь на берегах Эспаньолы или Мексики, то вновь и вновь возвращаясь в Кастилию, где он с неуемной настойчивостью хлопотал о реализации своих проектов и планов. Его знал испанский двор и король-император Карл I (V). Его видели в канцеляриях Индийского Совета и в судебных присутствиях, и на университетских кафедрах, где он выступал с обличительными речами и вел страстные диспуты со своими многочисленными противниками. Испания еще не знала книг таких гневных и яростных, как знаменитый трактат Лас Касаса «Кратчайшая история разрушения Индий» (1542 г.), где шла речь о чудовищных жестокостях, совершенных испанскими конкистадорами в Новом Свете, где клеймилась гнусная система эксплуатации индейцев. Но Лас Касас даже в самых своих страстных памфлетах, сурово обличающих практику испанских открытий и завоеваний, всегда оставался покорным сыном церкви и ревнителем «истинной веры». Человек своей страны и своего века, он чтил освященную веками католическую догму и фанатично верил в католического бога. Религиозная экзальтация

была ему свойственна в такой же степени, как и ненависть к истребителям и угнетателям индейцев, и он грозил божьим судом тем, кто «с крестом в руке и с ненасытной жаждой золота в сердце» во имя бога разорял и опустошал ново открытые земли.

Понять отношение Лас Касаса к тому или иному событию недавнего прошлого можно, лишь оценив эти глубоко противоречивые особенности его мировоззрения. Кроме того, необходимо иметь в виду, что Лас Касас был тесно связан с семейством Колумба и считал, что в процессе, который наследники адмирала вели с испанской короной, моральные права были на стороне истцов — детей и внуков первого адмирала моря-океана.

К Колумбу Лас Касас всегда проявлял необыкновенный интерес. Фигура адмирала, открывателя новых земель, обиженного и отвергнутого королями, привлекала внимание Лас Касаса. И, прежде всего потому, что, при давая божественное значение замыслу и делу Колумба, рисуя его в одеждах небесного посланца, он мог, сопоставляя с адмиралом всех последующих деятелей конкисты, легко добиться нужного ему эффекта в своих памфлетах.

Колумб, по мнению Лас Касаса, был орудием провидения. Жадные искатели легкой наживы, устремившиеся в Новый Свет, куда открыл им дорогу Колумб, втоптали в грязь ветвь мира и крест, с которым адмирал якобы отправился открывать «Индии». Лас Касас при этом готов был забыть свойственные Колумбу черты заурядного рыцаря первоначального накопления, которые проявляются в каждой строке собственных писаний адмирала. Движимый желанием довести до логического конца эффектное противопоставление адмирала-«богоносца» и «скотоподобных» конкистадоров, Лас Касас работал над материалами Колумба в семейных архивах его потомков, и рука неукротимого «великого защитника индейцев» чувствуется во многих местах «Дневника».

Ярче всего это проявляется в прологе к «Дневнику» и особенно в той его части, где речь идет о великом хане.

Версия о великом хане приводится у Фердинанда Колумба, Бернальдеса и Мартира. Весьма возможно, что при предварительных переговорах Колумба с королем и королевой упоминалось о землях и народах монгольских императоров «Катая» (в Западной Европе не знали, что уже более века прошло с того времени, когда монгольские великие ханы потеряли власть над Китаем). Но более чем сомнительно, чтобы Колумб, излагая историю этих переговоров, позволил себе язвительные намеки на равнодушие папского престола к делу обращения в христианство иноверных народов. И этот, чисто полемический, выпад и сама

формулировка задач обращения в христианство подданных великого хана выдержаны в стиле памфлетов Лас Касаса.

В «колумбианской» литературе много споров вызвал вопрос о характере источников, из которых Колумб мог получить сведения о великом хане и его стране. Назывались письмо Тосканелли португальцу Мартинсу и сомнительное послание того же Тосканелли к самому Колумбу и произведения ряда других авторов XIII, XIV и XV столетий, в том числе «Книга Марко Поло». Но в прологе к «Дневнику» ничего не говорится ни о сказочных богатствах великого хана, ни о дивных городах и храмах в его землях, ни о золоте, драгоценных камнях и жемчуге «Катая» и «Индий». А между тем все эти авторы дают яркие соблазнительные картины «богатейших» стран Востока.

Все мировоззрение Колумба определялось неуемной» страстью к наживе. Каким неподдельным пафосом дышат те строки его письма к Сантанхелю и Санчесу, где описываются действительные и мнимые богатства новооткрытых земель. А в прологе ничего не говорится о реальных, осязаемых выгодах, сопряженных с успешным выполнением миссии к великому хану, хотя естественно, что в переговорах с Изабеллой и Фердинандом, у которых ни один грош не тратился понапрасну, соображения о грядущих барышах должны были играть не меньшую роль, чем фантастические проекты спасения языческих душ. Таким образом, маловероятно, чтобы пролог, который завершается концовкой, выдержанной в манере и стиле Лас Касаса, написан был Колумбом.

В самом тексте «Дневника» имеются явные следы «целеустремленной» работы его редактора. Это бросается в глаза, если сопоставить «Дневник» с другими источниками, где описывается первое плавание Колумба.

В «Дневнике» имеется много явных пропусков или вставок, бесспорно не принадлежащих Колумбу. Трудно, например, предположить, чтобы в оригинальный текст «Дневника» не была включена инструкция, которую Колумб дал при отправлении от Канарских островов капитанам кораблей. Фердинанд Колумб в «Истории жизни адмирала» и сам Лас Касас в «Истории Индий» упоминают об этой инструкции, причем Фердинанд Колумб пишет, что в инструкции указывалось, будто в 750 лигах к западу от Канарских островов флотилия должна встретить землю. В копии-конспекте, в записях, относящихся к концу сентября, началу октября и к февралю 1493 г., весьма глухо упоминается о настроениях судовых команд, хотя другие источники сообщают нам о серьезных волнениях на кораблях, а в материалах судебного процесса, который вели наследники Колумба с

испанскою короной, имеются свидетельские показания (в опросных листах королевских фискалов) о едва не разразившемся мятеже, якобы прекращенном Мартином Алонсо Пинсоном.

В характеристике коренного населения Кубы и Эспаньолы, данной в «Дневнике», усматривается сходство с аналогичными описаниями, которые дает в других своих работах Лас Касас. В «Дневнике» все время подчеркивается гуманное отношение Колумба к индейцам — черта, отнюдь не свойственная адмиралу. Порой стиль записей, ведущихся от первого лица (т. е. от лица Колумба), кажется подозрительно сходным со стилем самого Лас Касаса, хотя в большинстве случаев характерные особенности речи адмирала точно соответствуют языку других документов, приписываемых Колумбу.

В общем, необходимо отметить, что «Дневник» нельзя рассматривать как подлинную запись событий первого путешествия. Скорей его можно считать переработкой оригинального документа, в которой полностью сохранилась первоначальная канва. На ней богатое воображение Лас Касаса расшило узоры, не свойственные подлиннику.

«Дневник» впервые был опубликован испанским историком-архивариусом Наваррете в его Coleccion de los viajes y descubrimientos, t. I и с тех пор не раз переиздавался на испанском языке и в переводах.

[2] Альхамбра (по-арабски — келат-ал-хамраа — красный замок) — цитадель Гранады, в юго-восточной части города, построенная на скале в междуречье Дарро и Хениля. Стены Альхамбры, протяженностью около 3,5 км с высокими и грациозными сторожевыми башнями, окружают целый город дворцов и мечетей. Особенно красив построенный в XIII — XIV вв. дворец в северной части Альхамбры со своими знаменитыми галереями и внутренними дворами (patio). Львиный и миртовый дворы по праву считаются непревзойденными шедеврами поздней поры мавританского (испано-арабского) зодчества.

[3] Гранада, последний оплот мавров на Пиренейском полуострове, была взята 2 января 1492 г. Захватом Гранады завершены были восьмивековые войны «реконкисты» — обратного завоевания испанских земель от мавров. Эмир Гранады сдал город на условиях капитуляции, и Фердинанд и Изабелла скрепили своими подписями договор, гарантирующий маврам личную неприкосновенность и свободу отправления мусульманского культа.

Спустя девять лет договор был вероломно нарушен, и

мавританское население города испытало на себе всю тяжесть десницы «католических» королей. Под страхом казни, пыток и изгнаний мавров стали принуждать к обращению в христианство. Но принявшие новую веру (мориски) продолжали подвергаться неслыханным притеснениям.

Церковь разжигала чувство религиозной и национальной вражды, желая любыми способами «очистить» Испанию от морисков и завладеть их землями и богатствами. Мориски не раз восставали против притеснения и гнета. Филипп II с невероятной жестокостью подавил альпухарское восстание морисков (1568—1571), а в 1609—1610 гг. все проживающие в Испании мориски были изгнаны из пределов страны, причем их имущество и земельные владения были захвачены испанской знатью, монастырями, духовными орденами и церковными магнатами.

[4] Титул великих ханов носили потомки Чингиз-хана в колене одного из его внуков — Монке, к которому после долгих усобиц перешла власть над необъятными монгольскими владениями. Двор одного из великих ханов, Хубилая (1259—1294), посетил Марко Поло, из конца в конец прошедший все покоренные монголами земли Азии. В XIII веке и первой половине XIV века великие ханы правили гигантской территорией, которая простиралась от Желтого моря до Тигра. В XIV столетии царство великих ханов распалось на множество самостоятельных феодальных владений. Средняя Азия, в последней четверти этого века, явилась центром, откуда распространял свои завоевания удачливый полководец Тимур Ленг (Тамерлан) (1336—1405), империя которого оказалась, однако, весьма недолговечной.

Западная Европа ознакомилась со странами великих ханов по описаниям Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло и по запискам авантюриста и литературного фальсификатора, кавалера Джона Мандевиля, который, по материалам подлинных путешествий в страны восточной и южной Азии, создал увлекательную и полную небылиц книгу. Она пользовалась огромной популярностью в XIV и XV столетиях.

Кастилия в самом начале XV века попыталась вступить в непосредственные сношения с востоком. Посол короля Энрике III, Клавихо, направлен был к Тимуру Ленгу, но добрался до Самарканда, когда грозного завоевателя уже не было на свете. Клавихо оставил «Путеводитель», в котором описывалось его путешествие из Кастилии в Среднюю Азию.

[5] Евреи были изгнаны из Испании указом Фердинанда и

Изабеллы от 30 марта 1492 г. Таким образом, либо Лас Касас, либо Колумб допускают ошибку, когда говорят, что повеления королевской четы даны были в январе 1492 г., после того как евреи подверглись изгнанию. Переговоры Колумба с Фердинандом и Изабеллой завершились под писанием капитуляции [договора] 17 апреля. Очевидно, речь идет поэтому не о январе месяце, а об апреле.

[6] Канарские острова, известные еще римлянам, были вторично открыты европейцами на рубеже XIII и XIV столетий. Интерес к этому небольшому архипелагу, лежащему в исходном пункте новых торговых путей, проявляли обе пиренейские державы. В самом начале XV века на одном из восточных островов архипелага — Лансароте — утвердился нормандский авантюрист Бетенкур, объявивший себя ленником кастильского короля. В дальнейшем, на протяжении всего XV столетия, острова Лансароте, Гомера и Гран-Канария находились во власти кастильцев, которые со зверской жестокостью обрекли на истребление и вымирание коренное население островов — гуанчей. Западные острова Иерро и Тенериф завоеваны были Кастилией в период 1493—1512 гг. Канарские острова были яблоком раздора для двух держав-соперниц, Испании и Португалии. Португальцы, проложившие в первой половине XV века путь к Гвинее и заинтересованные в овладении всеми островами, что лежали у западных берегов Африки, не раз пытались захватить Канарский архипелаг. По кастильско-португальскому соглашению 1479 г., утвержден ному папой Сикстом IV в 1481 г. (соглашение в Алькасовас и папская булла Aeterni Regis), Канарские острова оставались во владении Кастилии (см. комментарии к булле Inter caetera № 2). Значение их для осуществления предприятия, задуманного Колумбом, было весьма велико. То обстоятельство, что корабли его могли при отправлении в путь к берегам неведомых земель базироваться на эту далеко выдвинутую в Атлантику группу островов, в немалой степени способствовало успеху предприятия Колумба.

[7] Отсчет румбов во времена Колумба велся по системе, в основу которой была положена роза ветров со следующими обозначениями: полные румбы именовались «ветрами», половинные и четвертные доли румбов носили соответственно названия «полуветров» и «четверть ветров» или просто «четвертей». Таким образом, на картушке компаса, которым пользовался Колумб, каждому «ветру» соответствовали 45°, «полуветру» — 22,5° и «четверти» — 11,25°. Когда Колумб пишет,

что он взял курс запад, четверть к юго-западу, то это значит, что он направил корабль на запад, четверть румба к юго-западу или, по принятому в русском флоте обозначению, на ЗтЮЗ.

Переход от Палоса к Канарским островам занял у Колумба шесть дней. Обычно испанские корабли покрывали расстояние 1 050—1 100 км, отделяющее андалусские порты от Гран-Канарии или Лансароте, за семь-девять дней. Часть Атлантического океана между берегами Испании и Канарскими островами в XV веке называлась Заливом кобыл (Golfo de las Yeguas), так как на кастильских кораблях, перевозивших на Канарские острова скот, много кобыл околевало в пути.

[8] Легенды о таинственных островах в Атлантическом океане с глубокой древности волновали воображение европейцев. В XIII—XIV столетиях на картах мира появлялись в разных пунктах Атлантического океана, то близ экватора, то к западу от Азорских островов, то на параллели Ирландии, таинственные острова, о которых ходили всевозможные легенды. Наиболее живучими и стойкими были мифы о цветущем острове Антилье, острове Св. Брандана и архипелаге Семи городов. На глобусе Мартина Бегайма 1492 г. остров Св. Брандана показан близ экватора на 54 градусе западной долготы, Антилья же помещена чуть севернее тропика Рака, на полпути между Азорскими островами и областью, где на наших картах отмечены Малые Антильские острова. В XV в. испанцы и португальцы бороздили воды Атлантики вблизи Канарских островов, Азорского архипелага и Мадейры в поисках этих легендарных островов. Они продолжали искать их долгое время спустя после открытия Америки в XVI, XVII и XVIII веках. Даже в наше время старые рыбаки на Гомере и Иерро верят в существование острова Св. Брандана, который то поднимается из океанских пучин на поверхность моря, то вновь погружается на дно. Крайне любопытны те места «Дневника», где упоминается о встрече Колумба с моряками, якобы плававшими к таинственным островам. Несомненно, Колумб в бытность свою в Лиссабоне встречался с португальскими моряками, которые совершали плаванье в различных частях Атлантического океана. Отзвуки вестей об этих плаваньях Колумб мог услышать в Лиссабоне или на Азорских островах.

[9] Трудно сказать, насколько был достоверен этот слух. Несомненно только, что король Жуан II пристально следил за всеми испанскими морскими экспедициями, опасаясь, что Фердинанд и Изабелла нарушат условия Алькасовасского

соглашения, по которому воды Атлантики к югу от Канарских островов признавались доступными только для португальских кораблей. Возможно, что к Канарским островам была послана португальская эскадра, которой поручено было следить за Колумбом. Но португальцы применили бы к кастильским кораблям «санкции», вероятно, лишь в том случае, если бы последние направились к берегам Зеленого Мыса или Гвинеи.

[10] Явления магнитного склонения были известны и в Европе и в странах Восточной Азии задолго до путешествия Колумба. Сохранились многочисленные свидетельства, относящиеся к XIII столетию, которые достаточно убедительно говорят об этом. Таким образом, нельзя приписывать Колумбу честь открытия магнитного склонения. Вероятно, однако, до первого плавания Колумба в Европе не было известно западное магнитное склонение. Везде, где до этого плавали европейские моряки, в те времена магнитное склонение было восточным. Любопытны замечания Колумба о Полярной звезде. Полярная звезда была для мореплавателей того времени единственной точкой, по которой они могли проверить правильность магнитной стрелки. Необычное явление — отклонение магнитной стрелки к западу — заставило Колумба усомниться в постоянстве поведения Полярной звезды. Именно поэтому адмирал и говорит, что ему кажется, будто не стрелка компаса, а Полярная звезда совершает движение.

[11] 16 сентября Колумб вступил в пределы «Саргассова моря» — части Атлантического океана между Бермудскими островами, Антильским и Азорским архипелагами, получившей свое название от большого скопления здесь плавающих бурых саргассовых водорослей. Это — многолетние, длинные (до 4—6 и даже 10 м в длину) растения, часто имеющие сильно разветвленную форму. Их боковые ответвления листообразной формы напоминают отростки стеблей высших растений. «Саргассово море» занимает в Атлантическом океане огромную площадь. Воды его обладают большой соленостью и чистым голубым цветом. Это «море» заключено, в замкнутом кольце атлантических течений — Гольфстрима Канарского и Северного-экваториального. То, что Колумб принял за плоды, на самом деле было не что иное, как наполненные воздухом пузыри, позволяющие водорослям удерживаться на поверхности.

[12] Колумб и его спутники, одержимые желанием поскорее увидеть землю (а Колумб предполагал, что земля будет встречена

на расстоянии 750 лиг от Канарских островов), склонны были считать любую примету верным признаком близости суши. Частые упоминания об этих признаках свидетельствуют о волнении, которое испытывал адмирал. Однако ни чайки, ни фрегаты, ни киты, ни грозовые тучи не могут служить признаком близости суши. Как известно, киты и фрегаты встречаются в открытом море за сотни и тысячи километров от берега. Также не являлись признаком суши «травы», замеченные моряками в море за 26 дней до открытия первой земли в «Индиях». «Травы» эти были водорослями Саргассового моря. Подлинные признаки земли Колумб заметил лишь накануне открытия острова Гуанаханй, 8—11 октября.

[13] Оценка пройденных расстояний, приводимая в «Дневнике», издавна была камнем преткновения для всех исследователей. Прежде всего неясно, чему эквивалентна «лига» — единица измерения, принятая Колумбом. Сам Колумб часто отмечает, что лига равна 4 итальянским милям. В этом случае длина лиги должна была бы составить 1 481 X 4 = 5 924 м. Однако, если принять эту единицу в основу расчета расстояний, пройденных Колумбом в первом путешествии, то окажется, что дистанции, показанные в «Дневнике», по крайней мере на 8—10% превышают истинные. Некоторые исследователи предполагают, что у Колумба лига была равна не 4 итальянским милям, а меньшей величине, возможно 4 392 м. Разумеется, восстановить истинное значение мер длины, принятых Колумбом, не представляется возможным, а так как трасса пройденного Колумбом в первом плавании пути может быть намечена только приближенно, то не легко определить, насколько близкой к истине была оценка расстояния, покрытого флотилией на пути от Канарских островов к Эспаньоле.

[14] О настроениях экипажей флотилий в «Дневнике» имеются лишь беглые и неясные замечания в этой записи и в записи от 14 февраля 1493 г., но в материалах тяжбы короны с наследниками Колумба имеются свидетельские показания участников первого плавания, данные королевскому фискалу, в которых тревожные события, имевшие место на флотилии, излагаются весьма подробно. Но ценность этих показаний ничтожна, поскольку корона, стремясь умалить заслуги Колумба и приписать Пинсону честь открытия новых земель, определенным образом «ориентировала» свидетелей. Материалы этой тяжбы создают версию о серьезных волнениях на кораблях, вызванных тем, что судовые команды были недовольны Колумбом

и настаивали на возвращении в Кастилию. Открытый мятеж якобы предотвратил Пинсон, который убедил моряков, что искомая земля близка. Иная версия приводится у Лас Касаса в его «Истории Индий». Лас Касас пишет: «По мере того как бог давал им [морякам] все больше и больше явных примет, указывающих на близость земли, все более и более возрастали нетерпение и непостоянство и все пуще возмущались [моряки] против Христофора Колумба. И днем и ночью все, кто бодрствовал, не переставали ни на минуту роптать и все, кто мог общаться друг с другом, соединялись, обсуждая, каким образом можно вернуться [в Кастилию]. При этом люди говорили, что было бы безумием и самоубийством рисковать своей жизнью, чтобы следовать безумным замыслам какого-то чужеземца, который готов принять смерть, лишь бы только сделаться большим господином, — и [того ради] очутился в том бедственном положении, в котором и он и они все находятся ныне.

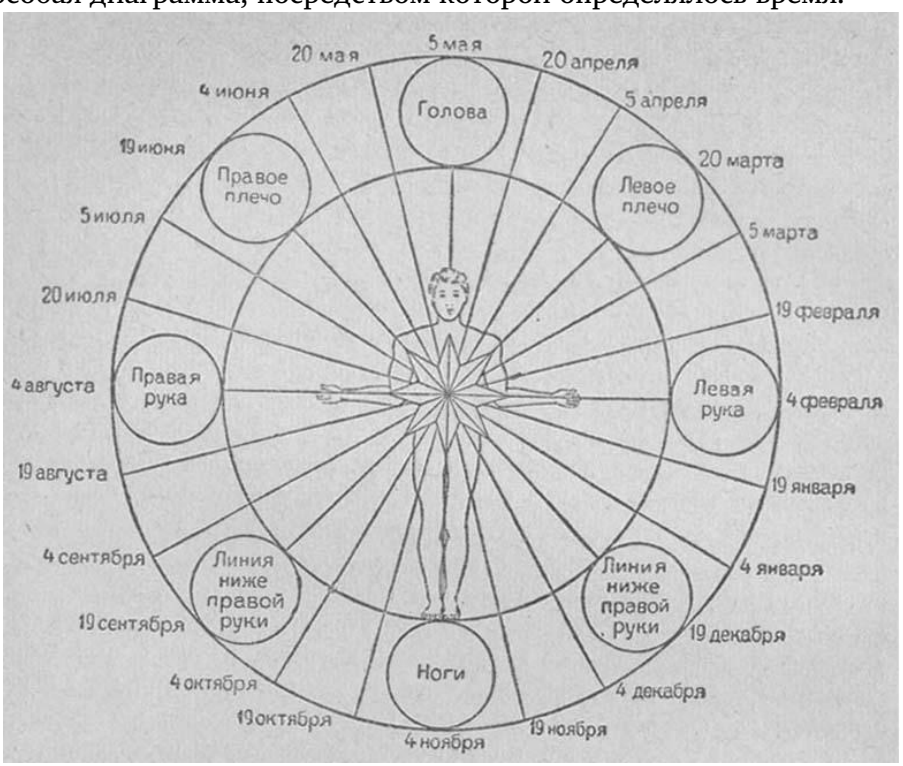
И что обманывал он множество людей, особенно когда, противоборствуя столь великим и ученым людям, ратовал за свое предприятие или, вернее говоря, за свои бредни, которые и оценивались как суета и безумство, и когда говорил он, что для их выполнения достаточно дойти до тех мест, куда доселе еще никто не доходил и не отваживался доплывать... некоторые заходили еще дальше, говоря, что лучше всего было бы сбросить его в море, если он будет упорствовать, настаивая на, продвижении вперед, а затем объявить, что он упал в море, когда определял высоту Полярной звезды квадрантом или астролябией; ведь так как был он чужеземцем, мало найдется людей или совсем таковых не будет, кто потребовал бы к ответу содеявших подобное, но зато найдется бесчисленное множество таких, кто будет утверждать, что подобный конец уготован был ему богом по заслугам за дерзость. В таких и подобных им разговорах проводили время моряки. И так говорили они день и ночь напролет; и ко всему причастны были Пинсоны, капитаны и старейшины всего люда, ибо все прочие моряки были уроженцами и жителями Палоса и Могера, и к Пинсонам все обращались и с Пинсонами вместе все сетовали...». Далее Лас Касас отмечает, что Колумб, заметив настроение экипажа, вел себя с большой выдержкой и мужеством, настойчиво добиваясь осуществления своего замысла.

[15] «Вилохвостка» (Rabiforcado) — фрегат — птица океанических побережий тропического пояса с коротким изогнутым клювом, длинными сильными крыльями и хвостом, раздвоенным в виде буквы V. Эти птицы отнюдь не являются

признаком земли, так как они могут залетать за сотни километров от берега.

[16] Стражницы (Guardas) — звезды alfa и beta в созвездии Большой Медведицы, Эти звезды, вращаясь вокруг Полярной звезды, описывают за 24 часа полный круг. Во времена Колумба было известно, что эти звезды в течение одного года меняют свое положение относительно Полярной звезды таким образом, что в начале мая, в полночь, они стоят прямо над Полярной звездой; в начале февраля, в тот же час, располагаются на 90° к востоку, в начале ноября занимают позицию, противоположную майской, а в первые дни августа находятся на 90° к западу от своего положения в мае.

Таким образом, мореплаватели, зная наперед, в каком положении относительно Полярной звезды будут находиться в полночь любого дня - звезды alfa и beta, могли исчислять по ним время, приняв во внимание, что за 24 часа эти звезды описывают полную окружность, и что, следовательно, за один час они, подобно стрелке часов, описывают дугу в 15°. Существовала особая диаграмма, посредством которой определялось время.



Она имела вид круга с фигурой человека в центре. На груди фигуры, точно в геометрическом центре круга, было изображение Полярной звезды.

На окружности, через равные промежутки в 45° (промежуток этот назывался линией), нанесены были полночные положения Стражниц в различные времена года. От Полярной звезды к каждой из этих позиций шли радиальные лучи, которые пересекали голову, руки, плечи и ноги человеческой фигуры.

По частям тела, которые пересекались радиальными линиями, назывались и положения Стражниц в то или иное время года.

Пример определения времени по звездам alfa и beta приводится в записи дневника от 30 сентября. В полночь 30 сентября эти звезды должны были находиться на линии (т. е. на 45°) ниже правой (западной) руки (см. диаграмму). Колумб отмечает, что вечером они находились у правой руки, а на рассвете одной линией ниже левой руки, и что за ночь прошли три линии. Следовательно, первое наблюдение Колумба относится к 9 часам вечера, второе к 6 часам утра, так как именно за этот промежуток времени звезды alfa и beta могли переместиться на три линии, т. е. на 135°.

По Полярной звезде ночью и по солнечным часам днем мореплаватели могли определять местное время, а подобные определения были необходимы им в повседневной навигационной практике.

[17] Остров Сипанго (Чипанго или Джипанго в итальянском произношении) впервые упоминается у Марко Поло. Марко Поло помещает Сипанго на расстоянии 1500 ли (китайских миль) от берегов Китая, Сипанго — остров, с которым и у Марко Поло и у европейских картографов XIV и XV столетий связаны были представления о Японии, указывался на многих картах того времени. Этот остров нанесен был на ту таинственную карту, которую имел у себя Мартин Алонсо Пинсон. Колумб, подобно всем своим современникам, сильно преувеличивал расстояние (по сухопутью) между западными берегами Европы и восточными землями Азии и соответственно преуменьшал ширину «Западного» океана.

[18] Эскривано (escribano). В равной степени под эскривано могут подразумеваться и писцы разных родов, и нотариусы. В буквальном переводе эскривано точно соответствует русскому слову «писец» (и в испанском и в русском языке слово это восходит к одному и тому же глаголу «escribir» — писать). Во флотилии Колумба эскривано был нотариусом и главное его назначение состояло в формальном засвидетельствовании актов на ввод во владение королей Испании новооткрытыми землями.

[19] Здесь идет речь о коренных жителях Канарских островов — гуанчах. Гуанчи в XV веке населяли все крупные острова этой группы. Судя по скудным сообщениям европейцев, в то время посетивших Канарские острова, гуанчи говорили на разных наречиях, родственных современным берберским языкам северо-западной Африки. По облику они, однако, отличались от берберов, и антропологи склонны им приписывать скорее древнеевропейское, чем африканское происхождение. Гуанчам Гран-Канарии и Фуэнтевентуры был известен гончарный круг. Они обрабатывали землю мотыжным способом и разводили коз. На Гомере и Пальме гуанчи стояли на более низком уровне развития. Форма родового строя характерна была для всех племен, населявших Канарские острова. Кастильские хронисты свидетельствуют, что на восточных островах Канарской группы существовали «государства» с «королями» и со словным делением. Вероятнее всего эти «государства» были конфедерациями племен, управляемых советами родовых старейшин. Гуанчи оказали героическое сопротивление кастильским завоевателям. В течение ста лет шла неравная борьба между гуанчами и вооруженными до зубов отрядами захватчиков. В результате большая часть жителей островов была истреблена. Колумб не раз упоминает о коренных жителях Канарских островов. В письме к Фердинанду и Изабелле, в котором он дает отчет о своем третьем путешествии, с гуанчами сравниваются индейцы острова Тринидад.

[20] Фернандина — остров в группе Багамских островов. Современное название Лонг-Айленд (Долгий остров). Назван в честь короля Фердинанда.

[21] По всей вероятности имеется в виду *табак.*

[22] «Сети из хлопковой пряжи» — гамаки.

[23] Ошибка в тексте дневника. Ни на одном из кораблей не было маэстре по имени Диего. Вероятно, имеется в виду Диего Лоренсо — контрамаэстре (корабельный мастер) «Ниньи».

[24] Плиний (Плиний Старший) — Гай Плиний Секунд (24—79гг. н.э.) — автор «Естественной Истории» — подлинной энциклопедии естественных наук античной эпохи. В 36 книгах этого труда содержались сведения о животном и растительном мире, о народах, населяющих мир, географические описания, астрономические и космографические данные.

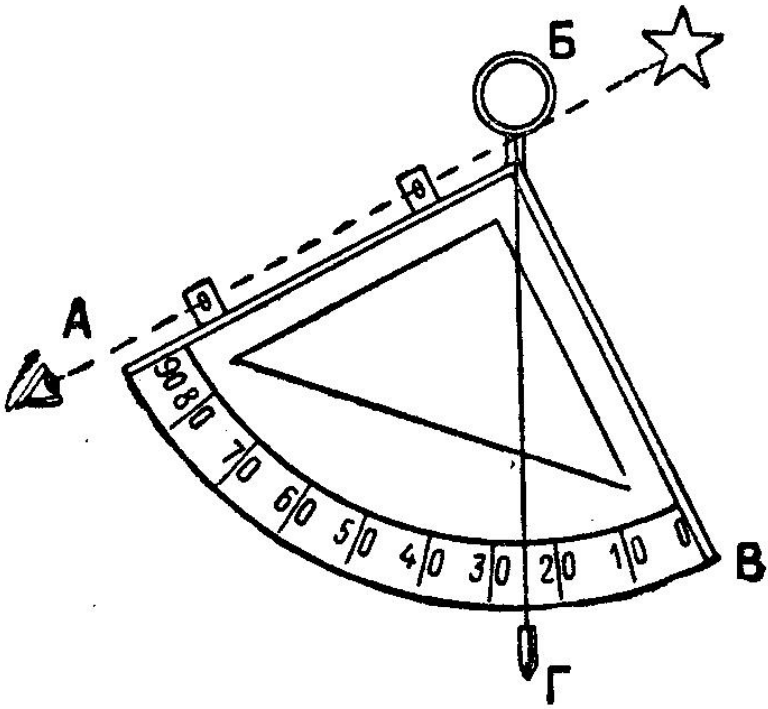
Колумб вряд ли знаком был с Плинием в оригинале. Он, однако, мог встретить выдержки из Плиния в «Зерцале мира» (Imago Mundi), Пьера д'Альи и в космографии Энея Сильвия Пикколомини (папы Пия II).

[25] Это место в «Дневнике первого путешествия» вызывает интерес у биографов Колумба, поскольку Лас Касас приводит здесь слова адмирала, свидетельствующие, что он в свое время был на острове Хиосе, в Архипелаге. Однако прямых доказательств посещения Колумбом Хиоса нет.

[26] Замечание о «едином языке» на всех островах Индий, разумеется, лишено оснований. Сам Колумб неоднократно опровергает его, когда говорит, что индейцы, захваченные им на Гуанахани, не понимают языка обитателей Кубы. Индейцы Больших Антильских и Багамских островов говорили по крайней мере на семи или восьми языках. О планах работорговли см. статью «Открытие Америки и зарождение системы эксплоатации ее коренного населения».

[27] Имеются в виду различные виды ямса и бататов (см. комментарий 32).

[28] Квадрант был простейшим инструментом для определения высоты стояния небесных светил над горизонтом.



Он имел вид деревянного сектора, соответствующего четверти правильного круга. Стороны *АБ* и *БВ* были равны между собой и сходились в точке *Б* под прямым углом. Дуга *АВ* разделена была на 90 частей (градусов) .

В точке *Б* прикреплялся на тонкой шелковой нити свинцовый грузик (отвес).

Для определения высоты стояния какого-либо небесного светила наблюдатель устанавливал квадрант таким образом, что сторона *АБ* находилась на линии, проведенной от глаза к наблюдаемому объекту. Угол *ВБГ* между стороной *БВ* и нитью отвеса являлся в этом случае искомым.

Разумеется, квадрант — инструмент весьма неточный. Пользование им становилось почти невозможным в открытом море, когда даже легкое волнение препятствовало правильной установке инструмента. А между тем именно в условиях дальних морских переходов особенно острой была нужда в определениях широт, которые, разумеется, были невозможны без угломерных инструментов.

Вряд ли данные определения широт по квадранту искажены переписчиком рукописи «Дневника», как это предполагает Лас Касас. По всей вероятности, квадрант, которым пользовался Колумб, был неисправен.

Колумб сам отмечает это обстоятельство в записи от 21 ноября, в которой он указывает, что не будет до тех пор

пользоваться квадрантом, пока на берегу не исправит его.

Испанский историк Наваррете предполагал, что ошибка в исчислении широты была вызвана тем, что в квадранте Колумба цена одного деления была вдвое меньше нормальной. Если это пред положение справедливо, то ошибка, допущенная Колумбом, становится незначительной, так как при двойной цене деления широта того пункта, где производил определения Колумб, оказывается равной не 42, а 21 градусу. Истинная широта пункта, где Колумб вел свои наблюдения, — 23°.

Таким образом, пред положения Наваррете кажутся справедливыми. Однако мало вероятно, будто Колумб, понимая, что показания квадранта получаются ошибочными, не принял во внимание особенности шкалы квадранта. Лас Касас, отмечая, что Колумб допустил ошибку и что остров Куба не может лежать под 42-м градусом, делает на полях «Дневника» примечание, в котором он указывает, что если это определение было бы справедливым, то Куба оказалась бы на широте «Флориды». Нас не должно удивлять это замечание, хотя ныне хорошо известно, что Флорида лежит между 24 и 31 градусом с. ш. В XVI веке Флоридой называлась у испанцев огромная территория, которая простиралась вдоль побережья Атлантического океана почти до рубежей Канады.

[29] Весьма примечательное место в записях Колумба, позволяющее оценить «истинность» утверждений испанцев о людоедских наклонностях караибов. Версия о каннибалах — пожирателях человеческого мяса — возникла на основе неправильно понятых объяснений индейцев, взятых в плен Колумбом на Гуанахани.

Слухи о людоедах, населяющих некоторые острова «Индий», подействовали на воображение всех кастильских мореплавателей, которые стали усиленно собирать «доказательства», подтверждающие предположения Колумба. А спустя несколько лет после открытия первых американских земель, под предлогом борьбы с индейцами-людоедами, кастильские колонисты стали совершать набеги на Малые Антильские и Багамские острова, уничтожая и обращая в рабство их жителей, под предлогом борьбы с «бесчеловечными обычаями». Сам Колумб, используя им же созданную легенду о каннибалах-людоедах, в 1494 г. разработал программу обращения в рабство индейцев, относимых к этой группе.

[30] Исключительно, ценное и важное наблюдение, Колумб (или Лас Касас, говорящий устами адмирала) отмечает, что у

индейцев острова Кубы имел место родовой строй. Это соображение подкрепляется метким и верным указанием на то, что значительные группы индейцев, принадлежащих к одному роду, жили сообща в больших домах. Любопытно, что первые путешественники, посетившие Америку, отчетливее представляли себе истинную структуру общественного уклада индейских племен, чем те европейцы, которые посещали американские земли в XVII и в XVIII столетиях.

Разумеется, Колумб и его современники «феодализировали» в своих записях социальный строй индейских племен. Но, как непосредственные наблюдатели, они порой улавливали специфические особенности, не свойственные европейскому укладу, и поэтому так ценны для этнографов материалы первооткрывателей, познакомившихся с коренным населением Америки в ту эпоху, когда она еще не испытывала на себе пагубного влияния «цивилизации».

[31] Лас Касас в «Истории Индий» указывает, что он не понимает «почему подобное название было дано этому острову. И на Кубе и на Эспаньоле был один и тот же язык, но на этом языке остров [о котором идет речь] назывался Хаити (Haiti) — последняя гласная в этом слове долгая и ударная. По непонятным причинам остров получил имя Бохио, которым у индейцев обозначались их дома, сооружаемые из соломы».

[32] Речь идет о плодах ямса или ньяма (местное название — ахе). Ямс (Dioscorea) — растение тропического пояса, образующее мощные клубни, богатые крахмалом. Индейцы изготовляли из сушеных клубней ямса муку, а затем из этой муки пекли лепешки, которые назывались «касаби». Этот «хлеб» из «ньямов» был основной пищей коренных жителей Эспаньолы.

[33] Счет времени на кораблях Колумба велся по «ампольетам» (ampolletas) — песочным часам. Работа этого примитивного механизма зависела от усердия и расторопности дежурного юнги, который был обязан через каждые полчаса перекидывать склянки. (Песок пересыпался из верхней склянки-ампольеты в нижнюю именно за этот промежуток времени.) Разумеется, пользование ампольетами сопряжено было с большими неудобствами. Для того, чтобы узнать время суток, приходилось пересчитывать число получасовых интервалов, которые протекли от момента наблюдения по солнечным часам или по созвездию Большой Медведицы (см. комментарий 16). В ясные дни эти определения были возможны, но в ненастье моряки

вынуждены были полагаться на отметки дежурного, причем порой в течение нескольких дней нельзя было проверить и установить точное полуденное время.

За два-три дня при отсчетах времени по «ампольетам» могли быть допущены грубые ошибки.

[34] Тортуга, открытая Колумбом в декабре 1492 г., сравнительно небольшой остров у северного берега Эспаньолы (площадь его около 300 кв. км). Остров этот отделяется от Эспаньолы проливом шириной 10 км. В XVII веке остров Тортуга стал прибежищем пиратов, грабивших испанские корабли, которые перевозили из Америки в Европу различные ценности.

На Тортуге возникла своеобразная пиратская «республика», просуществовавшая более полстолетия.

[35] Так называли индейцы на Эспаньоле своих вождей. Разумеется, «касики» не были «королями» новооткрытых земель. Сохраняя в переводе употребляемые испанскими авторами синонимы слова касик — «король», «сеньор» и т. д., мы желаем обратить внимание читателей на то обстоятельство, что испанцы применяли термины испанской феодальной системы к элементам родового строя. Касики были старейшинами рода или племени, а не феодальными сеньорами.

Любопытно, что испанцы называли касиками вождей индейских племен на американском континенте, хотя языкам Мексики и Перу и не было известно это слово.

[36] Святая Мария из О — святилище в горах Кастилии — неподалеку от Сеговии, названо так потому, что со всех сторон замкнуто цепями гор, образующими овальный контур в виде буквы О.

[37] Это место представляет для биографов Колумба значительный интерес. Устами Лас Касаса Колумб сообщает, что он «ходит по морю 23 года». Если принять эту версию, то окажется, что уже в 1469 г. Колумб стал моряком. Между тем, по материалам генуэзских архивов удалось установить, что еще в 1471 г. Колумб жил в Генуе и занимался ткацким ремеслом.

[38] Все эти сентенции о искренней любви Колумба к индейцам — плод измышлений Лас Касаса. Не только поступки, но и подлинные слова Колумба (см. его письмо Сантанхелю и Санчесу и «Мемориал», посланный королям в 1494 г.) свидетельствуют, что адмирал менее всего руководствовался

соображениями гуманности в своей практической деятельности.

Лас Касас, однако, не скрывает, что испанцы — спутники Колумба — вели себя по отношению к индейцам как истинные грабители и мошенники. Лас Касас говорит — «но даже не давая ничего, они [испанцы] стремились взять и захватить все». В этих немногих словах выражена сокровенная сущность мировоззрения рыцарей первоначального накопления, мировоззрения, присущего Колумбу в той же степени, как и его спутникам.

[39] Здесь Лас Касас или Колумб «феодализируют» общественный строй индейцев: «нитайно» — не гранды, а родовые старейшины. Разумеется, у индейцев Эспаньолы не было ни губернатора, ни судей, ни рыцарского сословия.

[40] Лас Касас в «Истории Индий» пишет: «все бронзовые вещи индейцы ценили больше, чем что-либо другое. Поэтому за наконечник от агухеты давали они без труда все, что только было у них под руками. Бронза называлась у индейцев — «турей» — «небесная вещь».

[41] Эспингарда — старинная пушка небольшого калибра. В Испании эспингардой называлась также очень длинная и тяжелая пищаль — из любленное оружие мавров.

[42] Юный индеец говорил не об островах, а о различных областях острова Эспаньолы, названия которых приведены в «Дневнике» неточно.

[43] Здесь, как указывает Лас Касас, ошибка в тексте «Дневника». Имеется в виду не Родриго, а Хуан Перес, настоятель монастыря Рабида и один из наиболее энергичных покровителей Колумба.

[44] Заповеди Колумба его спутникам, остающимся в Навидаде, выдержаны в стиле, который весьма мало свойственен адмиралу. Эта длинная проповедь вероятно от первого до последнего слова вставлена в копию-конспект «Дневника» Лас Касасом. Все изложение «восьми заповедей» ведется ретроспективно. Лас Касасу превосходно была известна судьба 39 испанцев, оставленных в Навидаде. Зная об этом, он влагает в уста Колумба речь, в которой адмирал, с прозорливостью ясновидца, предостерегает своих сотоварищей и повелевает им не совершать как раз те проступки, которые явились причиной их гибели.

[45] Речь идет, видимо, о реке Яки.Лас Касас в примечании на полях «Дневника» указывает, что в песках реки Яки действительно добывалось золото. Однако он отмечает, что «адмирал вероятно полагает, будто все, что блестит, золото» и принял за этот металл золотистые блестки «магазита» (по всей вероятности, так называл Лас Касас пирит).

[46] Не совсем ясно, имеет ли в виду Колумб сирен или речь идет здесь о дельфинах. Испанское слово «serena» в одинаковой степени может быть отнесено и к мифическим сиренам и к вполне реальным дельфинам. В существование сирен верили моряки не только в XV веке, но и столетие спустя, в начале XVII века. Гудсон описывал внешний вид сирен, встретившихся ему в заморском плавании.

[47] Основываясь на этой записи в «Дневнике», биографы Колумба полагают, что он прибыл в Кастилию в январе 1486 г., что подтверждается и иными, косвенными свидетельствами.

[48] Франсиско Ролдан — спутник Колумба в первом плавании, впоследствии главный судья («судья-правитель») на острове Эспаньоле. Ролдан был зачинщиком мятежей и смут на острове и душой заговора кастильских поселенцев, направленного против Колумба. О Ролдане см. также статью «Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения» и комментарий к охранному письму Ролдану.

[49] Корабль 6 февраля находился на 36° с. ш. и 41° з. д. Между тем Ролдан полагал, что «Нинья» зашла значительно дальше к востоку (при мерно до 36° з. д.) и что она идет на широте Порту Санту, т. е. на 33° с. ш. Висенте Яньес Пинсон считал, что «Нинья» 6 февраля зашла еще дальше к востоку, чем это предполагал Ролдан (остров Файял лежит на 28°40' з. д.). 7 февраля Пералонсо Ниньо определил положение «Ниньи» с еще большей погрешностью. По его расчетам, корабль находился на 26° з. д. и 34° с. ш., тогда как 7 февраля «Нинья», вероятно, пересекла только 38° з. д. и шла на 37° с. ш. Именно эти расчеты и привели 10 февраля всех пилотов к ошибочному заключению, будто «Нинья» вступила в воды Мадейры и Порту Санту, оставив позади себя Азорские острова. Если верить Лас Касасу, Колумб правильнее определил 10 февраля положение «Ниньи». Пересечение меридиана Файяла и широтной линии, проходящей

через Нафе (близ нынешней Касабланки), дает координаты — 28°45' з. д. и 33°30' с. ш. Фактически «Нинья» 10 февраля находилась на 33° з. д. и 36° с. ш. Таким образом, 10 февраля пилоты ошиблись в определении пункта, где находилась «Нинья», на 1 200 км, а адмирал — на 400 км.

[50] Речь идет о двенадцатилетнем Диего и четырехлетнем Фернандо [Фердинанде] — сыновьях Колумба, оставленных им в Кордове.

[51] В записи 10 февраля отмечается, что адмирал, возражая пилотам, утверждал, что «Нинья» находится на долготе Файяла и на широте Нафе (Касабланки). Во время шторма трудно было высчитать пройденное расстояние, и поэтому предположение Колумба о том, что 15 февраля «Нинья» должна была находиться у Азорских островов (если только мнение это не внесено в «Дневник» Лас Касасом), свидетельствует, что он хорошо ориентируется на море; впрочем, едва ли можно поставить в вину его пилотам допущенные ими ошибки, если учесть признание адмирала, сделанное им в записи от 18 февраля, в которой он говорит, что намеренно вводил в заблуждение пилотов и моряков, желая «остаться господином дороги в Индии...».

[52] Здесь Колумб впервые упоминает о «земном рае», лежащем у предела востока.

Впоследствии, совершая свое третье плавание, Колумб искал этот рай на открытых им берегах южноамериканского материка. Рассуждениями о местоположении «земного рая» заполнено его письмо королю и королеве о результатах третьего путешествия, которое помещено в этой книге.

[53] Бартоломеу Диаш (в испанском произношении Бартоломе Диас) — знаменитый португальский мореплаватель, обогнувший в 1486—1487 гг. мыс Доброй Надежды.

[54] Речь идет об алькасовасском соглашении 1479 г., по которому кастильским кораблям запрещался доступ в воды, омывающие западные берега Африки. Об алькасовасском соглашении см. комментарий к булле Inter caetera № 2.

[55] Эспадин — старинная золотая монета, имевшая в XV веке хождение в Португалии.

Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в Raccolta di documenti e studi publican dalla Reale Commissione

Colombiana, parte I, vol. I, p. 1—120, Roma, 1892, и сверен по изданиям M. F. Navarrete, Coleccion de los viajes y descubrimientos... v. I, p. 153—313, Madrid, 1858. В процессе работы над переводом, помимо указанных версий, опубликованных на испанском языке, использовались также современные итальянские, французские и английские переводы «Дневника».

Экипаж «Санта Марии», «Ниньи» и «Пинты»

Королевскими грамотами от 30 апреля 1492 г. «палосским людям» (los de Palos) предписывалось в десятидневный срок снарядить корабли для заморской экспедиции адмирала моря-океана — Кристобаля Колона (Христофора Колумба). Одновременно было объявлено, что требуются матросы и иные сведущие в морском деле люди на корабли, которые скоро должны отправиться «в некую страну, что лежит в море-океане, для неких дел, выполняемых на нашей [т. е. королевской] службе».

Туманная и загадочная формулировка конечных целей экспедиции и ее маршрута и отсутствие в документах, датированных 1492 г., ссылок на «Индии», «Сипанго» (Японию), «Катай» и прочие восточноазиатские земли, побудила в свое время американца Виньо полностью отвергнуть традиционную трактовку предприятия Колумба как плавания к странам востока западным путем. Чернильные турниры, в которых немало перьев было сломано последователями Виньо и их ярыми оппонентами, ведутся на Западе до сих пор, причем и та, и другая сторона строят всю свою аргументацию на произвольном толковании не менее произвольно подобранных документов, совершенно игнорируя реальную историческую обстановку, в которой велась подготовка экспедиции Колумба. Но каковы бы ни были подлинные цели экспедиции и причины, побудившие Фердинанда и Изабеллу излагать так неясно свои грамоты и указы, обращенные к широкой публике, необходимо отметить, что атмосфера тайны, окружавшая экспедицию, не содействовала успеху вербовки экипажей.

В материалах судебного процесса, который наследники Колумба вели с испанской короной, имеются свидетельские показания участников первого плавания и жителей Палоса, Могера и Уэльвы, данные спустя 22 года после благополучного возвращения Колумба из первого путешествия. Почти все очевидцы памятных событий лета 1492 г. утверждают, что людьми овладел страх при мысли о плавании в неведомые воды.

Сам Колумб в момент составления апрельских грамот отлично представлял себе, что набор экипажа окажется нелегким

делом. Он убеждал короля и королеву, что необходимо предоставить льготы участникам экспедиции, чтобы более заманчивой казалась перспектива трудного плавания. По его настояниям, 30 апреля 1492 г. Фердинанд и Изабелла подписали указ об отсрочке разбора гражданских и уголовных дел, возбужденных против лиц, отправляющихся в плавание с Колумбом, вплоть до возвращения экспедиции в Кастилию. Этот указ дал повод некоторым исследователям, без других веских оснований, предположить, что корабельные команды в основном комплектовались преступниками, которые стремились подписать контракт, чтобы спастись от галер и виселицы. Между тем из всего экипажа флотилии завербовались на корабли, желая воспользоваться привилегией, данной королем и королевой, только приговоренный к смерти за убийство в драке Бартоломе де Торрес и трое его друзей, которых ожидала та же кара за то, что они помогли Торресу бежать из тюрьмы. Если к июлю комплектование экипажей и удалось закончить, то подобный успех должен быть в значительной мере отнесен на долю спутников адмирала в первом плавании, Мартина Алонсо Пинсона и Пералонсо Ниньо.

Вне зависимости от того, как складывались с самого начала и как сложились впоследствии отношения между Пинсоном и Колумбом, следует подчеркнуть, что Пинсон был заинтересован в экспедиции и прилагал все старания, чтобы быстрее завершить ее подготовку. Корабли снаряжались в Палосе. А Палое был в то время одним из самых оживленных портов Кастилии. Он лежал *в* низовье реки Рио-Тинто. На берегах этой реки рассеяны были и другие поселки и городки, жившие морем, — Ривера де Могер, где находились известные верфи Могер, Лепе.

Близ отмели Сальтес, слева от входа в устье Рио-Тинто, останавливались корабли, идущие из Португалии, Англии и Фландрии в столицу Андалусии — Севилью. Чуть дальше к западу, в низовье реки Одьель, имеющей общее устье с Рио-Тинто, лежит порт Уэльва. Рыбаки, матросы, мастеровые верфей, грузчики, конопатчики, парусники, бондари, кузнецы — люди, наследственно связанные с морским делом, составляли население этих небольших городков на берегах Рио-Тинто и Одьеля.

Здесь не было известно имя генуэзца Колумба. Но в Паласе все знали династию потомственных корабельщиков и мореходов Пинсонов. Мартин Алонсо Пинсон и его младший брат, Висенте Яньес, были заслуженные и опытные моряки, люди уважаемые и влиятельные. В Могере не меньшей славой пользовалась семья Ниньо. Братья Ниньо — старший Пералонсо и два младших, Хуан (владелец «Ниньи») и Франсиско, принимали наряду с

Пинсонами активное участие в делах экспедиции.

Материалы судебного процесса против наследников Колумба — единственный (и весьма ненадежный) источник, который позволяет судить о характере деятельности Пинсонов накануне отплытия флотилии, свидетельствует, что Мартин Алонсо и его брат Висенте Яньес усиленно занимались вербовкой охотников. Остается неясным, показывали ли они при этом таинственную карту с островом Сипанго, которую Мартин Алонсо якобы приобрел в Риме, в папской библиотеке. Тенденциозным заявлениям сына Мартина Алонсо, Ариаса Переса, сделанным последним в 1515 г., вряд ли следует доверять; но так или иначе у братьев Пинсонов и у братьев Ниньо нашлись достаточно красноречивые и убедительные доводы, чтобы привлечь местных моряков и убедить их записаться в состав корабельных команд экспедиции.

В результате в округе Палоса, а также в Уэльве и Лепе удалось завербовать подавляющее большинство необходимых для флотилии людей.

Выходцы из других андалусских городов — Кадиса, Севильи, Кордовы, Хереса, Пуэрто де Санта Мария — составляли следующую, внушительную по численности группу. Далее шли десять северян (баски и галисийцы) и пять чужеземцев (Сам Колумб, португалец Жуан Ариаш, генуэзец Джакомо Рико, калабриец Антонио Калабрес и венецианец Джовани Весано).

Всего отплыло на «Санта Марии», «Нинье» и «Пинте» 90 человек. Имена 87 из них установлены точно, благодаря тому, что сохранились платежные списки — ведомости, по которым выплачивалось жалование законтрактованным морякам.

Не следует думать, что на каравеллах Колумба собралась бесшабашная, не знающая удержу вольница, человеческое отребье из портовых кабаков и притонов. На корабли шли главным образом коренные жители Палоса и других приморских городков. Далеко не все они были опытными моряками. Вспомним, что, когда наместник (начальник) португальского острова Санта Мария задержал на берегу десять человек из экипажа «Ниньи» (а на ней тогда было 40 человек), Колумб сильно обеспокоился, опасаясь, что с тем небольшим количеством сведущих моряков, которые остались на корабле, он не сможет совершить переход от Азорских островов к берегам Кастилии.

Но любой из уроженцев Палоса, Могера или Уэльвы имел профессию, в той или иной степени связанную с морским делом. В судовых экипажах людей, знающих разные виды ремесла, было немало. Поэтому Колумб мог, не лишая себя нужных для обратного плавания работников, оставить на Эспаньоле

плотников, конопатчиков, бомбардиров и бондарей. Но высокой дисциплиной все эти люди, однако, не отличались. Несомненно, в немалой степени расшатали дисциплину раздоры между Колумбом и Пинсонами, из-за которых команды кораблей разделились на два враждебных лагеря.

Особенностью экспедиции было обилие на кораблях людей, связанных узами кровного родства. Фамилии Пинсонов и Ниньо были представлены каждая тремя братьями. На «Нинье» служили отец и сын Арраесы; на «Пинте» дяди и племянник Пересы, братья Медели и братья Кинтеро. Все эти группы родичей либо блокировались между собой, либо люто враждовали, вспоминая давние обиды. Старые, начатые еще где-нибудь в Палосе или Могере, распри продолжались на море и волновали весь экипаж.

Постоянно также возникали ссоры между южанами и выходцами из северных провинций (во главе последних стоял владелец «Санта Ма рии» — Хуан де ла Коса — однофамилец и тезка известного пилота и картографа).

Несомненно, однако, что успех плавания был достигнут не только благодаря энергии и предприимчивости Колумба или Пинсонов, но и благодаря стойкости большинства простых матросов, людей, сроднившихся с морем, уроженцев тех областей Испании, которые дали стране тысячи прекрасных моряков.

Личный состав экспедиции

На кораблях Колумба весь личный состав может быть подразделен на четыре группы:

Командный состав.

Младший командный состав.

Матросы (marineros и grumetes).

Прочие участники экспедиции.

Командный состав

На каждом корабле, помимо капитана, функции которого, как мы это сейчас увидим, не вполне соответствовали кругу обязанностей современных капитанов, — были один «маэстре», один пилот и судовой лекарь.

Капитан являлся начальником и комендантом корабля. По смыслу «Морской инструкции» Диего Паласио 1587 г., он должен был прежде всего быть «добрым католиком». Затем ему полагалось обладать храбростью, благородством характера и твердостью, ревностно относиться к своим обязанностям и держать в подчинении команду. Если корабль подвергался нападению, то капитан единолично руководил боем.

Но «Инструкция» не требовала от него познаний в морском деле. Все непосредственное руководство службой на корабле возлагалось на маэстре, который был, в сущности, судовым

шкиперам. Несколько меньшими правами пользовался пилот (штурман). Пилот должен был ежедневно определять положение корабля, вести астрономические наблюдения и прокладывать на карте курс, пройденный кораблем. На этот пост назначались моряки, сведущие в астрономии и навигации, люди, имеющие большой и разносторонний опыт.

На кораблях Колумба должности капитанов, маэстре и пилотов занимали следующие лица:

«Санта Мария»

«Ниньа»

«Пинта»

Капитаны

Колумб

Висенте Яньес Пинсон

Мартин Алонсо Пинсон

Маэстре

Хуан де ла Коса

Хуан Ниньо

Франсиско Мартин Пинсон

Пилоты

Пералонсо Ниньо

Санчо Руис де Гама

Кристоваль Гарсиа Сармьенто

Не говоря уже о Мартине Алонсо Пинсоне, знания и заслуги которого признавали все без исключения современники, все эти командиры были опытными моряками. С именами Пералонсо

Ниньо, впоследствии главного пилота Кастилии, и особенно Висенте Яньеса Пинсона связаны важные открытия на берегах «материковой земли» — Южной Америки. Превосходными пилотами были де Гама и Сармьенто. Но Хуан де ла Коса, в отличие от своего знаменитого однофамильца, был заурядный моряк и пост маэстре, вероятно, получил только потому, что являлся владельцем корабля «Санта Мария». К командному составу можно с оговоркой отнести и т. н. контрамаэстре (contramaestre). Обязанности их были весьма многочисленны. Контрамаэстре были корабельными мастерами и ведали личным составом экипажей.

Коронные должностные лица и прочие участники экспедиции

К ним относятся:

1. полномочный инспектор короны (veedor real) Родриго Санчес де Сеговия;

2. нотариус флотилии (escribano de toda armada) Родриго де Эсковеда;

3. переводчик, крещеный еврей (converse) Луис де Торрес;

4. единственный «пассажир» флотилии, королевский постельничий (repostero de estrados del rey) Педро (Перо) Гутьерес;

5. слуга адмирала Педро де Терререс и

6. паж адмирала Педро де Сальседо.

Инспектор короны назначен был на флотилию для надзора за всей финансовой частью экспедиции. Так как согласно тексту договора (капитуляции), заключенного с Колумбом, львиная доля будущих доходов в новооткрытых землях доставалась короне, то инспектор обязан был следить за тем, чтобы адмирал и его люди действовали в соответствии с условиями договора, без ущерба для королевской казны.

На нотариуса флотилии возлагалась обязанность, чрезвычайно существенная с точки зрения кастильских ревнителей закона. Он составлял и, как представитель короля и королевы, скреплял своей подписью акты о вводе новооткрытых земель во владение Кастилии.

Переводчик Луис де Торрес возможно оказал бы экспедиции пользу, если бы Колумб действительно достиг Восточной или Южной Азии, так как он знал, помимо испанского и древнееврейского, арабский язык. Но ни на Кубе, ни на Эспаньоле его лингвистические познания не нашли и не могли найти себе применения.

Младший командный состав

На корабле были боцманы, обязанности которых мало чем отличались от обязанностей боцманов на парусных кораблях XVI—XIX веков; лица, которые ведали хранением и выдачей провианта, вина, пресной воды и отвечали за исправность сигнальных фонарей и правильный от счет времени по ампольетам (песочным часам). Это были так называемые despensero.

К младшим командирам приравнивались, получая при этом жалование, положенное матросам высшей статьи, конопатчик (calafate), бочар (tonelero) и корабельный плотник (carpentero).

Матросы

Матросы делились на два разряда:

1. маринеро — обученные матросы, матросы высшей статьи и

2. груметы — палубные матросы. К разряду груметов относились также корабельные мальчики (юнги).

Маэстре и пилоты получали ежемесячно 2 000, маринеро — 1 000 и груметы — 666 мараведи.

Всему экипажу ежемесячно выплачивалось 250 180 мараведи.

Корабли первой флотилии Колумба

Корабли «Санта Мария», «Нинья» и «Пинта», на которых Колумб совершил свое первое плавание через Атлантический океан, относились к типу каравелл. В эпоху великих географических открытий с понятием «каравелла» не был, однако, связан класс кораблей со строго определенными конструктивными особенностями. Скорее термин «каравелла» был родовым названием, объединяющим различные виды небольших легких и быстроходных парусных судов, созданных португальцами на заре эпохи великих открытий.

В 20-х и 30-х годах XV столетия португальские пионеры первоначального накопления открыли путь к западным берегам Африки. Из замка Сагреш принц Энрике (Генрих «Мореплаватель»), великий магистр ордена Христа — конгрегации крестоносных искателей наживы, направлял флотилию за флотилией на поиски золота и черных рабов. Португальские корабли вышли на просторы Атлантики в «Mar tenebroso» |Мрачное море) древних легенд. Здесь, у берегов, которые простираются к югу от мыса Боядор в сторону Сенегала и Гвинеи, а также на пути от Португалии к Азорским островам, условия плавания были совсем не такие, как в Средиземном море, этой колыбели гребного и парусного флота.

Средиземноморские народы — венецианцы, генуэзцы,

каталонцы, византийцы, арабы и турки, продолжая вековые традиции античной древности, создали немало самых разнообразных типов парусных кораблей. Корабли эти бороздили воды Средиземного моря задолго до того, как португальцы начали прокладывать новые пути в Атлантическом океане. Но все эти парусные суда — тариды, карамуссалы, паландры, бусии, коки, бай лены и т.п. — рассчитаны были на плавание у издавна известных берегов Средиземного моря.

Быстрота хода и маневренность средневековых парусных кораблей были обратно пропорциональны их величине. Поэтому и для военных целей и для перевозки грузов на дальние расстояния флотоводцы, мореплаватели и купцы предпочитали пользоваться галерами — кораблями, покорными воле гребцов и плавающими по морю вне зависимости от направления ветра. Средиземноморских моряков вполне удовлетворяли гребные суда, вооруженные парусами. Подобная комбинация весел и парусов позволяла совершать переходы значительной дальности и при попутных и при противных ветрах в любом заданном направлении.

Но эти корабли-гибриды, с примитивным парусным вооружением и огромным экипажем, не могли найти применения в португальской морской практике. В самом деле, португальцам приходилось делать переходы в несколько тысяч километров, следуя вдоль пустынных, мало исследованных берегов. Для этого необходимо было запасаться при выходе в море десятками тонн продовольствия и снаряжения. В Африке корабли принимали на борт рабов и тяжелые грузы. В этих условиях каждый кубический метр емкости судна расценивался очень высоко. Держать на корабле команду гребцов и необходимые для ее прокормления запасы провианта и пресной воды было невыгодно. Да и, кроме того, при передвижении на веслах плавание от берегов Португалии к Сенегалу или Зеленому мысу и обратно продолжалось бы не менее года, а в соответствии с этим приходилось бы брать колоссальное количество мертвого груза.

Таким образом, перед португальцами с самого начала их деятельности встала сложная и трудно разрешимая задача.

Необходимо было создать новый тип парусного корабля, который обладал бы большой быстроходностью, маневренностью, остойчивостью и емкостью, достаточной, чтобы принять в свои трюмы и многомесячные запасы провианта, и рабов, и другую добычу, награбленную на берегах африканского материка.

Именно такими кораблями и были каравеллы. Создавая каравеллу, португальцы не столько изобретали новый по конструкции тип судна или новые приемы оснастки, сколько

совершенствовали зарекомендовавшие себя на практике части оснастки, рангоута и конструкций уже существующих кораблей.

Но при этом они, используя свой большой опыт и зорко приглядываясь к судам старого типа, отбирали, комбинировали и совершенствовали все детали, которые могли оказаться полезными для их цели, т. е. для создания корабля, отвечающего требованиям новой мореходной практики. И это им удалось осуществить с большим успехом. Венецианец Кадамосто, участник португальских плаваний в Африку, писал в 1456 г., что «каравелла — это лучший корабль, когда-либо бороздивший моря».

Мореходные качества каравелл были, по тем временам, действительно очень высокими. Они могли проходить в час 10, 12 или даже 15 итальянских морских миль, и скорость их, таким образом, достигала 22 км в час. Каравелла, на которой плавал Кадамосто, при ветре с юго-запада следовала западно-северо-западным курсом, т. е. держалась всего лишь в шести румбах от ветра.

По свидетельству одного моряка XV столетия, — «каравеллы отлично лавировали, поворачиваясь к ветру то одним, то другим бортом, как будто у них были весла». Всем этим качествам мог позавидовать парусный корабль тяжелого типа XIX века. Огромное значение имела легкость и маневренность каравелл в условиях океанских плаваний у неизвестных или слабо обследованных берегов.

Первые, или, как их называют некоторые французские авторы, «классические каравеллы», были легкими однопалубными кораблями водоизмещением в 50—70 тонн, с тремя или четырьмя мачтами и латинскими (треугольными) парусами, которые растягивались на слегка выгнутых гафелях, прикрепляемых к мачте под углом, наподобие перекладины «журавля». Таким образом, эти каравеллы имели косые паруса (т. е. паруса, расположенные, когда корабль находится в покое, не поперек судна, а в его диаметральной плоскости).

Паруса такого же типа известны были уже тысячелетия. Они ставились на древнегреческих и римских рыбачьих лодках, они применялись и в средние века. Но эффективность парусного вооружения каравелл была несравненно выше, чем у кораблей XIII—XIV столетий. Это было достигнуто коренными изменениями в оснастке и введением новых парусов, которые позволяли кораблю идти по принятому курсу при боковых ветрах и лавировать, двигаясь зигзагами против ветра. Если старые парусные корабли несли паруса на двух мачтах и не знали бушприта, то каравеллы получили при равной, а порой и

меньшей, величине корпуса судна три мачты (фок-мачту, грот-мачту и бизань-мачту) и бушприт, к которому крепился небольшой треугольный парус — блинд.

Площадь парусов возросла почти вдвое, а благодаря строго продуманной системе управления ими это приращение было весьма умело использовано.

Удачно была решена и конструкция корпуса каравеллы. При соотношении длины по килю к наибольшей ширине, равной 3:1 (у старых парусных кораблей это соотношение редко бывало больше 2,5:1), каравеллы обладали остойчивостью — качеством чрезвычайно важным, если учесть, что им приходилось выдерживать свирепые атлантические штормы.

Но за четыре-пять десятилетий, которые протекли со времен первых африканских открытий португальцев до путешествий Бартоломеу Диаша и Колумба, первоначальный тип каравелл значительно изменился. Появились каравеллы с прямыми парусами — родные братья крупных и надежных в плавании «navios redondos» — «больших кораблей с прямыми пару сами» — основного типа португальского корабля дальнего плавания второй половины XV века (Подобного же типа корабли строили и в других европейских странах. В Венеции они получили название «nave grande» — корабля с квадрат ными парусами).

Так же, как и косые паруса, прямые были известны с незапамятных времен. Они представляли собой квадратные или прямоугольные полотнища, растягиваемые не на наклонных гафелях, а на реях — поперечных бревнах, которые подвешивались к мачтам за середину. При прямом парусном вооружении все паруса при ветре, дующем прямо с кормы, располагались перпендикулярно диаметральной плоскости корабля. Они не позволяли кораблям держать так круто к ветру, как косые паруса, и были менее удобны при каботажных плаваньях. Но прямые паруса обладали одним неоценимым преимуществом при противных ветрах, когда корабли, чтобы передвигаться вперед, вынуждены были лавировать, поворачиваясь под острым углом к ветру то правым, то левым бортом: каждый поворот требует при косых парусах перенесения гафеля с парусом с одной стороны мачты на другую — операция не только очень сложная, но и опасная при сильных ветрах; гораздо проще в этом случае управляться с прямыми парусами. При парусах этого типа перемена их положения достигается бра сопкой — т. е. поворотом рей в горизонтальном направлении с помощью особых снастей бегучего такелажа — брасов. Прямые паруса получили грот- и фок-мачты. На бизани остался закрепляемый на гафеле латинский парус, а на бушприте —

треугольный блинд. Найден был способ увеличить площадь парусов, ставя их в два яруса. На каравеллах это нововведение выразилось в появлении на грот-мачте верхнего паруса — марселя.

Большая нагрузка от парусов вызывала необходимость изменить конструкцию мачт. Грот-мачта, несущая нижний парус и марсель, стала делаться составной — к очень толстому и крепкому основанию, собственно мачте, прикрепляли съемную стеньгу, на которой подвешивался марсель, тогда как нижний парус несло нижнее колено мачты.

Помимо этих основных парусов, каравеллы получили еще добавочные косые паруса — лиселя или бинеты (в дневнике Колумба они носят на звание «bonetas»), в виде добавочных полос, пришнуровывавшихся снизу к гроту.

Вся последующая эволюция парусного флота, которая привела в XVIII веке к появлению многомачтовых кораблей-гигантов с пятью или даже шестью ярусами парусов, связана с прямыми парусами, которые получили уже в эпоху Колумба всеобщее признание мореплавателей. «Санта Мария» и «Пинта» имели при выходе из Палоса прямые паруса. А «Ниньа» была вооружена латинскими парусами и переоборудована на Гран-Кана рии, где под непосредственным руководством Колумба и Мартина Алонсо Пинсона косое парусное вооружение было заменено прямым (В тексте дневника, переписанного рукою Лас Касаса, в том месте, где речь идет о перевооружении одной из каравелл на Гран-Канарии, на звана «Пинта». Лоллис в своем издании дневника Колумба (1892 г.), опираясь на свидетельство Фердинанда Колумба и ряд других данных, справедливо отметил, что Лас Касас спутал в этом случае названия кораблей. Перевооружению подверглась «Ниньа»).

К сожалению, до нас не дошли ни чертежи, ни рисунки каравелл Колумба. Оценивая все ныне существующие модели «Санта Марии», «Пинты» и «Ниньи», можно поэтому сказать лишь одно: они воспроизводят подлинную конструкцию и оснастку этих кораблей с такой же точностью, с какой беглый карандашный эскиз, сделанный по памяти, может передать черты давно утраченного оригинала.

В своих кропотливых и нелегких изысканиях историки кораблестроения учитывают, во-первых, все замечания, касающиеся трех каравелл, в документах, которые относятся к первому плаванию Колумба. К сожалению, у самого Колумба, в его дневнике, который сохранился, как известно, лишь в сокращенной копии Лас Касаса, отсутствует описание кораблей, принимавших участие в плавании. В дневнике рассеяны, однако,

весьма ценные замечания, которые хоть и не позволяют восстановить полностью типы кораблей, но дают возможность исследователям составить некоторое представление о конструкции и важнейших деталях оснастки «Санта Марии», «Ниньи» и «Пинты».

Исключительную ценность имеет запись дневника от 24 октября 1492 г., где точно описывается парусное вооружение «Санта Марии»: «Я поста вил все паруса корабля — грот с двумя лиселями, марсель, фок, блинд и бизань...»; во-вторых, указания современников Колумба о конструкции, деталях оснастки и верхних надстройках каравелл «Санта Мария», «Нинья» и «Пинта»; в-третьих, данные, которые содержатся в самых разнообразных документах XV и XVI столетий о кораблях, сходных по типу с каравеллами Колумба. В этой группе источников следует выделить «Instruction nautica» — «Морскую инструкцию» Диего Паласио 1587 г., где приводятся типовые размеры испанских кораблей различных классов. Весьма интересны рисунки каравелл испанского мореплавателя и картографа, спутника Колумба в его последующих плаваньях, Хуана де ла Коса, которые помещены на полях его карты, датированной 1500 г.

Основные сведения о «Санта Марии», «Нинье» и «Пинте» приводятся в следующей таблице (При составлении таблицы использованы следующие работы: A. Gould y Quincy — Nueva lista documentada da los tripulantes de Colon en 1492. Bol. de la Real Academia de la Historia, 1927—1928. П. Б. «Каравеллы Колумба», Морской сборник №10, 1892, Albertis – Construzzioni navali. Raccolta di documenti e studi publicati dalla Reale commissione Colombiana, t.IV. Roma, 1894. Morison S.E. Admiral of Ocean Sea, v. I, 1942).

Название каравеллы	Численность судовых команд	Размеры в метрах										Водоизмещение в тоннах
		Длина по килю		Длина между перпендикулярами		Наибольшая ширина		Наибольшая глубина трюма		Наибольшая осадка		
		по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	
Санта Мария . . .	39	18,50	—	22,60	—	7,80	—	3,80	—	3,20	2,15	120—130
Нинья . .	26	14,00	15,5	17,36	2,70	5,60	7,13	3,08	2,80	—	1,90	55—60
Пинта . . .	22	15,68	13,25	20,16	—	7,20	7,75	3,36	3,41	2,80	—	55—60

Наиболее обстоятельные работы, посвященные каравеллам Колумба, принадлежат Фернандесу Дуро и Монлеону (1892—1893 г.), Альбертису (1892 г.) и Гильену (1927 г.). У всех этих авторов имеются, однако, существенные расхождения в оценке габаритов судов и деталей внутреннего устройства. Американец С. Э. Морисон, повторивший накануне второй мировой войны маршруты трех плаваний Колумба на корабле, построенном по образцу «Ниньи», приводит данные о размерах каравелл, близкие к расчетам Ф. Дуро и Монлеона (в работе Admiral of Ocean Sea). В таблице приводятся данные Ф. Дуро — Монлеона и С. Э. Морисона. Все три каравеллы были легкими однопалубными судами с низким бортом, но высокими надстройками на корме и на носу. На «Санта Марии» — на юте была двухъярусная надстройка. Ее нижний ярус, «тольда», использовался для хранения различного корабельного имущества (канаты, якоря, блоки и т. п.). Верхняя, меньшая по площади надстройка — «толдилья» — предназначалась для адмирала и была его рубкой. Часть палубы между ютом и фок-мачтой («камбес») не имела никаких надстроек.

Здесь помещались баркасы каравеллы, кухня и площадка, отведенная для компаса, который хранился в особом деревянном ящике — битакоре, колодец для деревянной трюмной помпы и брашпиль для якорного каната. На баке, между фок-мачтой и носом, располагалась надстройка, где размещались матросы. В передней части перекрывающего эту надстройку настила, на самом носу, была наблюдательная площадка. Еще одна наблюдаельная площадка — марс («габия» буквально клетка) была на грот-мачте.

Каравеллы и необходимое для заморского плавания снаряжение Колумб получил в Палосе; через тринадцать дней

после подписания договора (капитуляции) с ним, 30 апреля 1492 г., Фердинанд и Изабелла особыми указами на имя городских властей Палоса предписали им в десятидневный срок, не ожидая дополнительных указаний и разъяснений, обеспечить всем необходимым экспедицию, во главе которой стоял Колумб. Город предоставил два корабля — «Нинью» и «Пинту», «Санта Мария» была законтрактована Колумбом непосредственно у ее владельца.

«Нинья» — официальное ее наименование было «Санта Клара» — принадлежала Хуану Ниньо из Могера. Возможно, что по созвучию с именем владельца, но, может быть, и как самое малое судно флотилии (nin'a — по-испански— детка), она и получила кличку, вошедшую в историю как ее подлинное имя. Она была построена на верфях ныне занесенной илом гавани Ривера де Могер в устье реки Рио-Тинто, т. е. той реки, на которой расположен был и Палое. Ни с одним из кораблей, участвовавших в первом путешествии Колумба, так тесно не связана история дальнейших заатлантических открытий, как с «Ниньей». Она принимала участие во втором путешествии Колумба, и адмирал избрал именно ее (из флотилии в 17 кораблей) в качестве флагманского корабля при плавании у берегов Кубы, а затем стал ее совладельцем.

На «Нинье» Колумб возвратился в Испанию в 1495 г., затем, при переходе из Кадиса в Рим, каравелла была захвачена сардинскими пиратами, отбита у них и после возвращения в Испанию была отправлена на Эспаньолу как передовой корабль флотилии Колумба, вышедшей в третье плавание. Известно, что в 1501 г. она совершала еще торговые рейсы к Жемчужному берегу. На этом история «Ниньи» обрывается — имя ее исчезает бесследно из летописей мореплавания.

Из всех каравелл Колумба «Нинья» была несомненно наилучшей, и отзыв, данный ей адмиралом в дневнике, вполне заслужен.

«Пинта» построена была в Палосе и получила свое прозвище воз можно по созвучию с именем давнишних ее владельцев (Пинто). В 1492 г. она принадлежала Кристовалю Кинтёро, который в качестве матроса со провождал Колумба в первом путешествии. В «Дневнике» ясно указывается, что Кинтёро чинил козни, не желая, чтобы корабль принимал участие в плавании. То обстоятельство, что, подобно «Нинье», «Пинта» выдержала жестокие февральские штормы в Атлантике и благополучно возвратилась в Кастилию, можно приписать в одинаковой степени и ее мореходным качествам, и искусству ее капитана, Мартина Алонсо Пинсона.

Никаких сведений о дальнейшей судьбе «Пинты» не имеется.

Родиной «Санта Марии» в отличие от «Ниньи» и «Пинты» была Галисия, и в Палосе этот корабль известен был под кличкой «Гальега» (Gallega, по-испански — галисийка). Она была законтрактована для Колумба у ее владельца Хуана де ла Коса (Не следует смешивать его с пилотом Хуаном де ла Коса, спутником Колумба в последующих плаваниях) и стала флагманским кораблем флотилии не благодаря своим достоинствам, а вследствие того, что по величине она превосходила прочие корабли. «Санта Мария» села на мель в ночь на 25 декабря 1492 г. у берегов Эспаньолы и была расстреляна изломбард во время смотра, который устроил Колумб для устрашения индейцев бухты Навидад.

О «Санта Марии» имеется убийственный, но вряд ли вполне объективный отзыв самого Колумба (см. запись от 26 декабря в «Дневнике»). Многие отвергают эту характеристику, потому что она дана была в дни кораблекрушения, когда Колумб делал все возможное, чтобы утешить свое горе хотя бы ценой умаления тяжести понесенной потери.

Необходимо отчетливо представить себе, какие трудности и лишения приходилось испытывать морякам на каравеллах Колумба. При постройке каравелл никто не заботился о самых элементарных удобствах для людей, которым суждено было на этих судах жить месяцами. Спали вповалку, в невероятной тесноте, на ящиках, на бочках, на досках, в трюме и в палубных надстройках, подстилая под себя свое же собственное платье, Матросы, отстоявшие четырех- или пятичасовую вахту, в мокрой одежде занимали места, только что оставленные их товарищами.

Подвесные койки, прототипом которых был индейский гамак, появились на кораблях лишь в XVI столетии. Постели же были привилегией избранных. Во всей флотилии ими пользовались 10—12 человек — адмирал, капитаны, маэстре и пилоты кораблей, должностные лица, назначенные короной.

Пищу готовили на примитивном очаге, конструкция которого вряд ли могла бы вызвать у индейцев Багамских островов, Кубы, или Эспаньолы, уважение к испанской кухонной технике...

Тем не менее, глубоко ошибочно мнение (от которого до сих пор не избавились еще некоторые биографы Колумба), что каравеллы, на которых было совершено великое плавание, являлись не более как утлыми скорлупками.

Не для красного словца Колумб в прологе к «Дневнику» писал, что его каравеллы оказались «Muy aptos por semejante fecho — очень пригодными для подобного дела». По конструкции и по оснастке они вполне были приспособлены для грандиозных морских предприятий.

Длительные заокеанские плавания стали технически осуществимыми в конце XIV века, потому что пытливая мысль мореходов практиков создала тип судна, отлично приспособленный для дальних морских переходов. Эти плавания были исторически обусловлены всем ходом развития Португалии и Испании — двух атлантических стран, которые в XV веке первые из европейских держав вступили на путь колониальных захватов.